ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НА ПУТИ К СПРАВЕДЛИВОМУ ОБЩЕСТВУ: ЖЕНЩИНЫ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, НАУКЕ, КУЛЬТУРЕ (1919–2019)

Сборник научных статей
по итогам Международного научно-практического семинара
(Новосибирск, 15–16 октября 2019 г.)

Ответственные редакторы:
доктор философских наук Е. А. Ерохина,
доктор исторических наук О. Н. Шелегина

Новосибирск
2019

УДК 396(082)
ББК 60.542.21я43
Н 126

Рецензенты:
доктор социологических наук, профессор *С. Б. Орлов*,
кандидат исторических наук *Н. Н. Покровский*

Данное издание осуществлено при содействии Филиала Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в Российской Федерации и распространяется бесплатно. Мнение авторов может не совпадать с позицией Фонда.

Н 126 На пути к справедливому обществу: женщины в общественной жизни, науке, культуре (1919–2019) : сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. семинара (Новосибирск, 15–16 октября 2019 г.) / отв. ред. Е. А. Ерохина, О. Н. Шелегина. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2019. – 154 с.

ISBN 978-5-4437-0955-0

В сборнике представлены доклады участников Международного научно-практического семинара «На пути к справедливому обществу: женщины в общественной жизни, науке, культуре (1919–2019)», посвященного роли ответственного участия женщин и мужчин в рефлексивном преобразовании современного общества. Тематика семинара связана с деятельностью женщин в социальных переменах, с их участием в гражданской самоорганизации, формировании творческой среды и производстве научного знания. Семинар был организован при содействии Филиала Фонда Розы Люксембург в России.

The book contains articles of the participants of the International Scientific and Practical Seminar «Towards a Fair Society: Women in Public Life, Science, Culture (1919–2019)», dedicated to the role of responsible participation of women and men in the reflective transformation of modern society. The topic of the seminar is related to the activities of women in social change, with their participation in civic self-organization, the formation of a creative environment and the production of scientific knowledge. The seminar was organized with the assistance of the Rosa Luxemburg Foundation Branch in Russia.

УДК 396(082)
ББК 60.542.21я43

ISBN 978-5-4437-0955-0 © Институт философии и права СО РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов 4

Анжиганова Л. В. Хакасская женщина как актор этнокультурного развития: неотрадиционалистский дискурс 7
Ардальянова А. Ю., Винокурова А. В., Кузина И. Г., Орлова Н. А. Практики современных женщин: религия, семья, работа (на материалах эмпирического исследования) 18
Бадмацыренова Е. Л. Правовое регулирование общественно-политического участия женщин Бурятии в советский период 30
Беляев В. П. Дженис Джоплин как зеркало российской массовой культуры 37
Галкина Е. П., Кадничанская М. И. Гендерные аспекты управленческой деятельности: «старые» и «новые» социальные роли 42
Гафурова З. Р. «Когда я думаю или пишу о чем-то, мне всегда легче иметь с этим дело»: дневник Л. В. Шапориной (1898–1967) 54
Горбунова Е. В., Ерохина Е. А. Кризисное общество между травмой и удовольствием: норма, идентичность, выбор 61
Дегальцева Е. А. Права женщин на аборт и их борьба за него 67
Джумантаева Т. А. Материальное воплощение духовного наследия святой Евфросинии Полоцкой 74
Запорожченко Г. М. Женщины в науке: сибирские академины 86
Мархинин В. В. «Что умная женщина должна знать о социализме и капитализме» и «что социалистическая женщина должна знать об уме» – женщины и социализм в полемике Бернарда Шоу и Лилиан ле Мезюрье 93
Миронова Н. П., Лисевич Н. Г. Гендерный контракт в повседневных практиках женщины-этнографа Коми филиала АН СССР канд. ист. наук Л. С. Грибовой (по личным дневникам) 108
Намруева Л. В. Депортация калмыков в памяти поколений: гендерный аспект 116
Недзелюк Т. Г. Модель гендерного поведения в практиках общественного служения: из истории «Абрикосовской общины» 130
Фролова А. В. «Уходящая натура»: женские образы в творчестве фотохудожника З. З. Виноградова (из коллекции 1928–1933 гг. фотоархива ИЭА РАН) 138
Шестак О. В. К вопросу исследования гендерных особенностей в процессе профессионального становления женщины 145

Сведения об авторах 153

ОТ РЕДАКТОРОВ

Современный мир полон противоречий, источником которых, как и столетие назад, является капиталистическая система, основанная на отчуждении человека от смыслов и результатов его деятельности. Социальная критика капитализма остается актуальной научной и практической задачей. Вместе с тем его проникновение в сферу семейных и приватных отношений высвободило потенциал социальной активности женщин. За истекшие сто лет после социальных революций 1917–1919 гг. в обществе произошли глубокие изменения, позволяющие говорить об эмансипации женщин в сфере гражданских, экономических и политических прав.

Задача преодоления гендерного неравенства сопрягается с запросом на социальную справедливость. С развитием глобализации появляются новые формы отчуждения и зависимости. Как опыт участия женщин в развитии социальной теории и конкретных практик сопротивления неравенству может помочь преодолению негативных последствий внедрения неолиберальных и авторитарных моделей модернизационного перехода?

Этот и другие вопросы, связанные с ролью женщин в социальных переменах, а также с их участием в гражданской самоорганизации, формировании творческой среды и производстве научного знания, послужили стимулом для проведения Международного научно-практического семинара «На пути к справедливому обществу: женщины в общественной жизни, науке, культуре (1919–2019)», цель которого – представить новое, соответствующее современному состоянию развития общества, видение поставленных в социальной теории XX−XXI вв. гендерных проблем, предложить для осмысления опыт ответственного участия женщин в общественной жизни, науке, культуре эпохи перемен (1919–2019).

В числе приоритетных проблем, обсужденных на семинаре, можно выделить следующие:

– женщины в социальных движениях: история и современность;

– женщины в науке, искусстве и культуре эпохи перемен: герои и творцы;

– гендерный контракт в современном обществе: идентичности, стигмы, «старые» и «новые» социальные роли;

– женские и мужские фигуры воспоминаний в коммеморативных практиках современного социума;

– критическая теория и «гендерный» поворот в философии и социальных науках.

Активное и конструктивное обсуждение названных проблем в ходе семинара способствовало интеграции участников и исследовательских коллективов ученых из Института философии и права СО РАН, Института истории СО РАН; Новосибирского государственного национального ис-

следовательского университета, Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва), Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста), Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар), Дальневосточного федерального университета, Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина, Бурятского государственного университета, Ульяновского государственного университета, Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Сургутского государственного университета, Московского национального исследовательского технологического университета стали и сплавов, Уральского государственного горного университета, Новосибирского государственного университета экономики и управления, Новосибирского государственного технического университета, Сибирского института управления – филиала РАНХиГС, Бийского технологического института (филиала) Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, Консалтинговой компании «Алтай-арт» (г. Барнаул), Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (Республика Беларусь), Украинского Гуманитарного Фонда и Социологической ассоциации Украины.

Результаты исследований, представленных в сборнике, базируются на анализе репрезентативного зарубежного и российского материала, разноплановом круге источников и обширной эмпирической базе, в ряде случаев носят междисциплинарный характер. Важное теоретическое и научно-практическое значение имеют статьи, многоаспектно отражающие роль женщин в истории мировой и российской культуры (Т.А. Джумантаева, Т.Г. Недзелюк, В.П. Беляев, З.Р. Гафурова); вклад женщин в развитие российской науки (Г.М. Запорожченко, Н.П. Миронова, Н.Г. Лисевич); гендерные позиции в этнокультурных и общественно-политических процессах (Л.В. Анжиганова, Е.Л. Бадмацыренова, Л.В. Намруева), в профессиональных сообществах (О.В. Шестак). Значительный интерес представляют работы, связанные с социально-политическими идеями Бернарда Шоу (В.В. Мархинин), проблемами идентичности в кризисном обществе (Е.В. Горбунова, Е.А. Ерохина), соотношения традиций и новаций в социальных ролях (Е.П. Галкина, М.И. Кадничанская, А.В. Фролова), репродуктивной свободы женщин (Е.А. Дегальцева), повседневных практик в жизнедеятельности современных женщин (А.Ю. Ардальянова, А.В. Винокурова, И.Г. Кузина, Н.А. Орлова).

В целом представленные материалы позволяют существенно расширить пространство научного знания, связанного с поисками путей к справедливому обществу, обеспечивающему эффективную реализацию женщин в общественной жизни, науке, культуре, способствуют развитию социокультурных практик и определяют актуальные и перспективные исследовательские поля в русле гендерной проблематики. Целесообразными представляются дальнейшая интеграция ученых и практиков в изучении

гендерных аспектов научного и историко-культурного наследия, разработке междисциплинарных международных проектов, связанных с позициями и ролью женщин в мировом социокультурном пространстве в эпоху глобализации.

Мы выражаем свою искреннюю признательность Филиалу Фонда Розы Люксембург в Российской Федерации за содействие и оказанную поддержку в процессе организации и проведения Международного научно-практического семинара «На пути к справедливому обществу: женщины в общественной жизни, науке, культуре (1919–2019)», а также благодарим за помощь в издании сборника материалов по его итогам.

Е.А. Ерохина, О.Н. Шелегина

Л. В. Анжиганова
alv_9@mail.ru
Хакасский государственный
университет им. Н. Ф. Катанова
(Абакан)

L. V Anzhiganova
Khakass State University (Abakan)

ХАКАССКАЯ ЖЕНЩИНА КАК АКТОР ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ: НЕОТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЙ ДИСКУРС*

В статье представлен анализ противоречивых процессов сохранения и развития тюркоязычного этноса Южной Сибири – хакасов – в условиях нарастающей глобализации и сопряженных с нею новых социальных трансформаций. В работе исследованы основные стратегии преодоления депрессивных процессов в развитии этноса: этнический традиционализм как ориентация общественного сознания на традиционные ценности, отношения, социальные институты; этнический модернизм как ориентация общественного сознания этноса на новые, модернистские по своему характеру, ценности, отношения и социальные институты; этнический неотрадиционализм как ориентация общественного сознания на ревитализацию традиционных форм наследия (ценностей, отношений, социальных институтов) как ресурса адаптации к модернизационным процессам для обретения этносом целостности во времени и в пространстве. При этом особое внимание уделено анализу роли женщин в развитии традиционного кочевого общества, модернистских процессов XX в., наконец, изменению роли женщины в условиях нарастания неотрадиционалистских трендов. В исследовании показано, что неотрадиционалистский тренд является одной из наиболее эффективных стратегий. Вместе с тем делается вывод о том, что этнический неотрадиционализм носит скорее символический и противоречивый характер, само же культурное наследие характеризуется неполнотой проявления традиции.

Ключевые слова: хакасы; хакасская женщина; традиции; ритуалы; этнический традиционализм; этнический модернизм; этнический неотрадиционализм.

KHAKAS WOMAN AS AN ACTOR OF ETHNOCULTURAL DEVELOPMENT: A NON-TRADITIONALIST DISCOURSE

The article presents an analysis of the contradictory processes of the preservation and development of the Turkic-speaking ethnic group of Southern Siberia – the Khakasses – in the context of increasing globalization and the associated new social transformations.

* Работа подготовлена в рамках реализации проекта РФФИ № 19-011-00365 «Проблемы эффективного использования человеческого капитала: региональное измерение».

The paper explores the main strategies for overcoming depressive processes in the development of an ethnic group: ethnic traditionalism as an orientation of public consciousness towards traditional values, relationships, social institutions; ethnic modernism as an orientation of the social consciousness of an ethnos towards new, modernist in nature, values, relations and social institutions; ethnic neotraditionalism as an orientation of public consciousness towards the revitalization of traditional forms of existence of the traditional heritage as a resource of adaptation to modernization processes for the acquisition by the ethnos of integrity in time and space. At the same time, special attention is paid to the analysis of the role of women in the development of traditional nomadic society, the modernist processes of the twentieth century, and finally, the change in the role of women in the context of growing non-traditionalist trends. The study showed that the non-traditionalist trend is one of the most effective strategies. At the same time, it is concluded that ethnic neotraditionalism is more symbolic and controversial, while the cultural heritage itself is characterized by incomplete manifestations of tradition.

Key words: Khakass; Khakass woman; traditions; rituals; ethnic traditionalism; ethnic modernism; ethnic neotraditionalism.

Глобализация породила и продолжает воспроизводить новые, противоречивые процессы и явления во всех сферах жизни общества. По мнению Л. В. Попковой, «ситуацию современного мира многие исследователи характеризуют как время «гендерного беспокойства», когда привычные нормы взаимоотношений женщин и мужчин продолжают стремительно разрушаться, а новые нормы еще не стали конвенциональными» [*Попкова, 2019, с. 281*]. Поэтому некоторые исследователи приходят к выводу: «… поскольку происходящие социальные процессы весьма динамичны, нормативно-ценностные ориентиры населения пребывают в стохастическом состоянии, возникает интерсубъективная потребность в «незыблемых» ценностях и образцах «социально должного» поведения, и гендерные стереотипы способны выполнить эту функцию…» [*Гендерные стереотипы… 2009, с. 25*].

Этнокультурная составляющая этого процесса вносит новые краски, от пессимистически – мрачных (усиление ассимиляции) до радужно-оптимистических. В последнем случае акцент делается на восстановлении традиционных моделей гендерного баланса как фактора сохранения целостности этноса в течение длительного исторического времени.

В переломные периоды, в условиях социальных трансформаций, вновь становятся востребованными механизмы восстановления этносами себя во времени: прошлом-настоящем-будущем. Новое время, новые обстоятельства заставляют каждый раз по-новому осмысливать систему этнической целостности в аксиологическом, знаково-символическом и ритуально-поведенческом аспектах.

Этнос, будучи коллективным субъектом, тем не менее, представлен различными акторами этнического развития. Мужчины и женщины по-

разному ведут себя в кризисных условиях, что определяется, помимо прочего, исторически сложившимися ценностно-нормативными стереотипами восприятия и поведения. Разрешение вышеуказанных противоречий осуществляется различными способами, в том числе на основе этнического традиционализма, модернизма и неотрадиционализма.

Традиционалисты стремятся восстановить культуру в ее целостности на традиционных основаниях (ценности, отношения, институты). Модернизация и инновация, по их мнению, уничтожают смысл и ценностную основу традиций, которые должны восстановить этническую культуру и сам этнос как целостность.

На наш взгляд, феномен этнического традиционализма можно представить как стремление этнофоров восстановить традиционные, т. е. устойчивые, исторически апробированные ценности, формы жизнедеятельности, социальные отношения этноса в полном их объеме. Востребованность традиции – следствие разрушения базовых ментальных оснований культуры, которые нами были рассмотрены на примере хакасского народа [*Анжиганова, 1997*; *Анжиганова, 2007*]. Хакасы считали, что мир един и живой, но сегодня превратился в пространство неразрешимых противоречий. Жизнь была главной ценностью этноса и обладала свойством бесконечности во времени и пространстве, но сегодня она конечна, ограничена и часто бессмысленна. Традиционный человек нес ответственность не только за себя, но и за мир в целом, но сегодня он не отвечает не только за природные процессы, но и за собственную жизнь. Выпадение человека из природной ритмичности привело к резкому и опасному снижению физического, психического здоровья этноса. Отрицание онтологического статуса закона справедливости резко снизило планку общественной и личной нравственности; разрушилось целостное пространство жизни человека: семья – род – этнос перестали быть ценностью.

Творчество не является естественным процессом в жизни каждого человека, но только уделом немногих профессионалов. Позитивное мировосприятие ушло в самые глубины коллективного бессознательного, уступив место эсхатологическим ожиданиям. Этнос утратил чувство этнической целостности и солидарности, что проявилось в невротических реакциях повышенной мнительности и конфликтности и т.д. Наконец, этническая культура перестала быть естественным животворящим пространством существования этноса и каждого человека, отношение к ней стало на одном полюсе отрицательным (как «примитивной и отсталой»), в лучшем случае – безразличным, на другом – «полем последней битвы» немногочисленной национальной интеллигенции.

Рассмотрим гендерный аспект эволюции мировоззрения этноса. На уровне обыденного сознания функционирует миф об униженном положении хакасской женщины в традиционном обществе, что обычно обосновы-

вается обычаями «избегания» (запрета называть по имени старших родственников мужа), «карамчения» (увоза девушки замуж силой), платы за нее калыма и пр.

В реальной жизни хакасская женщина занимала в семье и роде положение не менее значительное, чем мужчина. Л. Н. Гумилев утверждал, что у древних тюрков «отношение к женщине было подчеркнуто почтительным, рыцарским. Сын, входя в юрту, кланялся сначала матери, а потом отцу», «происхождению по линии матери придавалось большее значение» [*Гумилев, 2003, с. 73–74*]. Полноправной хозяйкой дома являлась женщина: она принимала наиболее важные решения, так как это была ее территория, ее Вселенная. В случае развода все, что находилось в юрте, женщина увозила с собой. Мир мужчины начинался за порогом жилища, мир женщины там продолжался.

Хакасский героический эпос дает многочисленные примеры, когда женщины были богатырками, вершителями судеб целых народов. Более того, они являлись олицетворением души народа (например, хакасский героический эпос «Алтын-Арыг») [*Алтын-Арыг, 1988*], символом мужества и воли (Абахай-Пахта) [*Мифы и легенды хакасов, 2007, с. 167–171*] и пр.

Часто утверждают, что женщина считалась «нечистой», ей запрещалось подниматься на родовые горы, она не участвовала в обряде жертвоприношения Небу (*тигир таих*). Однако, во-первых, известно, что женщина считалась таковой только в детородном возрасте. Девушки и женщины в старости имеют уже другой статус. Невинная девушка принимала участие даже в *тигир таихах*. Во-вторых, женщина, родившая и воспитавшая девять сыновей, имела право садиться на родовую святыню – *ызых*, что не позволялось даже самым уважаемым мужчинам данного рода. А ведь по рождению она принадлежала к другому роду (*сеоку*), не всегда дружественному.

На наш взгляд, принадлежностью к иному роду и объясняется, например, обычай избегания. Назвав старших родственников мужа по имени, она могла ненароком притянуть к ним внимание духов-покровителей (предков) своего рода. Известно, что *сеоки* между собой, как правило, находились в сложных отношениях, поэтому могли обмениваться, как сейчас принято говорить, негативными энергетическими ударами (заговорами, проклятиями и пр.). Кстати известно, что обычай избегания имеет и обратную сторону: по отношению к молодой жене никогда не позволялось ничего, что бы унизило ее человеческое достоинство. Примеров снохачества в традиционном обществе хакасов не зафиксировано.

Что касается обычая карамчения, то он возник, по-видимому, во времена враждебных отношений между родами-кочевниками, когда добрачное знакомство молодых было затруднено. Позднее он остался как традиция, в большинстве случаев предварительная договоренность молодых превра-

щала этот обычай в формальность. Однако это не означает, что не было случаев действительно насильственного увоза невесты, зафиксированных даже в середине XX в.

Современному человеку, находящемуся в плену мифа об униженном положении хакасской женщины, интересно было бы послушать песню жениха конца XIX в., посвященную невесте: «Если ты войдешь в юрту, то я буду головней, которую ты можешь положить в огонь! Если ты велишь выйти на улицу, то я буду собакой, которую ты можешь выгнать! Если войдешь в воду, то я буду твоей опорой в знойные дни! Если взойдешь на гору, то я буду твоей тростью, на которую ты можешь опираться ...» [*Катанов, 1907, с. 260*].

Что касается калыма за невесту, то он вытекал из закона традиционного мировоззрения о необходимости эквивалентного обмена. Приняв девушку, которая принесет роду мужа многочисленное здоровое потомство – гарант его продолжения, обязательно нужно было заплатить за «материнское молоко», ее вскормившее, оцениваемое очень высоко за его сакральный характер. Кстати, калым и обязательное приданое невесты по стоимости были сопоставимы, и именно они становились основой материального благополучия молодой семьи.

Известно, что главной задачей каждого человека и каждой семьи в традиционном обществе являлось рождение и воспитание как можно большего числа детей. Это было гарантом незыблемости закона вечности жизни и бессмертия души в бесконечной цепи перевоплощений. И здесь важнейшая роль принадлежала женщине. Она рожала детей, отвечала за жизнь и здоровье семьи и, самое главное, формировала нравственный стержень человека, семьи, народа в целом.

Процесс освоения и присвоения мира человеком шел по выработанным тысячелетиями правилам. Уже в колыбельных песнях ребенок усваивал основные идеи традиционного мировоззрения. Так, единство с миром ярко демонстрирует записанная О. Н. Кышпанаковой архаичная колыбельная, в которой в восьми строчках ребенок узнает, что он – небесной, священной природы, что его родители – Черный Петушок и Красная Курица, бабушка – Царица Костяника, а дедушка – Царь Смородина [*Кышпанакова, 1994, с. 11*].

В отличие от мировых религий, ориентирующих человека на обретение вечного блаженства в иных «горних» мирах, этническое сознание хакасов находило радость бытия в этом солнечном мире. Большинство каменных эпитафий VI–VIII вв. начинаются словами «Я не насладился...» с перечислением тех ценностей, которые были особенно значимы для данного человека: жена, дочери, родная земля, «божественное государство» и т. п. Любовь, добро и свет разлиты в этом, человеческом мире, поэтому бесконеч-

ная цепь перевоплощений становится оптимистической перспективой возрождения вновь и вновь.

По авторитетному мнению М. Элиаде, человек в традиционном обществе «смело взваливает на себя огромную ответственность: например, соучастие в создании космоса, сотворении своего собственного мира, обеспечение жизни растений и животных... Речь идет об ответственности космического плана, отличной от ответственности моральной, общественного или исторического порядка, которые единственно и известны современным цивилизациям» [*Элиаде, 1994, с. 62*].

Бездумное вмешательство в развитие мира, нарушение порядка и гармонии, отказ от пути, предназначенного судьбой, является тяжким грехом. Наказание последует сразу, если грех относительно невелик, в виде болезней, неудач на охоте, падежа скота и пр. Но самые тяжкие грехи оборачиваются и самыми тяжелыми последствиями: несчастьями в семье, смертью детей, вымиранием рода. Что касается последнего, то это, в конечном счете, означало и конец перевоплощения человека, поскольку перерождение душ происходило внутри рода. А это окончательная смерть не только души отдельного человека, но и, в конечном счете, рода.

Традиционное мировоззрение верило во всеобщий закон компенсации, закон справедливости. Весь хакасский фольклор демонстрирует, что наказание человек очень часто получает не по линии общества, но от Великого Синего Неба, которое, как известно, «строго, но справедливо».

Материальное благополучие в рамках ограниченных потребностей традиционного общества, достаток народа в целом, крепкие семейно-родовые связи способствовали сохранению у народа нравственных устоев. Честность в делах считались законом. В. В. Радлов в XIX в. отмечал, что «пятьдесят лет назад абаканские татары славились своей честностью... Но теперь бывает воровство и конокрадство». В падении нравов, по мнению ученого-путешественника, виноваты «сосланные, поселившиеся в деревнях неподалеку от юрт» [*Радлов, 1989, с. 229*].

Поражает, как много и часто в героическом эпосе, пословицах и поговорках, обычаях и традициях фиксируется мысль о взаимопомощи и поддержке друг друга как важнейшем условии сохранения этноса. Особенно часто это требование обращено к героям – богатырям и, подчеркнем, богатыркам. Мало с чем по силе идеи может сравниться легенда об Абахай-Пахта, верной своей родине и народу настолько, что не пожалела самое дорогое, что есть у женщины – детей, дабы не покориться иноземцам и не остаться на чужбине. Легенда о Ханза-Пиге, последнем хакасском богатыре, боровшемся за независимость народа, была одной из самых любимых в народе [*Мифы и легенды хакасов, 2007, с. 177–178*].

В самом народе верность традициям, закону в целом считалась необходимой добродетелью, в героическом эпосе рефреном повторяется: «Не

носите одежду без пояса, не будьте народом без суда, закона» [*Алтын-Арыг, 1988, с. 254*]. Законами были уважение к старшим, забота о младших, особенно о сиротах: «Сирот вверх нужно тянуть, униженного на свет нужно тянуть». У хакасов до середины XX века не было брошенных детей, сирот. Родственники не оставляли их без попечения. В хакасском героическом сказании «Албынжи» дается наказ герою:

Сила тебе для народа дана,
Пусть не уйдет бесполезно она! ...
За свободу народа грудью вставай,
Радость людскую не нарушай,
Счастье народа оберегай! [*Албынжи, 1984, с. 8*].

Ибо это завещано свыше: «Тенгри (Великое Небо) тюрков и священная Земля – Вода (Родина) тюрков так сказали: «да не погибнет народ тюркский, народом пусть будет» [*Малов, 1951, с. 37*].

Традиционно хакасы верили, что только светлые надежды, позитивное мировосприятие и деятельность являются условием светлого будущего, и предостерегали: «Несчастья не жди, увечий не подстерегай». По-видимому, предполагалось, что любая мысль может материализоваться. Особенно опасным считалось такое поведение женщины-матери и жены, так как она составляла единое целое с детьми и мужем.

Таким образом, для традиционного мировоззрения хакасов особой ценностью являлась не столько индивидуальная жизнь, сколько целостность и жизнеспособность семьи, рода, этноса, а во время расцвета Древнехакасского каганата и «божественного государства» условием вечности этноса становились нравственная чистота и сохранение целостности и гармонии миропорядка каждого человека. Зафиксированные в конце XIX в. учеными традиции, обычаи и обряды хакасов, как уже ранее отмечалось, в течение XX в. были объявлены «пережитками прошлого» и оказались невостребованными. Идея прогресса проникла в умы и сердца граждан страны.

Вовлеченность народов России в процессы глобализации и социальной трансформации с неизбежностью ставят вопросы о проявлении этнического модернизма, который может быть представлен как ориентация общественного сознания этноса на новые, модернистские по своему характеру, ценности, отношения и социальные институты. Модернизация, как правило, проводится с использованием опыта, накопленного передовыми странами, при их технологической, политической и информационной поддержке.

Женщины эпохи модернизма, при активном провозглашении гендерного равенства, тем не менее, сохранили особенности поведения в различных сферах – в управлении, на производстве, в науке, в быту и пр. «Гендерные стандарты отличаются высокой степенью устойчивости, социальной раз-

деляемости и нормативности, достаточно схематичны и детализированы, стабильны фактически во всех культурах», – отмечает Г. В. Вержибок [*Вержибок, 2019, с. 270*; *Валькова, 2019, с. 269 и др.*]. Все эти процессы были характерны и для хакасской женщины.

Сторонников этнического модернизма среди хакасов немало. По сути, последний означает отказ от традиционного наследия народа как отжившего, консервативного, не способного решить противоречия в развитии этноса. В конечном счете, это приводит к капитуляции перед ассимиляционными процессами и самоуничтожению народа как этноса.

Однако известно, что в процессе модернизации, помимо стран западной цивилизации, участвует несколько групп стран восточной культуры, которые к концу XX в. – началу XXI в. добились значительных технологических сдвигов. Успехи так называемых «золотых драконов» (Япония, Южная Корея, Гонконг, Тайвань, Китай, Сингапур и др.) исследователи справедливо связывают с умением сочетать модернизацию с исторически сложившимися устойчивыми ценностями, формами жизнедеятельности, социальными отношениями.

Все вышеперечисленные процессы характерны и для хакасов, тюркоязычного народа, давшего имя Республике Хакасия. Однако в последние годы в общественном сознании все больше фиксируются опасения, что доминирующее положение женщин приводит к тому, что хакасские мужчины теряют собственно маскулинные качества (мужественность, ответственность, силу духа и пр.). Сами же хакасские женщины обеспокоены нежеланием молодого поколения становиться матерями, женами, хозяйками домашнего очага. Поэтому все более востребованным становится знание о распределении ролей мужчин и женщин в традиционном хакасском обществе, представленное выше.

Использование этнического наследия как ресурса восстановления этнической целостности во времени и пространстве осуществляется в форме неотрадиционализма. Этнический неотрадиционализм, на наш взгляд, это ревитализация традиционных форм наследия (ценностей, отношений, социальных институтов) как ресурса адаптации к модернизационным процессам для обретения этносом целостности во времени и в пространстве. Сущностной характеристикой неотрадиции, на наш взгляд, необходимо считать возрождение ценностного ядра традиции. При этом форма и контекст могут быть современными. Возрождение одной лишь формы, без осмысления ценностно-содержательного наполнения или даже внесение иного, чуждого содержания, становится псевдотрадицией, которая разрушает целостность этнической культуры.

К проявлениям хакасского этнического неотрадиционализма могут быть отнесены:

1) актуализация моноэтнических браков, что связано с тем, что этническая идентификация детей смешанных браков в абсолютном большинстве осуществляется не в пользу выбора хакасской идентичности. В сложных демографических условиях (малая численность, низкая рождаемость, высокая смертность), при низкой доле хакасского населения (12 % от общего населения республики) выбор брачного партнера из своей этнической среды рядом представителей народа считается актуальным и необходимым; однако навязывание брачного партнера со стороны, например, родителей современной молодежью воспринимается как пережиток прошлого;

2) возрождение многодетности семей, при этом становятся востребованными традиции жизненного цикла (обряды рождения, имянаречения, свадьбы, похороны); неотрадиционалистский аспект этого явления обнаруживается в том, что молодые семьи хотят иметь популярную литературу с рациональным объяснением семейных традиций, обычаев, обрядов; вместе с тем необходимо отметить, что среди хакасских девушек нередки настроения, характерные для западного общества (*childe-free*, достижение материального благополучия и карьерного роста в ущерб семейным отношениям и пр.);

3) повышение ценности родного языка; несмотря на то что хакасский язык является одним из государственных языков республики, он утратил многие социальные функции, в том числе ограниченно употребляется в быту; представители народа, справедливо считая язык важнейшим атрибутом этноса, стремятся восстановить его в семье, образовании, в обществе в целом; общественные объединения, до 80 % которых составляют женщины, постоянно ставят и решают вопросы сохранения и развития хакасского языка; однако эффективность этой деятельности пока невелика;

4) рост популярности «этнических» имен либо имен на двух языках;

5) использование этнической атрибутики в одежде и прическе; мастерицы национальной одежды востребованы как никогда – шьются наряды на свадьбы, национальные праздники, мероприятия государственного уровня; в течение пяти лет в республике проводится конкурс красоты «Мисс Абахай», где девушки хакасской национальности демонстрируют традиционные и стилизованные хакасские платья; стоит заметить, что неотрадиционалистский подход иногда приводит к чрезмерному новаторству и даже анти-, псевдотрадиции;

6) возрождение национальной кухни и традиций этнического пищевого поведения; дегустация этнических блюд осуществляется на праздниках республиканского, муниципального и сельского уровней, а также в отдельных семьях; инфраструктуры национальной кухни (ресторанов, кафе) не создано;

7) использование традиций этнопедагогики осуществляется системно и повсеместно в районах традиционного проживания хакасского населения (Аскизском и Таштыпском), существенно в меньшей степени – в городах со смешанным населением;

8) распространение традиционных для этноса религий (тенгрианство и шаманизм) осуществляется, как это ни парадоксально, тоже в большинстве своем женщинами; достаточно сказать, что в «Обществе традиционной религии хакасского народа – шаманизме» (зарегистрировано в 1994 г.) из трех председателей двое были женщины, религиозное общество «Хан тигир» изначально создано шаманкой Т. Кобежиковой, которая убеждена, что в современных условиях даже в обряде *тигир таих* женщины могут принять участие с мужчинами на равных.

Как видим, во всех этих проявлениях неотрадиционализма отчетливо «проступает женское лицо». Одной из самых «острых тем» современности для хакасов является стремление отстоять республику как экологически благоприятный регион от активного хозяйственного освоения со стороны частных угольных компаний. Один из активистов отметил, что среди участников протеста больше женщин: «Я к тому, что если мужчины сёл Куйбышево, Шалгиново, Чаптыково не подымутся, то все усилия против разрезов напрасны… В основном есть одни женщины» [*Живая Хакасия, 2019*].

Основными функциями этнического неотрадиционализма в условиях глобализации являются сохранение этнической идентичности; закрепление этнической солидарности; адаптация к модернизационным процессам. В конечном счете, этнический неотрадиционализм ведет к обретению этносом целостности во времени и пространстве в новых исторических условиях. Однако это явление крайне противоречиво и требует серьезного осмысления на уровне феномена и конкретных явлений, в том числе в гендерном аспекте. Этнический неотрадиционализм пока носит скорее символический и противоречивый характер, оставаясь на поверхности сознания большинства членов народа, само же культурное наследие характеризуется неполнотой (а порой и прямым искажением) проявления традиции.

Литература и источники

Албынжи: Хакасское героическое сказание. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1984. 112 с.

Алтын-Арыг: Хакасский героический эпос. М.: Наука, 1988. 592 с.

Анжиганова Л. В. Традиционное мировоззрение хакасов. Опыт реконструкции. Абакан: Отдел изд. деятельности ХРИПКиПРО «РОСА», 1997. 128 с.

Анжиганова Л. В. Эволюция мировоззрения хакасов. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2007. 146 с.

Валькова О. А. Мужчины-ученые VS женщины-ученые до и после принятия законов о равноправии 1918 г. // XIII Конгресс антропологов и этно-

логов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 269.

Вержибок Г. В. Обновленная маскулинность: поиск и выбор в гендерных взаимодействиях // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 270.

Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования. М.: Наука, 2009. 273 с.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Тов-во «Клышников – Комаров и К», 1993. 526 с.

Живая Хакасия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.facebook.com/groups/253990715550892/346379866311 (дата обращения: 24.08.2019).

Катанов Н. Ф. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Ч. IX. СПб., 1907. 660 с.

Кышпанакова О. Н. Игра и мир детства в хакасской народной педагогике // Поиск. 1994. № 1. С. 10–15.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 452 с.

Мифы и легенды хакасов / сост. и пер. П. А. Троякова. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2007. 210 с.

Попкова Л. Н. Гендерные роли в «обществе риска» XXI в.: российский и американские модели // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 281.

Радлов В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. 749 с.

Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

А. Ю. Ардальянова
ardy2004@mail.ru
А. В. Винокурова
vinokurova77@mail.ru
И. Г. Кузина
kuzina.ig@dvfu.ru
Н. А. Орлова
nadinorlo@yandex.ru
Дальневосточный федеральный университет
(Владивосток)

A. Y. Ardalyanova
A. V. Vinokurova
I. G. Kuzina
N. A. Orlova
Far Eastern Federal University
(Vladivostok)

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН: РЕЛИГИЯ, СЕМЬЯ, РАБОТА (НА МАТЕРИАЛАХ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

В статье анализируется влияние религиозных установок на представления, выбор социальных практик и самосознание женщин. Представляется актуальным изучение как влияния повседневных проблем российской женщины на характеристики ее религиозной жизни, так и роли религии в изменении социальных практик женщин. Цель исследования заключается в концептуализации процесса трансформации повседневных практик современных женщин в сфере семейно-брачных отношений и профессиональной занятости. Для авторов важнейшей теоретико-методологической концепцией в данной области социального знания является феноменология и теория повседневности. В социологии она выступает основой качественного подхода к изучению (пониманию) реальности. Исследования повседневности с применением качественной методологии позволяют понять, какими являются основные жизненные ценности современных российских женщин. Исходя из специфики исследовательской задачи, в качестве главного метода сбора информации авторами был выбран метод фокусированного интервью, суть которого заключается в предварительном ознакомлении респондента с предметом беседы и предположением, что он компетентен в ее смысловой составляющей. Эмпирическая база исследования строится на основе суждений женщин относительно роли семьи и работы в их повседневной жизни.

Ключевые слова: повседневные практики, православные женщины, ценностные ориентации, семья, профессиональная занятость.

THE DAILY PRACTICES OF MODERN WOMEN:
RELIGION, FAMILY, WORK (ON MATERIALS OF EMPIRICAL RESEARCH)

The article analyzes the influence of religious attitudes on ideas, the choice of social practices and women's self-awareness. It seems relevant to study both the influence of everyday problems of a Russian woman on the characteristics of her religious life, and the role of religion in changing women's social practices. The purpose of the study is to conceptualize the process of transformation of everyday practices of modern women in the field of family-marriage relations and professional employment. For authors, the most important theoretical and methodological concept in this area of social knowledge is phenomenology and the theory of everyday life. In sociology, it acts as the basis for a qualitative approach to the study (understanding) of reality. Studies of everyday life, using a quality methodology, allow us to understand what are the basic life values of modern Russian women. Based on the specifics of the research task, the authors chose the method of focused interviews as the main method of collecting information, the essence of which is the preliminary familiarization of the respondent with the subject of the conversation, and the assumption that he is competent in its semantic component. The empirical base of the study is based on the judgments of women regarding the role of the family and work in their daily lives.

Keywords: daily practices, orthodox women, value orientations, family, professional employment.

Введение

Повседневность как социальная практика является основой всех взаимодействий в обществе, выступая, таким образом, неисчерпаемым источником познания. Она входит в социальную жизнь, охватывая и сферу религии, которая, казалось бы, является чем-то далеким от бытовых проблем и рутинных переживаний. Однако современная повседневная жизнь человека, входящего в состав какой-либо религиозной группы, в значительной степени усложняется, так как граница между религиозной и повседневной жизнью размывается. Используя лексику феноменологии [см. подробнее: *Шюц, 2004*; *Бергер, Лукман, 1995*], можно предположить, что происходит конструирование социальной реальности, включающее в себя «религиозное» и «повседневное» как части единого целого. В процессе взаимодействия этих частей рождаются новые социальные смыслы, которые выступают как механизмы самоорганизации и способствуют социальной активности отдельных индивидов и целых социальных групп. Одной из таких групп являются воцерковленные православные женщины, повседневность которых имеет специфические черты, отличающие ее и от мужской повседневности, и от повседневности женского мира в целом.

Кем сегодня является воцерковленная православная женщина? Это вопрос, которым задаются не только обыватели. Проблема волнует исследователей, в первую очередь, потому, что концепт «православная женщина»

является весьма неоднозначным. Православие, словно модное течение, захлестнуло общественность, – и, в большей степени, ее женскую составляющую; женское религиозное сообщество демонстрирует нам новый православный *look*, который «отлично вписывается в современные реалии и опирается на вечные ценности, проповедуемые Православием» [см. подробнее: *Основы… 2000*]. В этом образе порой смешиваются абсолютно противоположные смыслы, однако все они объединены повседневностью, которая является практически неуловимой для исследователей.

На сегодняшний день историография, посвященная исследованию роли женщины в традиционных российских конфессиях, обширна: это гендерные, социально-философские, социологические исследования, которые проводятся в основном российскими учеными, так как начало данным исследованиям положила отечественная гуманитарная наука на рубеже XIX–XX в. Как подчеркивают исследователи, бо́льшая часть книг и статей по этой тематике была написана мужчинами с преимущественно традиционным подходом [*Завьялова, 2011*].

Современные исследования православных женщин носят разносторонний характер. Достаточно большое количество современных работ направлено на анализ роли православия в формировании семейных ценностей и репродуктивных установок [*Томилин и др., 2014*; *Мищенко, 2017*]; исследование гендерных аспектов православия [*Ковальская, 2014*]. Среди зарубежных авторов, занимающихся разработкой православной тематики, можно выделить работы M. P. Romaniello и R. Bisha [*Romaniello, 2016; Bisha, 2002*].

Важнейшей теоретико-методологической концепцией настоящего исследования является феноменология и теория повседневности. В социологии она выступает основой качественного подхода к изучению (пониманию) реальности. Фундаментальным тезисом здесь служит представление о социальной повседневности как о «верховной реальности», связанной с переживанием объективного существования вещей и явлений. В жизненном мире, мире социальной практики (по А. Шюцу), происходит «наложение» различных «конечных областей значений» друг на друга: это касается и отношений повседневности и религии.

В социологии повседневности нашла свое отражение идея сознательной ориентации поведения человека. В частности, в феноменологии разработаны концепции стратегического действия и взаимодействия [см. подробнее: *Гофман, 2000*]. В символическом интеракционизме рассматривается роль символов и значений в интерпретации людьми жизненной ситуации, конструировании ими действий [см., например: *Томас, Знанецкий, 1998*; *Мид, 2014*].

В настоящее время активный научный поиск ученых в области повседневных практик личности и групп объективно стимулируется социальной

ситуацией, интенсивно и противоречиво изменяющейся в ограниченных временных рамках и, как следствие, преобразующей жизнь людей и их стратегии.

Именно поэтому нам представилось целесообразным проведение исследования, выявляющего практики воцерковленных православных женщин на основных «площадках» их повседневности: в сфере семьи и профессиональной занятости.

Методика исследования

Исследования повседневности с применением качественной методологии позволяют понять, каким является истинное (не догматическое, а практикуемое) православие российских женщин. Исходя из этого, изучение ценностных ориентаций воцерковленных православных женщин было осуществлено нами на основе качественной исследовательской стратегии, предполагающей применение первичного и вторичного анализа социологических данных. Источником основных сведений для вторичного анализа послужили результаты исследований, полученные ранее другими авторами.

Первичному анализу был подвергнут эмпирический массив данных, полученных в ходе проведения авторского исследования с использованием качественных социологических методов. Исследование носило разведывательный характер. Оно проводилось весной 2019 г. Основной метод сбора социологической информации, используемый нами в процессе исследования, – неформализованное фокусированное интервью. В качестве респондентов выступили работающие воцерковленные православные женщины, состоящие в браке и имеющие детей. Отбор респондентов осуществлялся с учетом базовых социально-демографических характеристик воцерковленных православных женщин, подробно описанных Ю. Ю. Синелиной [см. подробнее: *Синелина, 2013*], включая возраст и уровень образования. Кроме того, мы руководствовались логикой «выборки типичных случаев», предложенной И. Е. Штейнбергом [см. подробнее: *Штейнберг, 2014*]. Эти случаи выбираются в ходе беседы с ключевыми информантами, которые помогают определить, что, с их точки зрения, является типичным.

Использование такого комплексного подхода, включающего первичный и вторичный анализ данных, дало нам возможность более полно описать повседневные практики воцерковленных православных женщин в различных сферах жизнедеятельности.

Результаты исследования

Семья и семейные ценностные ориентации

Семья, являясь одной из важнейших общечеловеческих ценностей, представляет собой систему взаимоотношений между людьми, связанных узами родства, родительства, супружества, общностью быта и взаимной

моральной ответственностью, социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения. Следовательно, в структуре семейных ценностных ориентаций можно выделить три основных компонента: ценности супружества, родительства и родства. Этим и обусловлен выбор нами в качестве респондентов женщин, состоящих в браке и имеющих детей. Таким образом, мы имели возможность проанализировать весь комплекс семейных ценностных ориентаций воцерковленных православных женщин, включая супружеские, родительско-детские и родственные отношения.

Что касается ценностных ориентаций родства, то их значимость для наших респондентов достаточно высока. Все информанты отметили, что интересуются жизнью своих родственников, их проблемами, стараются по возможности помочь им в трудных жизненных ситуациях и принять их помощь. Вот показательная цитата из интервью с одной из наших информантов: *«… Преодолеваю трудные жизненные ситуации с семьей, близкими мне людьми»* (Наталья, 48 лет). Примечателен тот факт, что это имеет место не только в отношении близких, но и дальних родственников. В то же время распределение ответов, очевидно, обусловлено объективными факторами. Так, респонденты более молодого возраста указали, в первую очередь, на участие в жизни своих родителей и родителей мужа. А информанты старших возрастных групп, по вполне понятным причинам, так как у многих родителей уже нет в живых, отметили достаточно частое общение, готовность помогать сиблингам, племянникам и другим более дальним родственникам. *«Да, помогаю деньгами, всегда, когда и кому нужно; объемы – в зависимости от возможности»* (Ирина, 58 лет).

Все опрошенные единодушны в том, что родственные отношения – это опора в жизни современного человека, особенно в таких житейских ситуациях, как болезнь, крупные неприятности, устройство быта, поиск работы и др.

Далее, в структуре семейных ценностных ориентаций воцерковленных православных женщин мы обозначили ценности родительства. Другими словами, это принятие социальной роли матери, полнота реализации репродуктивных установок.

Ценностные ориентации родительства предполагают стабильное, систематическое воздействие со стороны родителей на личность ребенка. В частности, опрошенные отмечают, что *«…дети впитывают то, что есть в семье»* (Наталья, 48 лет). Наши информанты, имеющие несовершеннолетних детей, практически все свое свободное время проводят с ними. *«Мы постоянно, ежевечерне беседуем с детьми»* (Валерия, 40 лет). При этом они говорят о том, что *«…все же уделяемого мной времени детям недостаточно»* (Мария, 32 года). Причины прагматичны: большой объем домашней работы, высокая профессиональная занятость и т.п. Но при этом не наблюдается снижение реализации репродуктив-

ных установок. В семьях опрошенных нами женщин, имеющих несовершеннолетних детей, по три ребенка и более.

В семьях же возрастных респондентов, как правило, не более одного-двух детей. Многие из них сейчас сожалеют, что не родили детей больше, говоря о своем желании гипотетически, с позиций своих нынешних ценностей, соответствующих православному мировосприятию. Объясняется это тем, что воцерковление почти всех немолодых женщин произошло в достаточно зрелом возрасте, когда репродуктивный цикл был уже завершен. Вот что говорит по данному поводу одна из респондентов: *«…понимание этого пришло только с воцерковлением. Есть сожаление, что у меня только одна дочь. Конечно, надо бы больше…»* (Елена, 70 лет).

Примечательно отношение наших информантов к контрацепции. Все опрошенные, кроме одной *(«Контрацепцию отторгаю, так как она разрушает здоровье женщины»* (Светлана, 60 лет), вполне приемлют использование контрацепции, с одной оговоркой: если это не наносит вреда плоду. При этом все опрошенные, с большей или меньшей долей категоричности, выступают против абортов.

Характеризуя ценностные ориентации родительства, опрошенные нами женщины единодушны в том, что главное – это наличие доверительных отношений между детьми и родителями. *«Я стараюсь знать друзей и подруг моих детей, они сами мне рассказывают о них»* (Мария, 32 года). Респонденты признают первичным родительское влияние на становление и развитие личности ребенка. Как отмечается в одном из интервью: *«…по мере возможности нужно ограждать детей от негативного влияния, особенно когда они маленькие; собственный пример тоже важен…»* (Лена, 43 года). При этом осознанно проводится позитивный и не только количественный (планирование зачатия), но и качественный принцип детоцентризма. Родители осуществляют культурные инвестиции в детей (посещение групп дошкольного развития, музыкальных, спортивных и прочих дополнительных занятий и т.д.). Посещение церкви детям-подросткам наши респонденты не навязывают, что говорит о желании *«…воспитать самостоятельную личность, уважать личность в человеке…»* (Валерия, 40 лет). Несколько опрошенных особо подчеркнули необходимость предоставлять свободу выбора для детей: *«…у детей должен быть выбор, даже если они его не могут сделать»* (Наталья, 48 лет).

В семьях воцерковленных женщин есть запреты, связанные с самостоятельным посещением детьми социальных сетей и ряда сайтов; просмотром мультфильмов, пропагандирующих насилие, девиантное поведение и пр. *«Разумные ограничения нужны, и запреты тоже. Но все в пределах разумного»* (Елена, 70 лет). В то же время большинство информантов отрицают необходимость жестких запретов: *«…не запрещать ненужное, а по-*

казывать нужное» (Лена, 43 года); *«…нужна мягкая сила – сила убеждения»* (Светлана, 60 лет).

Еще одним компонентом семейных ценностных ориентаций воцерковленных православных женщин является супружество, подразумевающее ориентацию на брачного партнера. Одними из главных условий счастливой супружеской жизни, по мнению респондентов, выступают уважение и поддержка, понимание и терпимость, готовность обсуждать возникающие между супругами проблемы: *«В семье необходимо взаимопонимание, согласие, принятие. Умение принимать другого человека, его решение и не оспаривать его только потому, что ты считаешь иначе…»* (Лена, 43 года). *«…В сложных случаях 'выговариваюсь' с мужем»* (Марина, 29 лет). Иными словами, самое главное в супружестве – это позитивные эмоциональные отношения между мужем и женой, общность взглядов и интересов, согласованность ролевых ожиданий.

В данном контексте наши респонденты образуют две типологические группы, которые мы условно обозначили как «демократов» и «традиционалистов». Для семей «демократов» характерно наличие горизонтальных отношений с установлением равноправия между супругами, исключающих прямую зависимость жены от мужа: *«Понимать дословно фразы из Писания о повиновении и боязни сейчас не совсем правильно. Время другое, другие установки, другой образ жизни…»* (Лена, 43 года). *«Безропотного повиновения нет… Все члены семьи взаимосвязаны и взаимообязаны»* (Светлана, 60 лет). *«Мужа надо любить, уважать, но бояться – это слишком…»* (Ирина, 58 лет). *«Главные мои убеждения – равенство, партнерство между супругами»* (Елена, 70 лет).

В семьях «традиционалистов», наоборот, с достаточной степенью очевидности прослеживается зависимость жены от мужа. Главенство мужчины реализуется за счет сосредоточения в его руках экономических ресурсов и принятия основных решений, что способствует жесткому закреплению внутрисемейных ролей жены как хранительницы очага, а мужа – как кормильца, добытчика, авторитетного лидера. *«В православной картине мира есть иерархия: церковь подчиняется Христу, а семья – отцу. Я всячески стараюсь подчеркнуть авторитет мужчины в семье – и мужа, и сына…»* (Валерия, 40 лет). *«Мне самой обычно хочется сделать так, как он сказал, сделать все, чтобы ему и детям было хорошо»* (Мария, 32 года). *«Повиноваться мужу: это не приказ, а совет. Следуй ему, и тебе будет хорошо»* (Марина, 29 лет). *«На нем большая ответственность, потому нужно уметь его поддержать»* (Наталья, 48 лет).

Таким образом, все свидетельствует о том, что для большинства опрошенных наиважнейшим в семейных отношениях является взаимопонимание и взаимная ответственность членов семьи друг перед другом. Все наши информанты достаточно высоко оценивают степень удовлетворенно-

сти своей семейной жизнью, позитивно характеризуют качество своей семейной жизни. Основополагающие семейные ценности формируются во взаимодействиях мужа и жены и впоследствии становятся естественной базой для родительско-детских отношений.

Работа и профессиональные ценностные ориентации

В современном мире, где приоритетным и доминирующим является соблюдение принципа гендерного равенства, профессиональная деятельность женщины, возможность реализовать свой внутренний потенциал и раскрыть свои таланты не только в рамках семьи становится важной частью картины мира и непременным условием успешной социализации.

Идти работать или полностью посвятить себя семье и быту? Являются ли три «К» (*Kinder, Küche, Kirche*) женским уделом? Насколько возможно совмещать работу и церковь, влияет ли профессиональная деятельность на соблюдение церковных традиций и дисциплины? Все эти вопросы актуальны для воцерковленной православной женщины.

Так, большинство информантов ответили, что не находят противоречий в сочетании их профессиональной и религиозной жизни. Все респонденты отмечают, что коллеги знают об их религиозных убеждениях и относятся к их воцерковленности положительно или нейтрально. В то же время примечательно, что самая молодая из респондентов (Марина, 29 лет) указала, что некоторые коллеги ее воцерковленность *«…не одобряли, ...было непонятно то, что молодая девушка ходит в церковь»*. Возможно, так проявляется стереотипное представление о православной как о женщине среднего и старшего возраста.

Что касается влияния церковной жизни на профессиональную деятельность, большинство информантов отметили положительный характер этого влияния. По мнению одной из опрошенных, церковная жизнь делает женщину *«…выносливее, устойчивее, лучше…»* (Лена, 43 года); респонденты отмечают, что развиваются такие личностные качества, как *«терпимость к людям», «послушание», «организованность»*, которые затем помогают при выполнении профессиональных функций. Поскольку церковь выступает за всякий труд, направленный к благу людей, респонденты подчеркивают необходимость трудиться честно и последовательно: *«Делаю на работе все, что от меня зависит»* (Ирина, 58 лет). При этом опрошенные женщины ссылаются на *«…ответственность перед людьми»* (Марина, 29 лет), а также на *«…необходимость соблюдения трудового законодательства»* (Валерия, 40 лет).

Ответы информантов показали, что они не придерживаются позиции «жертвовать работой ради церковной дисциплины». Некоторые отметили, что могут отпроситься на службу: *«Иногда бывает, но редко – для посещения важных церковных мероприятий»* (Лена, 43 года). При этом выявляется следующая закономерность: чем выше церковный стаж респонден-

тов, тем менее они считают возможным жертвовать профессиональными обязанностями ради соблюдения церковной дисциплины.

Православные женщины отмечают, что работают с удовольствием, желая *«…что-то изменить к лучшему, в том числе и в своей жизни»* (Лена, 43 года). Важным мотивом к труду является также стремление к социальному общению: *«Не готова быть без работы и людей, которые меня там окружают»* (Светлана, 60 лет).

В то же время половина респондентов отметила, что иногда выполнение профессиональных функций мешает выполнению их церковных обязанностей. В основном это связано с отсутствием возможности посещать храм, в связи необходимостью находиться на рабочем месте: *«Бывает иногда очень тяжело. Так, на Страстной неделе христианин должен быть в храме ежедневно, … но я не могу»* (Светлана, 60 лет). Иногда интенсивный труд является причиной серьезной физической усталости: «*У тебя просто не хватает сил, например, держать пост… или выдыхаешься, и с утра в воскресенье не можешь никак встать на службу»* (Лена, 43 года).

В целом респонденты не считают материальную составляющую основой для выполнения своих профессиональных обязанностей: получение заработной платы за выполненный труд не является для них первичным в иерархии профессиональных ценностей: *«Деньги – это не главное»* (Елена, 70 лет). Подавляющее большинство опрошенных женщин работает по призванию.

Мнения наших респондентов о возможности жертвовать семьей ради работы разделились. Половина из них отмечает, что иногда случаются ситуации, при которых работа выходит на первое место. Члены семьи в основном относятся к этому *«нормально»: «Все взрослые люди… все всё понимают»* (Наталья, 48 лет). Другая половина респондентов во главу угла ставит семью: *«Семьей я не жертвую… семья – важнее»* (Мария, 32 года). При этом трое из четверых, ответивших таким образом, были отнесены нами ранее к условной группе «традиционалистов»; важно отметить, что они являются многодетными матерями в возрасте до 40 лет включительно и имеют трех и более несовершеннолетних детей.

Традиционным для православия является представление о женщинах как «естественно опекаемых» и о мужчинах как «кормильцах», но соответствует ли оно реальным повседневным практикам воцерковленных женщин?

Как показало предпринятое нами исследование, для части семей респондентов такое привычное распределение ролей между супругами в плане материального обеспечения семьи не характерно. Практически половина опрошенных указали на то, что зарабатывают больше, чем их мужья, однако не считают это проблемой. *«Так бывает, что жена зарабатывает больше… Не придаю этому особого значения»* (Елена, 70 лет). *«Главное –*

не подчеркивать этого… не обидеть мужа» (Ирина, 58 лет). Другие респонденты придерживаются традиционного подхода о том, что именно муж должен обеспечивать семью. *«Женщина меняется, приобретает волевые, не свойственные ей от природы черты, если она зарабатывает больше… это неправильно»* (Светлана, 60 лет). *«Считаю, что муж должен зарабатывать больше. Он обеспечивает семью, я – ему помогаю»* (Мария, 32 года). Однако в семье, где царят взаимоуважение и любовь, проблемы главенства из-за денег не существует: *«Если личные отношения нормальные, так все в один мешок идет»* (Марина, 29 лет). *«Нормально – это поддерживать друг друга, а заработок не главное»* (Наталья, 48 лет).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что религиозные ценности во многом предопределяют компонент профессионально-этического сознания наших информантов. В то же время социальные изменения, трансформирующие систему ценностных ориентаций и повседневных практик современной женщины, оказывают существенное воздействие на характер восприятия профессиональной деятельности через призму религиозности. Имеют место ценностные флуктуации, наблюдается амбивалентное отношение в рамках системы координат «профессиональная деятельность – церковная жизнь». Кроме этого, в ответах части респондентов прослеживается уход от традиционной системы разделения гендерных ролей, отсутствует тенденция патернализма и консерватизма в вопросе материального обеспечения семьи. Но в целом работа, возможность профессиональной самореализации является для воцерковленных православных женщин неотъемлемой частью их повседневной деятельности и играет для них значимую роль.

Выводы

Можно заключить, что повседневные практики современных православных женщин в сфере семейных и профессиональных отношений являются комплексным, динамичным феноменом. В качестве основных условий, оказывающих на них первостепенное влияние, можно обозначить гендерные и возрастные особенности, уровень образования, семейное и материальное положение, а также потребности, интересы, мотивы деятельности воцерковленных женщин.

Результаты предпринятого нами эмпирического исследования показали, что в структуре семейных ценностей православных женщин наиболее важными являются ценностные ориентации супружества, при этом ценности родительства и родства также сохраняют свой высокий статус. Что касается ценностей профессиональной занятости, то, по большей части, работа рассматривается воцерковленными женщинами как средство самореализации и личностного саморазвития. В то же время она выступает для

них и способом поддержания экономического статуса своей семьи на более или менее приемлемом уровне.

В целом неоднозначное влияние перемен, происходящих как в глобальном мире, так и в России, на повседневные практики воцерковленных православных женщин позволяет нам сделать вывод об их трансформации. Это отчасти конституирует проблемное поле для дальнейшего исследования повседневных практик современных православных женщин, а также для изучения их жизнедеятельности с позиции ценностного подхода, суть которого состоит в познании конкретных сфер жизнедеятельности через призму оценок представителей различных социальных групп.

Литература и источники

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. 304 с.

Завьялова С. В. Женщина, религия, общество в трудах русских философов рубежа XIX–XX вв. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 3–4. С. 203–205.

Ковальская К. В. Русская Православная Церковь и гендер: дифференциализм или равенство полов // Социология религии в обществе позднего модерна: материалы IV Междунар. науч. конф. (Белгород, 12 сентября 2014 г.). Белгород: ИД «Белгород», 2014. С. 51–57.

Мид Дж. Г. Философия настоящего. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. 272 с.

Мищенко К. В. К вопросу о ценности брака у лиц с православно-религиозной самоидентификацией // Концепции фундаментальных и прикладных научных исследований: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 20 февраля 2017 г.). Уфа: Издательство ООО «Аэтерна», 2017. С. 188–194.

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви (дата публикации: 09.06.2000) // Официальный сайт Московского Патриархата [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.patriarchia.ru/db/text/419128 (дата обращения: 20.08.2019).

Синелина Ю. Ю. Динамика религиозности россиян // Социология религии в обществе позднего модерна: материалы III междунар. науч. конф. (Белгород, 13 сентября 2013 г.). Белгород: ИД «Белгород», 2013. С. 335–337.

Томас У., Знанецкий Ф. Польский крестьянин в Европе и Америке // Контексты современности: Хрестоматия. Казань: АБАК, 1998. С. 141–225.

Томилин В. Ф., Белинская Д. В., Аверина О. В. Оценка влияния православных ценностей на сохранение семьи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 5 (133). С. 189–197.

Штейнберг И. Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиконная модель» // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 38. С. 38–71.

Шюц А. Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.

Romaniello M. P. Russian women and orthodox ideals on the early modern frontier // Журнал фронтирных исследований. 2016. № 3. С. 18–38.

Bisha R. Russian Women, 1698–1917 Experience and Expression: An Anthology of Sources. Bloomington: Indiana University Press, 2002.

Е. Л Бадмацыренова
el.leonidovna@mail.ru
Бурятский государственный университет
им. Доржи Банзарова (Улан-Удэ)

E. L. Badmatsyrenova
Buryat State University (Ulan-Ude)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ЖЕНЩИН БУРЯТИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Цель статьи состоит в выявлении особенностей правового регулирования общественно-политического участия женщин Бурятии в советский период. Государственная политика по вовлечению женщин Бурятии в общественно-политическую деятельность в период с 1923 по 1991 гг. представляло собой одно из наиболее важных направлений деятельности государственных и партийных органов. Эта сфера государственной политики характеризовалась сложной внутренней структурой вследствие широкого спектра решаемых задач по вовлечению женщин в различные аспекты общественно-политической деятельности. В советский период правовое регулирование государственной политики по вовлечению женщин в общественно-политическую деятельность охватывало взаимодействие советских государственных, партийных и профсоюзных органов на всех уровнях власти, при том что общее руководство, концептуальную разработку и идеологический контроль осуществляла коммунистическая партия.

Ключевые слова: право, женщины, общественно-политическое участие, Бурятия

LEGAL REGULATION OF THE SOCIO-POLITICAL PARTICIPATION OF WOMEN IN BURYATIA IN THE SOVIET PERIOD

The aim of this paper is to identify the features of the legal regulation of the socio-political participation of women in Buryatia in the Soviet period. The state policy of Buryatia concerning women's involving in social and political activities from 1923 to 1991 was one of the most important areas of activity of state and Communist party bodies. This sphere of public policy was characterized by a complex internal structure, due to a wide range of tasks to involve women in various aspects of socio-political activity. In the Soviet period, the legal regulation of state policy on the involvement of women in social and political activities encompassed the interaction of Soviet state, party and trade union bodies at all levels of power, despite the fact that the communist party exercised general leadership, conceptual development and ideological control.

Keywords: Law, Women, political participation, Buryatia

Равенство прав и возможностей в сфере политики является необходимым условием для построения демократии. Однако его достижение наиболее затруднено для представительниц женского пола, находящихся долгое время вне общественно-политической жизни. И только в начале XX в. в большинстве стран женщины были уравнены с правами мужчин.

Достижение равноправия между мужчинами и женщинами в России проходило в условиях реализации государственной политики, которая определялась политическими идеологическими установками, закрепленными в системе права. Женщины как социально-демографическая общность обладали весьма высоким общественно-политическим потенциалом, использовавшимся в дореволюционный период крайне малоэффективно, в то время как в советский период можно наблюдать широкое вовлечение женщин в решение наиболее острых социальных, политических и особенно экономических проблем модернизации советского общества.

Наиболее важными направлениями политики по формированию правового статуса женщин в системе советского права были признаны реализация политических прав и свобод через систему политического участия. С первых лет установления советской власти руководители коммунистической партии уделяли значительное внимание правовому просвещению женщин и их вовлечению в деятельность органов государственной власти и коммунистической партии. Так, под участием женщин в управлении делами общества понималось участие в выборах в государственные органы – Советы, избрание их депутатами Советов, вовлечение в профсоюзные, контролирующие органы, в суды, в правления кооперации, вступление наиболее подготовленной части женщин в партию, участие в общественной работе.

Считалось, что, работая в государственных и общественных организациях, женщины сравнительно быстро преодолеют отсталость и станут сознательными участницами строительства новой жизни [*Бадмацыренова, 2012, с. 22*]. Инструкция «О привлечении работниц и крестьянок к работе в советских учреждениях», изданная в 1917 г., содержала призыв к участию женщин в управлении государством [*Козлова, 2004, с. 387*]. Конституции 1918 и 1924 гг. закрепили основные принципы нормативного правового регулирования общественно-политической деятельности граждан, предоставив женщинам право участвовать в общественной и политической жизни общества наравне с мужчинами.

Однако формально юридическое предоставление политических и других прав женщинам не обеспечивало автоматически их присутствие в органах власти. В связи с этим советским правительством были выработаны меры по вовлечению женщин в общественно-политическую деятельность. Данную работу возложили на вновь созданные женотделы, в деятельность которых входило разработка и внедрение форм и методов по вовлечению

женщин в политику. Именно в женотделах прошли школу политической закалки первые советские и партийные работницы Бурятии.

Формирование современного правового статуса женщин Бурят-Монголии проходило в условиях коренного преобразования структур и институтов традиционного общества. Сложившиеся традиционные трайбалистские устои и традиции, почти полная неграмотность и незнание русского языка, господство негосударственных правовых институтов и практик, а также преобладание сельского крестьянского населения и, следовательно, отсутствие поддержки новой идеологии выступали условиями, в которых были начаты революционные преобразования в сфере законодательного оформления прав и свобод женщин на новых принципах.

Первый женотдел был создан при Бурят-Монгольском Обкоме РКП(б) в 1922 г. [*НАРБ, ФП. 1, оп. 1, д. 224, л. 3–9*], во главе с Марией Владимировной Сагадаровой, явившейся первой руководительницей женского движения Бурят-Монголии. Особенностью работы женотделов среди женского населения в Бурятии являлась необходимость адаптации ее механизмов к существенным различиям между этническими группами русских, бурят, эвенков. С точки зрения работы с женским населением особое значение представляют различия этих этнических групп в уровне вовлечения женщин в общественно-политическую и экономическую деятельность, уровне освоения европейской (русской) культуры, различия в хозяйственно-бытовой сфере, а также в социальной и политической организации локальных групп. Были разработаны особые механизмы и формы работы с женщинами Бурят-Монголии, такие как: Красные юрты, Дома бурятки, кочевые женорганизаторы.

После образования Бурят-Монгольской АССР в 1923 году, в октябре-ноябре того же года по всей республики прошли первые выборы в сомонные (сельские), хошунные (волостные), аймачные (уездные) и городские Советы, в числе избранных депутатов женщины составили лишь 4 % [*История Бурятской АССР, 1959, с. 203*].

Низкая явка участвующих в выборах женщин республики в первые годы их проведения работниками женотделов и парткомов объяснялась низкой политической грамотностью населения, неумением женщин пользоваться своими избирательными правами, слабой популяризацией советской власти.

С 1930 г. «женский вопрос» в Советском Союзе стали считать решенным, и бурятский женотдел был реорганизован в женсектор орготдела БурЦИКа. Руководство страны стало больше интересоваться повышением производительности труда, участием всех слоев населения в коллективизации и индустриализации, выполнением планов. Если в предшествующий период основной задачей политики по вовлечению женщин являлось повышение легитимности режима, с тридцатых годов XX в. в свете завершения формирования устойчивых связей населения и политической системы

происходит смена государственно-политических приоритетов в сторону социально-экономических задач. В этот период происходит последовательное сужение поля альтернатив общественно-политической активности женщин, которым предоставлено три основных роли: матери, жены и труженицы. В целом можно констатировать, что в этот период происходит изменение господствующих идеологем, которые теряют свое гендерное содержание, став по существу вне- и надполовыми.

В 1937 г. в республике БМАССР была принята первая Конституция, которая подтверждала политические и гражданские права женщин Бурят-Монголии. Важным показателем успешного решения «женского вопроса» в Бурятии должны были стать органы законодательной власти. Участие представительниц женского пола в парламенте рассматривалось советским государством как одно из достижений социалистического общества. В законодательном органе республики на протяжении 30-х – первой половины 80-х гг. XX в. процент участия женщин был достаточно высоким и составлял около 30 % от общего числа депутатов.

Однако широкое представительство женщин-депутатов не отражало реальную роль женщин в общественно-политической жизни, а в значительной мере искусственно поддерживалось исходящими от вышестоящих советских и партийных органов разнарядками (квотами). Так, в инструкциях ЦК КПСС были установлены следующие нормы представительства женщин от Бурятской АССР: в Верховный Совет РСФСР – 30–35 %; в Верховный Совет Бурятской АССР – 25–30 %; аймачные и районные райсоветы – 30–35 %; городские и райгорсоветы – 35–40 %; сельские и поселковые советы – 30–40 %. При этом на руководящих должностях законодательных органов власти, среди всех председателей Верховного Совета БМАССР и БурАССР представительниц женского пола не было.

Одним из главных каналов политического рекрутирования кадров являлась Коммунистическая партия. Партия ставила задачу «в максимальной степени вовлечь работниц, крестьянок и тружениц Востока в активное партийное, советское, профессиональное и кооперативное строительство, открывая им на общих основаниях дорогу вступления в ряды партии и к участию в управлении страной» [*КПСС в резолюциях и решениях… 1970, с. 276*].

На первых этапах становления республики число партийных женщин было невысоким. Существовало множество причин, тормозивших рост числа женщин в рядах партии, такие как наличие жесткой партийной дисциплины, выполнение общественных поручений, сложные социально-бытовые условия, отсутствие свободного времени.

Наибольшее пополнение партийных рядов произошло в годы Великой Отечественной войны. Экстремальные условия подтолкнули партийные и советские органы восполнять за счет женщин не только производитель-

ные, но и руководящиеся резервы. В последующие годы ряды партии постоянно пополнялись.

Однако среди руководящего состава партии женщины, несмотря на широкое их представительство, были представлены очень скромно. Так, в 1960 г. из 752 должностей, входящих в номенклатуру Обкома КПСС, женщины занимали 54 должности, или 7,2 %; в номенклатуре Улан-Удэнского горкома и райкомов КПСС женщины составляли всего 3,6 %. В числе первых секретарей райкомов КПСС не было ни одной женщины. Среди секретарей первичных парторганизаций колхозов женщины составляли только 3,2 % [*НАРБ, ФП-1, оп. 1, д. 6926, л. 6–7*].

Столь низкие показатели представленности женщин, имевшие место в Бурятской областной партийной организации, вызывали недовольство со стороны вышестоящих партийных органов власти. Областной комитет партии принял меры к резкому улучшению работы с кадрами из числа женщин. Так, женщины были выдвинуты на работу инструкторами Обкома КПСС, секретарями райкомов КПСС, заведующими отделами горкома и райкомов. Но в целом женщины по-прежнему занимали низовые должности. Так, среди секретарей и заведующих отделами Бурятского ОК КПСС не было ни одной женщины.

С 60-х гг. XX в. в общественно-политической деятельности женщин республики наиболее эффективными общественными организациями являлись женсоветы и профсоюзы. Так, постановлением Президиума Верховного Совета Бурятской АССР от 28 апреля 1961 г. было утверждено «Положение о женских советах в аймаках, городах, районах, поселках, селах и улусах Бурятской АССР» [*Собрание действующего законодательства Бурятской АССР, 1980, т. 1, с. 348*]. Женсоветы должны были участвовать в управлении делами государства, в решении социальных и других вопросов. На практике же работа данных общественных организации контролировалась партийными, государственными органами, что в конечном итоге привело к прекращению или сокращению их деятельности.

В 1979 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. СССР был одним из инициаторов подготовки и принятия Конвенции и ратифицировал ее уже в 1980 г.

По мнению авторов, выполнение данных условий должно были привести к установлению условий для пропорционального представительства мужчин и женщин на всех уровнях принятия решений: в органах законодательной, исполнительной, судебной власти, органах местного самоуправления, экономической, финансовой сферах жизнедеятельности государства и общества.

После принятия Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин советские пропагандисты с гордостью заявляли:

«В нашей стране все меры этой Конвенции уже давно полностью осуществлены ... Советское законодательство полностью им соответствует, даже значительно превосходит установленные нормы» [*Новикова, 1985, с. 41*].

На практике постепенно возрастает неудовлетворенность женщин декларативным характером государственной политики в отношении женщин, что остро проявляется в период перестройки, хотя предпосылки к общественно-политической дискуссии складываются уже в шестидесятые и семидесятые годы. Так, создание женсоветов явилось попыткой государства и партии компенсировать недовольство женщин, но эта структура не смогла стать достаточно жизнеспособной для решения проблем гендерного неравенства в советском обществе.

Разграничивая женское общественно-политическое участие и политическую деятельность, следует отметить наличие в советском обществе двух неравнозначных групп, меньшая из которых занималась активной политической деятельностью, выступая в отдельные периоды в качестве довольно значимого политического субъекта, в то время как основная масса женского населения являлась в большей степени пассивным объектом воздействия государственных и партийных органов, принимая ограниченное символическое участие. Ядром активной части женского населения выступала крайне немногочисленная группа идеологов, находившаяся при этом под жестким партийным контролем. Следует отметить, что значение этой группы неуклонно снижается в течение тридцатых годов и несколько возрастает лишь к середине восьмидесятых.

Советское законодательство учитывало необходимость разного подхода к лицам разного пола при наделении их одинаковыми правами и возложении на них одинаковых обязанностей. Советские конституции наглядно продемонстрировали необходимость не только закрепления тождественных прав лиц разного пола и возможностей их осуществления, но и создания комплекса правовых средств обеспечения интересов и потребностей женщин.

В целом система общественно-политической деятельности женщин в советский период характеризуется жестко иерархизированной регламентацией всех сторон взаимодействия между уровнями принятия решений. В ее основе лежали вырабатываемые на основе коммунистической идеологии комплекс ценностно-нормативных идеологических стандартов и многоуровневая система нормативного правового регулирования. На основе этих приоритетов функционировали советские союзные и республиканские государственные, партийные и профсоюзные органы, а также общественные организации, упорядочивающие политическое взаимодействие.

Литература и источники

Бадмацыренова Е. Л. Государственная политика по вовлечению женщин Бурятии в общественно-политическую деятельность (1923–1991 гг.). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. 156 с.

История Бурятской АССР. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. Т. 2. 644 с.

Козлова Н. Н. Женотделы и представительная система местных органов власти как эмансипаторский проект большевиков в 1920-е гг. // Гендерная реконструкция политических систем. СПб.: Алетейя, 2004. 992 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М: Политиздат, 1970. Т. 3. 494 с.

Национальный архив Республики Бурятия. ФП. 1. Д. 224.

Национальный архив Республики Бурятия. ФП-1. Д. 6926.

Новикова Э. Е. Женщина в развитом социалистическом обществе. М.: Мысль, 1985. 158 с.

Собрание действующего законодательства Бурятской АССР. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1980. Т. 1. 628 с.

В. П. Беляев
Ief.flk@m.ursmu.ru
Уральский государственный горный университет
Кафедра философии и культурологии
(Екатеринбург)

V. P. Belyaev
Ural state mining university
Department of filosophy and culturology
(Ekaterinburg)

ДЖЕНИС ДЖОПЛИН КАК ЗЕРКАЛО РОССИЙСКОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается влияние на развитие массовой культуры российского общества американской рок-певицы Дженис Джоплин, совершившей в 60-е годы прошлого столетия «гендерный переворот» в музыкальном шоу-бизнесе. Испытав влияние таких социокультурных явлений шестидесятых, как «психоделическая революция» и «сексуальная революция», она сама стала протагонистом гендерных изменений в культурной среде современного ей общества. Внешняя эпатажная сторона сложного феномена певицы была использована шоу-бизнесом для создания нового стандарта «героической женщины», отбирающей славу у мужчин. В современной российской массовой культуре гендерные новации из области музыкальной, кино- и телеиндустрии перемещаются в интернет-пространство, которое создает условия для появления в нем женщин-лидеров. Эпатажный стиль, свойственный современной российской медиасреде, по мнению автора, приводит к использованию женщинами маскулинных способов самовыражения. Полученный образ «женщина в роли мужчины» клишируется, тиражируется, создавая новую имитационную реальность.

Ключевые слова: массовая культура, гендерные изменения, эпатаж, маскулинность, феминность, имитационная реальность, культурные исследования.

JANIS JOPLIN AS THE MIRROR OF RUSSIAN MASS CULTURE

The article discusses how an American rock singer Janis Joplin, who initiated the so-called «gender revolution» in the music industry in the 1960s, influenced the development of Russian popular culture. After being influenced by such socio-cultural phenomena of the 60s as the «psychedelic revolution» and «sexual revolution», she herself became the protagonist of gender transformations occurring in the cultural environment of the society she lived in. The eccentric side of the complex phenomenon the singer herself was used by show business to create a new standard of a «heroic woman» that «steals the show» from men. In modern Russian popular culture gender novations are shifting from the music, film and television industries to the Internet, a media that provides an environment for women leaders to exist. According to the author, the flamboyant style typical for the modern Russian media leads to women using masculine methods of self-

expression, which consequently results in an idea of a woman assuming a gender role of a man that is being clichéd and replicated creating a new imitational reality.

Key words: mass culture, gender transformations, eccentricity, masculinity, femininity, imitational reality, cultural studies.

В современных гендерных исследованиях продуктивным, на наш взгляд, является изучение такой области культуры, как массовая культура, в которой гендерная проблематика проявляется в наиболее ярко выраженной форме и дает возможность для анализа и сопоставлений. Понятие «массовая культура» («популярная культура») отражает особенности формирования и воспроизводства культурных ценностей в современном обществе массового производства и потребления, то, что поступает к индивиду через механизмы ее распространения и воздействия – прежде всего через средства массовой информации [*Ионин, 1996, с. 16*]. Массовая культура как социальный феномен обладает высокой жизнеспособностью и проникающей способностью, пронизывая все стороны общественной жизни, в значительной степени благодаря массовым коммуникациям, поэтому ее называют «глобальным средством психотерапии, т. е. воздействия на людей» [*Маркова, 1996, с. 4*]. Массовая культура выносит наружу, на всеобщее обозрение те внутренние гендерные проблемы общества, которые, по выражению Седжвик Ив Кософски, «хранились в чулане». В явлениях и событиях массовой культуры как в фокусе отражается процесс формирования специфики мужских и женских ролей, «сценариев» исполнения роли мужчин или роли женщин в той или иной социокультурной ситуации. Актуальным для реализации гендерных исследований является, на наш взгляд, подход «*cultural studies*» («культурные исследования»), изучающий разнообразные феномены современной культуры, в том числе поп-культуру, или массовую культуру. Как отмечают Н. П. Копцева и Н. М. Либакова, в рамках данной научной парадигмы культура перестает быть только лишь объектом и становится способом проживания, образом жизни, совокупностью практик, формирующих идентичность субъектов, класса, расы и гендера [*Копцева, Либакова, 2013*]. При этом гендерные изменения передаются, транслируются по каналам массовой культуры, доходя до востребованной аудитории, осваиваются, «впитываются» индивидами.

С появлением феномена массовой культуры и развитием ее конкретных форм происходит существенное изменение и в гендерных отношениях (отношениях полов в обществе): ослабление социально-условных перегородок, изменение ролевых функций мужчин и женщин в обществе. Само явление массовой культуры возникло в начале XX в. с распространением популярной литературы, легкой музыки и кинематографа, т. е. массовых жанров культуры. Интересно отметить, что в это же время возникли различные феминистические движения, которые требовали равноправия полов во всех без исключения сферах общественной жизни: от политической и трудовой до сексуальной и творческой. Они своей целью ставили не только

борьбу женщин за равенство с мужчинами, за свободу выбора и за свои права, но в не меньшей степени за возможность активного проявления женской духовности и творческого начала. Массовая культура, т.е. «омассовленное» производство и потребление культурных ценностей в таких областях, как литература, изобразительное искусство и кинематограф, наиболее отчетливо и остро выражала существующие в обществе гендерные проблемы. Если в элитарной литературе «женский прорыв» З. Гиппиус, А. Ахматовой и М. Цветаевой выражал потребность женщины в творческой самореализации, то в массовой литературе произведение Иды Крэддок «Брачная ночь» (1902 г.) означало появление женской оппозиции мужчинам в вопросах сексуальной раскрепощенности и свободы. В кинематографе, начиная со скандального мини-фильма «Поцелуй» (1896 г.), женщины вели с мужчинами бескомпромиссную борьбу за право быть признанными в обществе, за приобретение собственного голоса в социальном пространстве (героини Вивьен Ли, Мэй Вэст в американском и Любови Орловой в советском кинематографе). Например, кинозвезда Голливуда Мэй Вэст так сформулировала претензию женщины на исключительность: «Когда я хороша – я чертовски хороша, но когда я бываю плохой – я еще лучше».

В истории феминистического движения выделяют, как правило, несколько этапов. Первая волна охватывала всю первую половину XX в., вторая волна начинается после Второй мировой войны и наиболее ярко проявляется в новых формах массовой культуры, таких как поп-арт, музыка, мода. Если поп-арт, подчеркивая эстетическую самодостаточность женщины, сравнивал ее с элегантной желаемой вещью, например, роскошным автомобилем, то мода пошла в гендерном плане значительно дальше. Ив Сен Лоран в 1969 г. так отреагировал на изменение гендерных ролей: «Время женщин-куколок и мужчин-доминаторов ушло», а Пьер Карден отменил традиционное деление одежды на мужскую и женскую, создав стиль унисекс, подходящий для лиц обоих полов.

Доминирующей сферой массовой культуры становится музыка, которая в 1960-е годы испытала влияние контркультуры и протестного движения. Одной из «икон» нового рок-н-рольного стиля стала американская певица Дженис Джоплин, чьи имидж и биография стали во многом ключевыми для понимания тех изменений, которые произошли в гендерном мировосприятии. Личность Дженис Джоплин интересна не только в музыкальном и эстетическом, но и в смысложизненном плане (не случайно ее сравнивают с мужчинами-героями рок-сцены Джимми Хендриксом и Джимом Моррисоном). Это те люди, которые своим девизом провозгласили жизнь «на полную катушку». Их лозунгом стали слова: *here and now* («здесь и сейчас»). Начав с исполнения традиционных кантри-стандартов, Дженис Джоплин резко изменила свою жизнь, став «бунтарем в юбке»». Испытав влияние таких социокультурных явлений 1960-х, как «психоделическая революция»

и «сексуальная революция», она сама стала протагонистом гендерных изменений в культурной среде современного ей общества. По мнению исследователей гендерной проблематики, маскулинность и феминность выступают основными формами гендерных проявлений в социокультурной среде [*Бовуар, 1997; Мид, 2004*]. Маскулинность и феминность в их взаимодействии формируют стиль (образ жизни) человека в его ценностных отношениях, в организации его ценностного пространства [*Хафизова, 2013*]. Применительно к шоу-бизнесу в рок-музыке 60-х можно сказать, что там до Дженис Джоплин отношения мужчины и женщины определяла маскулинность, т.е. безусловный авторитет мужчин либо как участников музыкальной группы, либо как отдельных исполнителей, так называемых крунеров. Появление Джоплин изменило соотношение сил. Всего за 4 года (1966–1970) ее творчество перевернуло представление о возможностях женщины-исполнителя. Джоплин преодолела существующую дистанцию между созданием и исполнением произведения. Ее песни превратились в акт полного индивидуального самовыражения, акт проживания жизни за короткий промежуток времени (достаточно послушать «Ball and Chain», «Try», «Summertime» из альбома «In Concert», «Maybe» из альбома «I Got Dem Ol, Kozmic Blues Again Mama!», «Cry Baby» из альбома «Pearl»). Дженис Доплин проповедовала экзистенциальную свободу, освобождение от всего навязанного, когда, по ее выражению, «человек остается сам с собой и делается собой». В ее творчестве эта позиция проявлялась в самостоятельном принятии решений («Только я знаю, как должна звучать эта мелодия»), искренности и эмоциональности, доходящей до экстатичности. После ранней смерти рок-звезды в возрасте 28 лет ее эпатажный и скандальный образ примеряли многие женщины-исполнители, споря за звание «новой Дженис Джоплин». В рок-музыке 70-х и 80-х самобытность Джоплин была «окарикатурена». Внешняя эпатажная сторона сложного феномена певицы была использована шоу-бизнесом для создания нового стандарта «героической женщины», отбирающей славу у мужчин (подходящее для этого случая выражение: *steal show* – «украсть шоу»). Отметим, что в советской эстраде (синоним популярной музыки) «женщина, которая поет» Алла Пугачева использовала образы «рыжей бестии» и «одинокой сильной женщины» для того, чтобы подчеркнуть свою независимость и неповторимость.

В настоящее время в связи с распространением современных СМИ и интернета можно говорить о третьей волне феминистического движения. Так, в современной российской массовой культуре гендерные новации из области музыкальной, кино- и телеиндустрии перемещаются в интернет-пространство, которое создает условия для появления новых женщин-звезд. В частности, главной девушкой русского ютуба сегодня называют 28-летнюю Анастасию Ивлееву, чьи оригинальные ролики-вайны уже завоевали многомиллионную аудиторию, «Леди-гопник», или, как она сама

себя называет, «девочка с яйцами» воспроизводит с откровенным и грубоватым юмором в программах своего видеоблога жизненные женские ситуации. Это успешно работает на создаваемый Ивлеевой имидж настоящей женщины, которая не боится показаться смешной. Невольно возникают ассоциации со строками М. Цветаевой в исполнении Аллы Пугачевой «Мне нравится, что можно быть смешной, распущенной…». Начав с небольших роликов, сделанных при помощи мобильного телефона, А. Ивлеева на волне успеха выпускает музыкальные видеоролики, в своей еженедельной программе *Agent Show* общаясь с разными медиа-лицами, дает советы о том, как следует жить, например, что делать девушке, если ее бросил парень. Гендерный круг, таким образом, замыкается. Молодая женщина пытается самореализоваться в современном медиапространстве, чтобы получить независимость от мужской авторитарности, именно как женщина, но при этом использует маскулинные способы самовыражения. Достигнув известности, личного успеха, она для дальнейшей реализации своей индивидуальности вынуждена эксплуатировать найденный образ «женщины в роли мужчины». Создается некая имитационная реальность, когда по правилам игры, принятой в шоу-бизнесе, полученная модель поведения клишируется, тиражируется, становясь продуктом массового потребления. Современная российская массовая культура создает новые стандарты из гендерных коллабораций («женское-мужское»), используя опыт и находки прошлого. Поэтому тень Дженис Джоплин еще долго будет следовать за героинями российского масс-культа.

Необходимо отметить, что массовая культура долго не признавалась как факт «советской действительности». Применительно к российской действительности этот феномен также недостаточно изучен и проанализирован. Гендерный подход открывает новые возможности для его изучения.

Литература и источники

Бовуар С. де. Второй пол. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997.

Ионин Л. Г. Социология культуры. М.: Логос, 1996.

Копцева Н. П., Либакова Н. М. Продуктивность гендерного подхода для гуманитарных исследований // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http//www.science-education RU/ ku/ article/ view? id=8505.

Маркова Т. И. Массовая культура: содержание и основные функции: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1996.

Мид М. Мужское и женское: Исследование полового вопроса в изменяющемся мире. М.: РОССПЭН, 2004.

Хафизова Н. А. Мужчина и женщина между антропогенностью и культурогенностью пола // Философия и культура. 2013. № 10(70). С. 1436–1446. HJL: 10.7256//1999-2793. 2013. 10. 6896.

Е. П. Галкина
pyh2000@mail.ru
Ульяновский государственный университет
(Ульяновск)
М. И. Кадничанская
m.i.kad@ya.ru
Ульяновский государственный университет
(Ульяновск)

E. P. Galkina
Ulyanovsk state University
(Ulyanovsk)
M. I. Kadnichanskaya
Ulyanovsk state University
(Ulyanovsk)

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: «СТАРЫЕ» И «НОВЫЕ» СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ

В современном обществе активно происходят изменения социальных институтов и общественных отношений, в связи с чем становится важным анализ трансформации «старых» социальных ролей и особенностей возникающих «новых» через призму гендера в управленческой деятельности. С одной стороны, образ управленца традиционно воспринимается через маскулинность, но, с другой стороны, общество стремится к раскрытию человеческого потенциала, что стимулирует применение гуманного менеджмента, который присущ женскому стилю управления. Это формирует ситуацию ролевого несовпадения, ведущую к внутреннему и внешнему конфликту. Авторское социологическое исследование позволило выявить, что существует тенденция сохранения так называемых «старых» ролей, связанных с управленческой деятельностью. Мужчины соответствуют ролевому множеству, а женщины с трудом заполняют только некоторые позиции в таком списке. Большинство женщин относят свою карьеру к разряду медленной, при этом карьера развивается целенаправленно. В настоящее время в сфере управления внедряются гуманные технологии, которые открывают новые возможности более эффективного использования человеческого капитала на рабочих местах, а это стимулирует целенаправленное использование «новых» ролей, которые продуцируются женским стилем управления.

Ключевые слова: гендер, социальные роли, управленческая деятельность, карьера, стили управления.

GENDER ASPECTS OF MANAGEMENT: «OLD» AND «NEW» SOCIAL ROLES

In modern society, changes in social institutions and social relations are actively taking place, and therefore it becomes important to analyze the transformation of «old»

social roles and features of emerging «new» through the prism of gender in management. On the one hand, the image of the Manager is traditionally perceived through masculinity, but, on the other hand, society strives for the disclosure of human potential, which stimulates the use of humane management, which is inherent in the female management style. This creates a situation of role mismatch, leading to internal and external conflict. The author's sociological research revealed that there is a tendency to preserve the so-called «old» roles associated with management activities. Men conform to a role set, and women found it difficult to fill only some of the items in this list. Most women consider their career to the category of slow when this career is developing purposefully. At present, humane technologies are being introduced in the field of management, which open up new opportunities for more efficient use of human capital in the workplace, and this stimulates the targeted use of «new» roles that are produced by the women's management style.

Keyword: gender, social roles, management, career, management styles.

В современном обществе в связи с внедрением современных технологий происходят социальные изменения, затрагивающие все стороны жизнедеятельности людей. Изменяются общественные отношения и социальные институты, трансформируются социальные роли. Иногда это приводит к ситуациям ролевого несовпадения, ведущих к внутреннему и внешнему конфликту. В России изучение особенностей трудовой самореализации и карьерного роста женщин, в том числе и женщин-руководителей, в этой ситуации становится особенно востребованной и актуальной исследовательской проблемой, привлекающей внимание не только ученых, но и общество в целом. Общество нуждается в решении проблем работающих женщин, совмещения ими дел по дому, уходу за ребенком и работы, продвижения женщин по карьерной лестнице и т. д.

В настоящее время прослеживается тенденция, когда женщины и мужчины одинаковых профессий, должностей и при одинаковых объемах выполняемых работ получают совсем разные деньги. По данным Eurostat, в 2006 г. во всех 27 странах Евросоюза средняя почасовая оплата труда женщин была на 17,6 % меньше, чем у мужчин [*Кричевская, 2000, с. 47*]. И это несмотря на то что еще в 1951 г. была принята «Конвенция относительно равного вознаграждения мужчин и женщин за труд равной ценности».

Сложность сегодняшней обстановки в России как для женщин, так и для мужчин определяется тем, что помимо экономических резко изменились социоэкономические и социокультурные критерии ценностной ориентации общества. Научные исследования показали, что женщины и дети оказываются наименее защищенной частью общества. Более активное вовлечение женщин в систему управления, образование и политику требует повышения квалификации и переквалификации женщин, а также получения ими специального образования, позволяющего занять более

достойные места во вновь формирующихся административных и экономических структурах [*Могилевкин, 2007, с. 272*].

К концу XX в. в российской науке сложилось несколько подходов к изучению социального положения женщин: правовой, психологический, социологический, исторический, культурологический, лингвистический, антропологический. Плюрализм научных школ и направлений, сложившихся в исследованиях положения женщин и мужчин в начале XXI в., способствует активному развитию в российской научной мысли и междисциплинарного подхода к изучению эволюции гендерных общностей, их статуса; реализации социального, экономического, политического и духовного потенциала в условиях глобализации [*Силласте, 1997, с. 116*]. Проблемами изучения защиты прав женщин занимались такие ученые, как Г. И. Курдюкова, Л. Б. Алексеева, Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунова, В. М. Жуйкова, В. А. Карташкина, И. И. Лукашук и др.

В ряде исследований лидерства было выявлено, что роль лидера традиционно воспринимается как маскулинная. Поэтому в отношении женщины-лидера изначально формируется ситуация ролевого несовпадения, формирующего внутренний и внешний конфликт [*Абдулова, 2011, с. 4*]. Примечательно, что стандарты, предъявляемые деловыми женщинами и к окружающим, и к самим себе, как правило, завышены. Завышенные стандарты деловых женщин находят отражение также в их стиле руководства. По мнению американских специалистов, «для женщины путь к власти связан с преодолением многочисленных препятствий, а для мужчины – с реализацией многочисленных возможностей» [*Тюрина, 2004, с. 136*].

Женщины, пытающиеся преодолеть предписанные им роли, часто приобретают маргинальный статус. Женщину-руководителя оценивают по двум шкалам: исходя из соответствия стандартам феминности и власти, которые исключают друг друга. Конфликтующие требования различных ролевых групп приводили к тому, что женщина-руководитель не идентифицируется полностью ни с одной из возможных ролей [*Гончарова, 2003, с. 88*]. На фоне этого складывается отрицательное отношение и к себе, и к представителям противоположного пола, являющихся естественными обладателями маскулинных качеств. Жесткое разграничение маскулинности и феминности, стереотипное восприятие мужских и женских социальных ролей, черт характера способствует формированию барьеров к эффективному межличностному общению, препятствует самореализации личности [*Пономарева, 2010, с. 109*]. При этом происходит процесс быстрого увеличения женской профессиональной занятости, т. е. беспрецедентный прорыв женщин к карьерным статусам почти во всех социальных сферах. Эта ситуация коснулась и тех этносов, где традици-

онно женщины больше занимались домашним хозяйством и воспитанием детей [*Семенова, 2011, с. 56*].

Специалисты полагают, что определенные особенности женской психологии являются причинами, препятствующими быстрому карьерному росту женщин [*Гвоздикова, 2016, с. 191–197*]. К ним относятся следующие:

– рассчитывая только на себя, женщины переоценивают влияние своих способностей и природных задатков на формирование карьеры;

– женщины понимают под карьерой лишь личный рост и самосовершенствование, не принимая во внимание более высокий общественный статус и престижность должности;

– женщины при выполнении определенных профессиональных обязанностей преследуют одну цель – сделать дело как можно лучше, речь при этом не идет о личной выгоде;

– женщины избегают новой работы, боясь не справиться с ней, они не любят рисковать;

– женщины эмоциональнее мужчин и обидчивее, что приводит к болезненной реакции на критику;

– женщины большое значение придают личным качествам людей, своим симпатиям и антипатиям к ним.

Отсюда следует, что большого успеха в личной карьере добиваются женщины, сумевшие осознать и победить в себе указанные препятствия и барьеры [*Мирошниченко, 2009, с. 238*].

Особенно это относится к карьере в управленческой сфере. Руководство представляет собой целенаправленное воздействие руководителя на трудовое поведение подчиненных, обеспечивающее движение всего коллектива к поставленной цели. По мнению В. И. Шуванова, главная задача руководителя заключается в том, чтобы организовать деятельность группы, коллектива, организации, учреждения, создавая эффективно-оптимальные условия, являясь не только организатором, но и представителем власти и полномочий. Современный руководитель должен постоянно учиться науке и практике управления по всем ее основным параметрам (теория организации, стратегия управления, управление персоналом, работа с кадрами, подготовка и принятие управленческих решений и т. д.) [*Шуванов, 2009, с. 7*]. Американский психолог М. Шоу предложил интересную классификацию личностных качеств руководителя. По его мнению, личность руководителя можно представить в виде трех групп характеристик: биографические характеристики; способности (в том числе управленческие); черты личности (личностные качества). Отечественный исследователь Р. Л. Кричевский дополняет эти группы следующими компонентами: возраст, пол, социальный статус, образование [*Шуванов, 2009, с. 24*].

Женщина-руководитель сталкивается с множеством сложностей, продвигаясь по карьерной лестнице. Среди них:

– совмещать семью и руководящую должность непросто. Многие мужчины не терпят рядом с собой активную леди, которая часто задерживается после работы и не умеет (или просто не успевает) готовить;

– иногда коллеги-руководители не верят в менеджерские способности женщины-руководителя;

– возможны конфликты с подчиненными, бизнес-леди сложно удержать бразды правления в своих руках [*Кричевская, 2000, с. 49*].

Таким образом, существующие модели отношений в трудовой деятельности, поддерживаемые гендерными стереотипами, напрямую связаны с таким феноменом, существующим в социальной реальности, как гендерная сегрегация, проявляющаяся в асимметричном распределении мужчин и женщин, причем не только на должностном уровне, а также отраслевом и профессиональном [*Исакова, 2007, с. 200*].

Для анализа социальных ролей в гендерном разрезе в 2018 г. было проведено авторское исследование на тему «Женщина-руководитель: проблемы карьерного роста (на примере Департамента развития конкуренции Ульяновской области)» методом интервью (было опрошено 18 респондентов).

Были получены следующие результаты. Все работники Департамента имеют высшее образование, всего два человека из восемнадцати (одна женщина и один мужчина) получили по два высших образования, такое же количество работников имеют в настоящий момент послевузовское образование.

Дата окончания профессионального образования так же различается по гендерному признаку. У мужчин средний возраст окончания профессионального образования составляет 28 лет, а у женщин – 25 лет. Это связано с тем, что большинство мужчин после окончания школы сначала служили в армии и только после этого поступали в высшее учебное заведение.

Средний возраст как мужчин, так и женщин, занимающих в настоящий момент руководящие посты, примерно одинаков и составляет 37 лет.

Следует отметить, что все мужчины, занимающие руководящие посты в Департаменте, женаты. В сравнении только 20 % женщин замужем, 50 % в разводе и остальные 30 % никогда не состояли в браке. У всех мужчин-руководителей есть хотя бы по одному ребенку, а в 62 % случаев по два ребенка. У 60 % женщин-руководителей нет детей, у 20 % по одному ребенку, и у оставшихся 20 % по двое детей (рис. 1).

Только в 25 % случаев родители нацеливали мужчин на карьеру, тогда как у женщин этот показатель возрастает вдвое – до 50 %. Менее чем у половины опрошенных мужчин (38 %) родители также занимали руководящие должности, у женщин данный показатель не намного выше и составляет 40 %.

У мужчин-руководителей, как и у женщин-руководителей, в большей степени на сложившиеся взгляды на жизнь повлияла мама (75 % и 80 % соответственно). Это объясняется тем, что у многих респондентов семьи были неполные, и большую часть времени они, будучи детьми, проводили с мамой. Кроме того, и у мужчин-руководителей, и у женщин-руководителей, воспитывавшихся в полных семьях, отцы большую часть времени проводили на работе. Что касается авторитета и идеала в семье, то респонденты также отдали предпочтение мамам (75 % и 80 %). Один из респондентов (женщина) отметила, что «*благодаря своей маме я научилась многому, стала деятельной, самодостаточной, как она*».

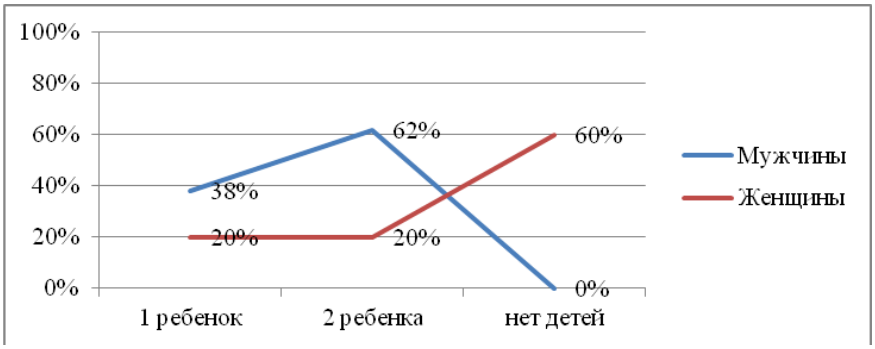

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Есть ли у Вас дети», %

Большинство мужчин начинали свой карьерный путь в возрасте 20 лет, но многим из них приходилось оставлять работу из-за призыва в армию. Женщины в своем большинстве выходили на работу после окончания вуза в возрасте 21 года. Мужчины отмечали, что были назначены на руководящую должность в том же году, что и начали свой трудовой путь. Это связано с тем, что *«была поставлена задача, и я целенаправленно шел к достижению данного результата»*. Четверть мужчин добились продвижения только через 15–20 лет. Респонденты связывают это с тем, что *«не было особого стремления занять руководящую позицию»*, были случаи, что *«попадал под сокращение», «менял место работы», «не сразу находил устраивающий вариант»*. Половина опрошенных мужчин достигали руководящих высот в среднем через 5–10 лет.

Среди женщин не нашлось примеров, кто бы при официальном трудоустройстве в этом же году получил руководящую должность. 20% женщин столкнулись с проблемой длительного продвижения по карьерной лестнице. Их срок продвижения составил от 15 до 20 лет. В данных случаях женщины объяснили столь длительное продвижение тем, что *«из-за семьи приходилось менять место работы или же вовсе увольняться»*. У оставшихся женщин первое назначение на руководящую должность происходи-

ло через 5–10 лет (80 %). Женщины так как и мужчины отмечали, что не сразу смоги найти устраивающий их вариант (рис. 2).

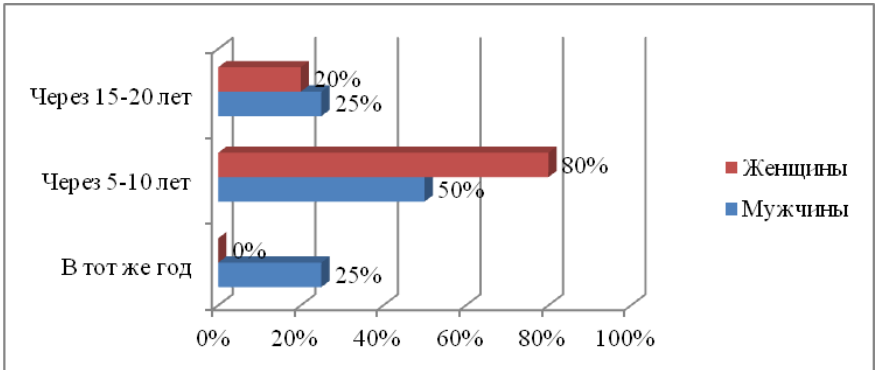

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос
«Когда Вы были впервые назначены на руководящую должность», %

Почти 40 % мужчин считают свою работу неотъемлемой частью своей жизни, а 38 % относятся к работе как к средству самореализации. Большинство мужчин отмечает (88 %), что работа является возможностью заработать деньги. Что касается женщин, то 50 % считает работу неотъемлемой частью жизни, а 40 % отмечает, что работа является средством самореализации, и большинство женщин-руководителей (70 %), как и мужчин-руководителей, рассматривают работу как возможность заработать (рис. 3).

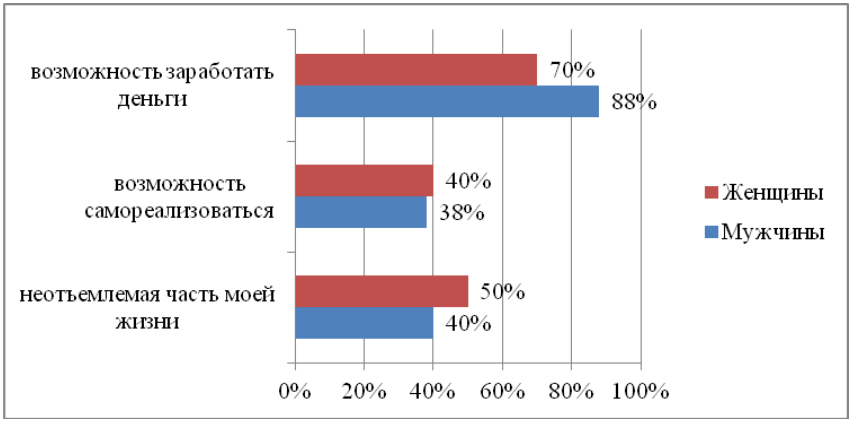

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос
«Какое место в Вашей жизни занимает работа», %

По мнению половины опрошенных мужчин, их карьера продвигается постепенно, и они скорее относят ее к нормальной. Третья часть мужчин причисляют свою карьеру к скоростной, когда происходило стремительное, но все же последовательное должностное перемещение по вертикали организационной структуры. Столько же мужчин считают свою карьеру десантной в связи с тем, что происходило преимущественно спонтанное замещение, как правило, руководящих должностей организационной структуры. И только 10 % мужчин отметили, что их карьера скорее относится к медленной.

У женщин мнения разошлись примерно поровну: часть считает свою карьеру нормальной, и их продвижение можно назвать постепенным, а другая часть относит свою карьеру к разряду медленной в связи с тем, что приходилось длительно пребывать на одной должности.

Что касается развития карьеры, то большинство мужчин (75 %) считают, что их карьера складывается случайно, благодаря определенным обстоятельствам. Интересно отметить, что большинство мужчин относятся к продвижению по карьерной лестнице спокойно, не считают нужным за ним гнаться и даже, наоборот, считают, что *«все придет само собой, со временем»*. Лишь у 15 % мужчин карьера развивается целенаправленно, планируется шаг за шагом. Среди женщин 20 % считают, что их карьера развивается целенаправленно, планируется шаг за шагом, еще 40 % отмечают, что карьера складывается целенаправленно, но без вмешательства внешних факторов. Остальные 40 % относят свою карьеру к случайной, считая, что все складывается благодаря определенным обстоятельствам.

Половина опрошенных мужчин считают, что их профессиональный путь скорее относится к прерывистой карьере по причине того, что некоторые из респондентов сталкивались с такими ситуациями, как непродление контракта, сокращение, вследствие чего приходилось искать другие варианты работы. Среди мужчин никто не назвал в качестве причины ухода с работы ведение домашнего хозяйства или уход за ребенком.

Треть опрошенных женщин прекращали свою трудовую деятельность на определенное время, что в большинстве случаев было связано с необходимостью ухода за ребенком или *«было достаточно того, что работал муж»*. При этом большинство женщин совмещали работу и дом, не обзавелись детьми, и, следовательно, не было острой необходимости прерывания трудовой карьеры.

Выделяя три самых важных показателя в работе, все мужчины солидарны в том, что это оплата труда. Почти 40 % респондентов считают, что очень важна стабильность работы и взаимоотношения в коллективе. Для четверти опрошенных мужчин-руководителей в равной степени имеют значение организация и условия труда.

Для большинства женщин (80 %) наиболее важным в работе тоже оказалась оплата труда. Более половины согласилось с тем, что стабильность работы и взаимоотношения в коллективе так же играют важную роль. С тем, что скорость должностного продвижения и условия труда играют немаловажную роль в работе, солидарны по 40 % женщин-руководителей соответственно. Самым незначительным фактором женщины назвали организацию труда.

Для 75 % респондентов-мужчин основной проблемой, с которой приходится сталкиваться как руководителю, является то, что «*трудно уделять достаточно внимания и работе, и семье»*. В сравнении, только 40 % женщин отметили данный пункт как проблему. С излишней эмоциональностью столкнулось 50 % мужчин-руководителей и 60 % женщин-руководителей. Руководители объясняли это тем, что не так давно занимают свой пост.

Что касается представления о своих знаниях, квалификации и возможностях применения, то 7 из 8 мужчин считают, что имеют все возможности применять их с пользой для себя и общества. В сравнении только 40% женщин-руководителей выбрали данное суждение. Так же 40 % женщин-руководителей отметили, что обладают достаточными знаниями и квалификацией, но не имеют возможности применить их с пользой для себя и для общества. В данном случае, по мнению женщин, необходимо дальнейшее продвижение по карьерной лестнице для достижения результата.

Среди человеческих качеств, которые способствуют успеху на руководящих постах, и мужчины, и женщины выделили следующие: твердость характера, коммуникабельность, организованность, умение брать на себя ответственность. Кроме вышеперечисленного, мужчины выделили такие качества, как принципиальность, объективность, доброжелательность, уважение к контрагенту, активность, компетентность, терпение, оптимизм, внимательность к сотрудникам, харизма, умение четко формулировать цели. Женщины среди прочего выделили порядочность, наличие организаторских способностей, целеустремленность, уверенность в себе, настойчивость, пунктуальность, трудолюбие.

Чтобы охарактеризовать себя как личность, мужчины-руководители использовали следующие прилагательные: умный, объективный, коммуникабельный, юморной, скромный, непритязательный, нервный, интеллектуал, «большой ребенок, который не доиграл в детстве», спокойный, добрый. Женщины-руководители отмечали в себе такие характеристики, как коммуникабельность, целеустремленность, самостоятельность, разносторонность, ответственность, амбициозность, трудолюбие.

75 % опрошенных мужчин отметили, что частично удовлетворены достигнутым профессиональным уровнем, так как *«нет возможностей для профессионального роста», «вижу себя в другой отрасли», «все же хо-*

чется большего». 30% женщин полностью не удовлетворены достигнутым профессиональным уровнем, так как *«нет перспектив для дальнейшего развития, самовыражения», «слишком много времени посвящаю работе», «очень устаю».* Лишь 20 % женщин полностью довольны данным положением, оставшиеся 50 % удовлетворены частично, объясняя это тем, что столкнулись с большим объемом работы и эмоциональным перенапряжением (рис. 4).

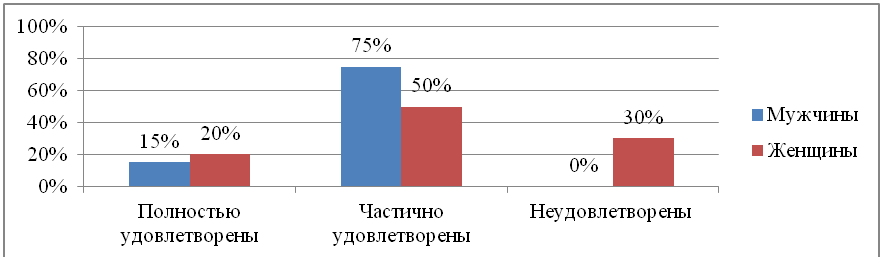

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены достигнутым профессиональным уровнем», %

На вопрос о том, какие Вы видите перспективы для самовыражения в данном карьерном пространстве, 75 % мужчин считают, что никаких, так как *«выше должности нет», «все находится в рамках законодательных актов», «таких перспектив не вижу, буду самовыражаться в других сферах: наука, спорт».* У остальных 25 % в планах *«создать разработку, которая была бы признана (исследование, аналитический материал)»*, *«дальнейшее повышение»*. 70 % женщин отмечают среди перспектив самовыражения *«возможность внести что-то новое и полезное», «продвижение по карьерной лестнице».* Остальные 30 % женщин-руководителей считают, что таких перспектив нет, так как *«работа не творческая», «дальнейшего продвижения придется добиваться уже в другой организации».*

Почти 40% мужчин придерживаются точки зрения, что мужчины и женщины имеют равные возможности для продвижения по карьерной лестнице, четверть уверены, что у мужчин таких возможностей больше, аргументируя это тем, что *«общая система самосознания за мужчин, женщины сами не хотят занимать высокие должности».*

Среди женщин только 30 % считают, что мужчины и женщины имеют равные возможности для продвижения по службе, остальные придерживаются точки зрения, что у мужчин таких возможностей больше, так как они *«меньше внимания уделяют быту», «могут себе позволить заниматься только работой в связи с тем, что большая часть домашних дел на плечах жен».*

Таким образом, результаты исследования показали, что:

1. Для большинства мужчин карьера складывается случайно, лишь немногих из них родители настраивали на карьеру. Половину опрошенных женщин-руководителей родители настраивали на карьеру. Данный фактор повлиял на то, что многие женщины действуют целенаправленно, предпочитая карьеру личной жизни.

2. Около половины респондентов не удовлетворены уровнем оплаты труда и взаимоотношениями в коллективе, что отражается на общей степени удовлетворенности занимаемой должностью. Данные факторы являются главными для женщин-руководителей.

3. Для женщины-руководителя стабильность и социальная защищенность являются важным условием при планировании профессиональной карьеры и построении жизненной стратегии.

4. Было выявлено, что большинство женщин-руководителей не состоят в браке (80 %) и у 60 % из них нет детей. Таким образом, многие респондентки добившись успеха в карьере, не смогли реализоваться в семейной жизни.

5. Следует отметить, что в качестве основных препятствий, с которыми сталкиваются современные женщины-руководители при осуществлении карьерного роста, как мужчины, так и женщины выделили чрезмерную эмоциональность, наличие семьи и детей, а также установленные в обществе стереотипы по поводу того, что женщина не может и часто даже не хочет занимать руководящую должность.

6. Несмотря на то что многие женщины-руководители не всем довольны на работе (не устраивает уровень заработной платы, взаимоотношения в коллективе и т.д.), многие из них (80 %) планируют и в дальнейшем продолжить работать в Департаменте развития конкуренции Ульяновской области.

Таким образом, несмотря на ускорение социальных изменений, трансформация «старых» гендерных ролей и возникновение «новых» в управленческой деятельности происходит медленно. Мужчины-руководители обладают множеством статусов и ролей, иногда прикладывая минимальные усилия для их достижения. В то же время женщины-руководители должны тщательно планировать профессиональную карьеру и выстраивать жизненную стратегию, при этом быть более самостоятельными, ответственными, амбициозными, трудолюбивыми, часто при этом жертвовать семейной жизнью.

Литература и источники

Абдулова Т. П. Гендерные аспекты управленческой деятельности // Эффективное управление. 2011. № 8. С. 1–4.

Гвоздикова И. А. Гендерные аспекты организации управленческой деятельности // Вестник университета (Государственный университет управления). 2016. № 10. С. 191–197.

Гончарова Н. В. Игры для мальчиков (гендерные аспекты реализации карьерных притязаний) // Социол. исслед. 2003. № 1. С. 83–91.

Исакова Е. В. Влияние гендерных стереотипов на трудовую деятельность. М.: ГУ ВШЭ, МАКС Пресс, 2007. С. 198–212.

Кричевская О. Н, Чирикова А. Е. Женщина-руководитель: деловые стратегии и образ «Я» // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 45–56.

Мирошниченко О. Н. Женщины-госслужащие: гендерные проблемы профессиональной самореализации и карьерного роста // Социология региона: итоги, проблемы и перспективы. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 216–242.

Могилевкин Е. А. Карьерный рост: диагностика, технологии, тренинг. СПб.: Речь, 2007. 336 с.

Пономарева М. А. Психологические особенности женщин-руководителей // Женщина. Общество. Образование: Материалы 12-й междунар. науч.-практ. конф. (18–19 декабря 2009 г.) / Рец. М. А. Кремень, И. М. Лемешевский, А. Е. Михневич. Минск: Женский институт ЭНВИЛА, 2010. С. 109–111.

Семенова Ф. О. Психологическая характеристика карьерной идеи женщин, успешно самореализующихся в профессиональной деятельности // Учен. зап. 2011. № 3. С. 12–64.

Силласте Г. Г. и др. Социальная дискриминация женщин как предмет социологического анализа // Социологические исследования. 1997. № 12. С. 112–120.

Тюрина И. О. Гендерные аспекты управления // Кравченко А. И., Тюрина И. О. Социология управления: фундаментальный курс. М.: Академический Проект, 2004. 1136 с.

Шуванов В. И. Социальная психология управления: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Маркетинг», «Коммерция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 463 с.

З. Р. Гафурова
gafurova@yandex.ru
Национальный исследовательский
технологический университет «МИСиС»
(Москва)
Z. R. Gafurova
National University of Science and Technology MISIS
(Moscow)

«КОГДА Я ДУМАЮ ИЛИ ПИШУ О ЧЕМ-ТО, МНЕ ВСЕГДА ЛЕГЧЕ ИМЕТЬ С ЭТИМ ДЕЛО»: ДНЕВНИК Л. В. ШАПОРИНОЙ (1898–1967)

Культурная ценность женского дневника заключается, прежде всего, в его обращении к описанию и анализу эмоций человека, в результате чего мы приходим к пониманию исходных и движущих причин большинства наших действий. Инсайдерское погружение в ту или иную историческую локальность посредством конкретного женского переживания расширяет наш опыт постижения и понимания проблем женщин этого времени. Дневник «выдает» («регулярно» и эмоционально выделяя в хронологической последовательности) самый больной вопрос его владелицы и ее окружения. Заполняемый, прежде всего, для себя дневник, и женский в частности, дает субъективно искренний ответ (оценку) на то или иное общественное событие, который в публичном пространстве может быть скорректирован объективными обстоятельствами. Поэтому осмысление женских дневников чрезвычайно важно для понимания траектории женского движения. В данном случае в поисках причины проявления критического чувства к советским институтам автора дневника 1898–1967 гг., мы исследуем феномен «новая социальная роль» женщины на основе его эмоционального восприятия и описания Л. В. Шапориной.

Ключевые слова: женский дневник, новая социальная роль женщины, эмоции, свобода, революция 1917 г., семья, статус, домохозяйка, жилищный вопрос.

«WHEN I THINK OR WRITE ABOUT SOMETHING, IT'S ALWAYS EASIER FOR ME TO DEAL WITH IT»: L. V. SHAPORINA'S DIARY (1898–1967)

The cultural value of the women's diary lies, first of all, in its appeal to the description and analysis of human emotions, as a result of which we come to understanding of the underlying and driving causes of most of our actions. Insider immersion in a particular historical locality through a specific female experience expands our experience of comprehending and understanding the problems of women of this time. The diary «gives out» («regularly» and emotionally highlighting in chronological sequence) the most painful question of its owner and her entourage. Filled, first of all, for the owner, any diary, and women's in particular, gives a subjectively sincere response (assessment) to a particular social event, which in public space can be adjusted by objective circumstances. Therefore, the understanding of women's diaries is extremely important for understand-

ing the trajectory of the women's movement. In this case, in search of the reasons for the manifestation of a critical feeling for the Soviet institutions of the author of the diary of 1898–1967, we examine the phenomenon of the «new social role» of the woman, based on its emotional perception and description by L. V. Shaporina.

Keywords: women's diary, the new social role of women, emotions, freedom, 1917 revolution, family, status, housewife, housing issue

Женские дневники, несмотря на их популярность у читателей, еще недостаточно известны широкой аудитории и недостаточно изучены как феномен культуры. Вместе с тем большой успех в последнее десятилетие таких работ, как, например, «Интимная история человечества» или «Скрытые прелести жизни» известного английского историка Т. Зельдина, основанные в определенной степени на женских дневниках, говорят о важности если не введения последних в научный оборот, то хотя бы их глубокого осмысления.

В свете данного утверждения женский дневник может привлечь наше внимание как новый способ рассмотрения феминистической и гендерной проблематики. Более того, исследование женских дневников дает основание для продвижения в изучении актуальной темы эмоций (изменение эмоций, контроль за эмоциями, преодоление эмоциональной неприязни и др.), которая, как утверждает профессор Чикагского университета Марта Нуссбаум (и чьи слова взяты нами в заголовок статьи), «из-за полного отсутствия женщин среди философов… до недавних пор почти не обсуждалась философами» [*Между политическим гневом… 2015, с. 33*]. Однако именно изменение переживания людьми своих эмоций, изменение самих эмоций оказало огромное влияние на формирование ныне господствующих культурных стереотипов общества. В большинстве дневников можно встретить различные описания эмоций их владельцев, позволяющие увидеть, что кроется внутри эмоций и какова их причина. Часто последующий анализ способствует переформатированию эмоций, их прекращению в будущем. Нуссбаум объясняет стремление «просто так описать свои эмоции, потому что я ощутила реальную потребность выяснить, что я думаю о прошлом, о будущем, о времени в целом. То есть да, письмо для меня лично часто оказывается инструментом, позволяющим удостовериться, что я ни на что не закрываю глаза, ничего не скрываю от самой себя – наоборот, оно помогает мне вернуться к себе и все тщательно исследовать» [*Между политическим гневом… 2015,* с. 34].

Разумеется, это достаточно индивидуальный процесс, поэтому здесь с необходимостью возникают вопросы субъективности, интерпретации описываемых событий и этических оценок. Но нельзя не признать, что в этом случае вырастает ценность самого дневника: он есть не просто хранилище исторических свидетельств, а зачастую единственный способ субъекта

поддержать свое существование в сложных общественных, политических и просто жизненных обстоятельствах.

Предметом рассмотрения данной статьи является дневник Любовь Васильевны Шапориной (1879–1967), известной театральной деятельницы, художницы, переводчицы, жены советского композитора Ю. Шапорина. Она вела свой дневник с 1898 по 1967 гг. Это обширный материал, где местом действия выступает преимущественно Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград, а действующими лицами – именитые коллеги, друзья, просто соседи и просто жители города на Неве. В настоящее время дневник Л. В. Шапориной не имеет соперников ни по продолжительности, ни по объему тематики. Поэтому мы не будем здесь касаться всех пластов ее записок, а только отдельных вопросов в контексте высказанного выше, а также по поводу отражения в дневнике новой социальной роли женщины в России после революции 1917 г.

После революции 1917 г. в России был задекларирован (в экономическом, политическом и социальном форматах) комплекс допущения равенства основных возможностей для женщин. Однако, как правильно заметил в свое время Теодор Зельдин относительно понятия «свобода», свобода – это не обретение Декларации прав человека, это «навык», который «приобретается на опыте» [*Каждый человек интересен… 2017, с. 36*]. Так и женское равноправие. Это навык, который также приобретается на опыте. В XX в. он формировался в России не только в «столкновениях» с социальными механизмами новой государственной идеологии, но и в отношениях с предыдущим наследием, в том числе с теми стереотипами западной и восточной маскулинности, сложившиеся в многовековой истории нашего общества. И здесь нельзя первую треть XX в. резко разделять на «до» и «после» революции 1917 г., ибо 1920-е годы – это еще в известной степени продолжение художественного, научного и социального дискурса начала века.

Поэтому когда советская власть «отбросила» все прежние достижения России в женском движении, замолчав их, как, например, тот факт, что «всеобщее избирательное право без различия пола» было указано в принятом еще Временным правительством 20 июня 1917 г. положении о выборах в Учредительное собрание, и запретив декретами в начале 1918 г. все женские организации, «начав», таким образом, историю освобождения женщин в России с октября 1917 г., у исследователей есть все основания трактовать феминистическую проблематику в контексте «мечты и реальности пролетарской культуры».

Дневник Л. В. Шапориной именно об этом – о столкновениях мечты и реальности пролетарской феминистической культуры, где выражения «новый человек», «новая женщина», «новая социальная роль» женщины – понятия одного ряда. Поэтому свою большую речь героиня фильма «Член

правительства» (1939) в исполнении Веры Марецкой могла бы уложить в одну фразу: «Я – новая женщина».

Какая же была «новая социальная роль» советской женщины и была ли она вообще – ответы на эти и другие вопросы мы находим на страницах шапоринского дневника. Прежде всего, отмечает автор записок, у нее не было экономической свободы, что выражалось в отсутствии работы, и по этой причине не было достаточно средств для поддержания жизни; в отсутствии условий для работы матери, имеющей детей и желающей уделять им определенное время, и по этой причине – семейные проблемы. Картинка с изображением жизни, полной радостного социалистического труда, превращается в другую: «Я служу, работаю или ищу работу» [*Шапорина, 2011, 1, с. 78*], а «денег дома не было» [*с. 80*] и «дети голодные» [*с. 81*]. Тема голода тревожным звуком проходит через весь дневник. 1917 год – «А голод все усиливался» [*с. 71*]; 1930 год – «Чем будем кормиться?» [*с. 88*]; блокада – «Я невероятно голодаю это время» [*с. 92*]; 1948 год – «Девочки второй день без хлеба» [*Шапорина 2011, 2, с. 82*] и почти в конце жизни (1965 год): «Живу впроголодь» [*с. 404*]. Л. В. Шапорина пишет не о свободе, а об отсутствии свободы в условиях, когда жизнь определялась, прежде всего, необходимостью преодоления элементарного голода. И если сегодня наша проблема – как удовлетворить основные потребности минимумом заработанных средств, то проблема того времени – как утолить голод. Разумеется, в таких условиях тотального беспокойства и страха никто не ощущал себя свободным, и женщины прежде всего. Исторически поставленная в центр бытования семьи женщина более других переживает и беспокоится по поводу денег и других средств добычи необходимых условий жизни: еды, жилья, одежды.

И еще о двух моментах с «историческими корнями» и в контексте «новой социальной роли» женщины, которые находят широкое освещение на страницах дневника. Первый связан с жилищным вопросом, ставшим важным социальным вопросом на постреволюционном пространстве бывшей Российской империи. Способы и результаты его решения оказали большое влияние не только на развитие советского градостроительства, но и на формирование так называемого «нового советского человека». Л. В. Шапорина пишет о появлении таких неизвестных ранее понятий, как самоуплотнение, домком, прописка, за которыми стояли явления, обусловившие новую советскую ментальность и нравственность. С тяжелым чувством она рассказывает о судебном иске по разделу ее жилплощади, поданного Галей Старчаковой, дочерью репрессированного литератора Старчакова, которую приютила и спасла в свое время от голодной смерти Любовь Васильевна [*с. 283*]. С не менее грустной интонацией она повествует об этической деградации своей невестки Наташи [*с. 85–93*], справедливо отмечая при этом отрицательное влияние на молодую женщину ком-

мунизации и коммунальности жилья. «Жизнь с моим окружением в советских условиях невыносима, – пишет Шапорина, – под советскими условиями я подразумеваю жилищные» [*Шапорина 2011, 2, с. 133*]. Нельзя не отметить, что приведенные в качестве примеров страницы шапоринского дневника служат яркой иллюстрацией универсальности выражения М. Булгакова о москвичах, которых испортил квартирный вопрос.

Другой момент связан с ролью женщины в воспитании детей. Почти все «руководящие деятельницы» эпохи царственного феминизма в России XVIII в. ставили своей задачей повышение образованности общества с помощью жен и матерей. Можно сказать, что это была своеобразная «госпрограмма» Российской империи. Поэтому традиции частного (семейного) образования столь сильны в России. Более того, отсюда истоки и сейчас существующей тенденции перекладывать на мать проблемы воспитания и будущего детей. В силе этого можно убедиться, заглянув на любое родительское собрание в современной российской школе: большинство его участников – женщины. В годы советской власти этот огромный и, без преувеличения, очень ответственный труд женщин определялся как необходимый и естественный элемент труда домохозяйки, а последний ценился значительно ниже общественного. Следует сказать, что сам труд домохозяйки в те годы, принимая во внимание низкий уровень домашней техники и технологии, был чрезвычайно тяжелым. 31 июля 1949 г. Л. В. Шапорина пишет: «Как-то вечером заходила ко мне А. А. Ахматова. Ей очень трудно живется. Домработницы держать она не в состоянии, и А. А. превращена в домохозяйку» [*с. 133*]. Обремененная детьми (своими и взятыми на воспитание) Л. В. Шапорина часто не могла найти работу, позволяющую ей сочетать воспитание детей с трудовой деятельностью, поэтому переходила в статус домохозяйки и сразу лишалась многих возможностей сносного существования.

К сожалению, тема «советская домохозяйка» еще полностью не осмыслена и не изучена в нашей литературе. Чтобы понять этот феномен, следует внимательно проанализировать оппозицию «женщина, для которой созидают – женщина, которая созидает». В первом случае мы говорим о женщине, во имя которой созидалось все прекрасное в мире, а во втором – о созидающей женщине (в советском варианте – о женщине с серпом, веслом, рулем и т. д.). Если поставить вопрос: для чего и кого созидает женщина? и ответить на него, исходя из советских реалий, можно воочию увидеть, как из «новой социальной роли» женщины вылезает ее старое обличье. Так как быт подчинялся «общему делу», в котором ведущее положение занимал «строитель новой жизни» (мужчина), то женщине отводилась почетная роль его верной подруги, товарища, помощницы мужа. Она стирает, готовит, создает условия для успехов мужа, полностью разделяет его взгляды, т. е. целиком отдается мужскому жизнеустройству.

А если вдруг она потребует внимания к своим интересам, своим занятиям, в том числе и к бытовым, то она, конечно, мещанка, тормоз, пережиток прошлого. В таком контексте выстраиваются типажи героинь советских романов, и сквозь такую призму воспринимают женщину государственные и общественные институции. Л. В. Шапорина убедительно показывает, что все возможные житейские блага и нормальные условия проживания даны ей не как создательнице первого кукольного театра марионеток, художнице, переводчице, а как жене композитора Юрия Шапорина. Будучи уже в разводе с мужем (что было для друзей и коллег публичным фактом), она и ее окружение продолжают «опираться» на статус жены, когда решают жизненно важные вопросы проживания, размещения в больнице и т. д. Даже в целях утверждения своих собственных художественных достижений ей приходится прибегать к уже не существующему статусу. Нет фактического равенства без различия пола и следующего за ним социального статуса, есть только имитация, в которой с необходимостью участвуют и сама Л. В. Шапорина, и окружение, и общественные институты, и государственные структуры. Именно этим объясняется «затягивание» Любовь Васильевной процедуры официального развода при полном его желании и принятии с ее стороны.

Существование женщины в подобном положении на фоне всеобщей бедности и нищете населения, естественно, приводило к искажению не только этических норм, но и эстетических оценок. Так, модернизм с его возвышенным эстетическим идеалом женщины объявлялся пошлостью, а всякое заполнение жизненного пространства предметным миром – мещанством. Поэтому описанные в дневнике попытки Л. В. Шапориной сохранить и передать внукам чудесные предметы своего жизненного пространства выглядят своеобразным протестом и художественной оппозицией существующему режиму.

Обладая эмпатией и высокой степенью чувствительности, Л. В. Шапорина достаточно рационально, трезво и прагматично оценивает окружение и свою жизнь. Она весьма самоуничижительна в своих оценках, и мнения, подобные приведенному далее, сопровождали весь ее жизненный путь. «Я не выдержала экзамена на жизнь. Меня жизнь сломила, у меня не хватило дарования, силы, упорства, энергии. Тяжело, конечно, было – но это не извиненье» [*Шапорина 2011, 1, с. 136*]. Интересно, что когда В. Сажин, один из составителей и комментаторов дневника, задается вопросом: «Отчего же при всех этих успехах, творческой насыщенности жизни и искренней любви многих окружавших Л. В. Шапорину людей ей представлялось, что она ничего в жизни не добилась?», он отвечает следующим образом: «Проблема, видимо, состояла, как ни парадоксально, в своеобразной цельности ее натуры: верности некогда сформировавшимся убеждениям, идеалам, этическим нормам (иной назвал бы это догматиз-

мом)» [*с. 16*]. Пожалуй, это самый «мужской» из всех возможных ответов – «сама виновата» – и перекладывание на Л. В. Шапорину (женщину) всего комплекса правил и обстоятельств строительства жизни в советских условиях, и явное преуменьшение влияния среды, режима, институтов на человеческую личность.

Вместе с тем сама Л. В. Шапорина гораздо глубже осознавала связь своей нереализованности со сложностью своего времени. «Когда я остаюсь одна сама с собой … я особенно остро чувствую всю интересность нашей жизни. Но до чего она трудна и фантастична! ...Трагический гротеск» [*Шапорина 2011, 1, с. 103*].

Дневник Л. В. Шапориной, каждый его фрагмент – прекрасная история сама по себе. Несмотря на то что он создавался в ситуации, когда было опасно говорить и откровенно общаться, он не производит впечатления «кастрированного» документа. Ее записки помогают нам понять женщин этого времени и исходную траекторию наших актуальных достижений в женском движении.

Литература и источники

Каждый человек интересен (с Теодором Зельдиным беседует Арнис Ритупс) // Rīgas Laiks: русское издание. 2017. Лето. С. 28–41.

Между политическим гневом и страхом смерти (с Мартой Нуссбаум беседует Арнис Ритупс) // Rīgas Laiks: русское издание. 2015. Осень. С. 30–39.

Шапорина Л. В. Дневник. М.: Новое лит. обозрение, 2011. Т. 1. 592 с.; Т. 2. 640 с.

Е. В. Горбунова
kaitelin@mail.ru
Независимый исследователь
Е. А. Ерохина
leroh@mail.ru
Институт философии и права Сибирского отделения РАН,
Новосибирский государственный университет
экономики и управления
(Новосибирск)

E. V. Gorbunova
Independent researcher
E. A. Erokhina
Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS,
Novosibirsk State University
of Economics and Management
(Novosibirsk)

КРИЗИСНОЕ ОБЩЕСТВО МЕЖДУ ТРАВМОЙ И УДОВОЛЬСТВИЕМ: НОРМА, ИДЕНТИЧНОСТЬ, ВЫБОР

В философии XX в. немало исследований посвящено проблеме кризисной идентичности. Однако и в XXI в. проблема не утратила своей остроты. Возможна ли свобода индивидуального выбора в ситуации бунта против навязанных правил «из прошлого»? Насколько актуальны вызовы прошлого, такие, как, например, политическое неравенство женщин, рабство или нацизм, в настоящем? Сегодня мы считаем предрассудком осуждение человека за его сексуальную ориентацию, однако определенность с извечным вопросом о том, что в отношении социального пола считать нормативным, а что причислить к патологии, так и не наступила. Утвердившийся в обществе индивидуализм требует конвенциональной нормы, однако достигать соглашения становится все труднее и труднее: слишком многообразны наши представления о нормативности.

Ключевые слова: гендер, норма, травма, удовольствие, идентичность.

CRISIS SOCIETY BETWEEN INJURY AND PLEASURE: NORM, IDENTITY, CHOICE

In the philosophy of the XX century, a lot of research was devoted to the problem of crisis identity. However, in the 21st century, the problem has not lost its severity. Is freedom of individual choice possible in a situation of rebellion against imposed rules «from the past»? How relevant are the challenges of the past, such as, for example, the political inequality of women, slavery or Nazism, in the present? Today we consider it a prejudice

to condemn a person for his sexual orientation, but certainty with the eternal question of what is considered normative in relation to the social sex and what can be classified as pathology has not come about. Once established in society, individualism requires a conventional norm, but reaching an agreement is becoming more and more difficult: our ideas about normativity are too diverse.

Keywords: gender, norm, trauma, pleasure, identity.

В век новых прогрессивных технологий человек по-прежнему остается наедине со «старыми» вопросами: кто я? что есть «мы»? где границы моей самости? «Эпоха перемен» уже слишком далеко ушла от «традиционных» ценностей и предлагает новые способы определения моральных границ, собственной идентичности, представления о норме. Дистанция между «привычным» и тем, что может повергнуть в шок, становится все более подвижной.

Постсовременность предлагает человеку богатый выбор ответов на важные смысложизненные вопросы: каков я по своей природе? каким я должен быть? кем я хочу стать для других? Этот выбор настолько многообразен, что включает в себя и негативный ответ, отрицающий необходимость выбора. Спектр возможных ответов простирается от бунта в отношении навязанных идентичностей до полного отказа от выбора собственной идентичности.

Противостояние «традиционных» ценностей и «девиантных» форм поведения, которым современное общество возвращает статус нормы, является, пожалуй, одним из самых сложных аспектов кризисного общества. С одной стороны, история и современность полны примеров реального угнетения целых народов и пренебрежения достоинством отдельной личности, отличающейся своим мировосприятием от мировоззрения большинства: «…массовый человек боится встать на твердый, скальный грунт предназначения; куда свойственней ему прозябать, существовать нереально, повисая в воздухе» [*Ортега-и-Гассет, 2000, с. 111*]. С другой стороны, диктат меньшинства, прежде угнетаемого, противостояние между ним и условно «нормативной» группой, также могут послужить источниками принуждения и насилия. В многочисленных литературных произведениях, созданных в жанре антиутопий, показано, как «добро», понимаемое персонажами как некая догма, способно перевоплощаться в свою противоположность и действовать во имя «зла».

Всеобщая тенденция противостояния консервативности и нетривиального взгляда на современные социальные нормы прослеживается как в искусстве, так и повседневной жизни. Все больше деятелей искусства стремятся показать человека в эру господства информационных и цифровых технологий, дистантных удовольствий, возможности существования в альтернативной реальности, где возможны модификации себя и окружаю-

щего мира. Для западной культуры давно не в новинку такая «фрагментарность» и «множественность», осознание тела как изменяемой субстанции, что дает выход тем, кто не удовлетворен своим телом и тяготится им, изменить его, усовершенствовать, улучшить. С другой стороны, новые технологии приглашают примерить эту «множественность» и тем, кто просто находится в поиске собственного «Я».

Коль скоро «тело» подвержено изменению, то и «реальность» можно корректировать, конструируя свой собственный мир, где удовлетворение желаемого происходит «здесь» и «сейчас». Значит ли это, что современный человек стремится к прогрессу, или же наоборот, регрессирует? Да и имеет ли тело какую-либо весомость, если мы отражаем «себя» посредством иллюзорного мира, оторванного от реальности, в виде социальных сетей? Пожалуй, современный человек представляет собой не что иное, как годаровского карабинера, вернувшегося с войны, с чемоданом, набитым фотографиями с роскошными трофеями. Человек будто пытается создать свою «копию», заместив ею «серую», лишенную удовольствий реальную жизнь, иной. Там, куда он помещает свое «другое», существует «мир», где все подвластно его желанию.

Современный человек будто снова погружается в эпоху первобытного страха перед неизведанным. При этом влечение к смерти стало похоже на эпидемию, порождая «медленные» способы суицида, такие как наркотическая и алкогольная зависимость, поиск различных девиантных способов получения удовольствия. «…Люди становятся чуждыми миру, в котором живут... Мы постоянно подвергаемся грубым воздействиям симулякров со стороны политиков, экономистов, бизнесменов, банкиров, риэлтеров, рекламщиков и т.п., формирующих для нас очередную виртуальную реальность, создающих новые или модернизирующих старые мифы («равные возможности для всех», «демократические ценности», «плюрализм мнений», и др.), которые для большинства поверивших в них, в лучшем случае так и остаются красивой мечтой, в худшем – оборачиваются кошмаром, потерей собственности, здоровья и даже жизни» [*Узлов, 2009, с. 79*]. Умело созданный виртуальный образ или фантазийный мир позволяет нам получать исключительно удовольствие. Новые технологии создают иллюзию своего внутреннего аутентичного мира, в котором царит именно та атмосфера и те атрибуты, которые позволяют, с одной стороны, ощущать в этом мире себя максимально комфортно, и, с другой стороны, сделать этот мир непроницаемым для реальности. Утратив с нею связь, удовлетворяя желание дистанцироваться от того, что вызывает травму, современный человек открывает источник нескончаемого удовольствия, обращаясь к инструментам технологической реальности и разнообразным психотропным средствам.

Элементом искусственной симуляции познавательного инстинкта является и нейромаркетинг. Мы «поглощаем» вещи, а вещи поглощают нас. При этом все острее встают проблемы, связанные с «фетишизацией» и овеществлением межличностных отношений. «Непредвиденное» становится четко спланированным, люди теряют интерес к жизни, где все подчинено условному объекту, который определяет дальнейший ход событий. Такая предсказуемость оборачивается апатией, неверием в собственные силы и, как следствие, оправдывает проявление низших инстинктов, агрессии, нездорового интереса к девиации.

Общество стало безразлично к тому, что происходит не только внутри страны или в мире, безразличие укрепилось и в отношении к своему «телу», тому, чем можно наполнить себя и, таким образом, влиять на окружающее. Некая неотвратимость и фатализм в том, что произошедшее зло было или будет неизбежно, все это свойственно человеку, испытавшему некое глубоко травмировавшее его событие, в результате чего он начинает сомневаться в том, что заслуживает что-то иное, кроме страдания и душевной боли. Всегда было и будет что-то, что наносит неизгладимый след как в истории страны, так и в истории индивидуума. То, насколько «пластичным» окажется «ответ» на событие, покажет, смогли ли в должной мере субъекты этого воздействия реабилитироваться и восстановиться свои ресурсы. Время тотального «переживания» все еще продолжается, безразличие и невозможность отделить «черное» и «белое» с каждым разом все явственней проявляется в виде крушения традиционных ценностей, в том числе тех, что придавали ореол святости отношениям между мужчиной и женщиной.

Симона де Бовуар когда-то сказала, что женщиной не рождаются, а становятся. В то время она и представить не могла, насколько буквально эта фраза применима к современности. Женское тело, как, впрочем, и мужское, стремится к трансформации. Прекрасный миф, пересказанный Платоном, о том, что люди рождались соединенными друг с другом, и впоследствии были разъединены, дабы найти свою половину, в современности пересматривается: сначала необходимо определиться со своим полом, а уже после искать «того», другого. Безусловно, мужские и женские роли претерпели глобальные изменения, но вместе тем остались неразрешенные проблемы, вроде тех, что побуждают женщин продолжать бороться за свои права. При этом, отвергая «женственность», «новоиспеченный» феминизм отнюдь не способствует самоопределению женщины как таковой, навязывая ей агрессивность.

Этот раскол предстает не только в виде отказа от своей «гендерной» роли, когда женщины не стремятся к материнству и браку, так как роли «матери» и «жены» предстают как архаичный оклик прошлого, который заставит ее «жертвовать» и быть «женщиной» во всех неприглядных для

современной женщины ипостасях. Современный кинематограф все чаще характеризует женщину как «ведущего» героя, тогда как мужчина предстает «ведомым» и «слабым». Женщина должна проявлять агрессию и сама творить насилие, но не подобно древнегреческой «Медее». Женщины проявляют агрессию и девиантное поведение вслед за отказом от своей «традиционной» роли и вступлением на территорию типичных «мужских» проявлений характера.

Быть успешной, построить карьеру, добиться признания и статусной позиции вопреки всему… В. Н. Астафьев в своей повести «Людочка» рассказывает трагичную историю женщины, той самой, живущей в расколотом обществе, где одни женщины носят брюки, учатся в институтах, ведут себя развязно, а другие – как героиня повести, потерянная и смутно представляющая, что ждет от нее враждебный мир. Однако, несмотря на отсутствие у героини должного образования, ее слабость и ведомость впоследствии оборачиваются силой характера, способностью понять цену жизни и смерти, определить свою участь и проявить поистине героический характер. Печален опыт героини, но ведь и в современности женщина предстает перед выбором, стоит ли ей показывать свою женственность, или же, наоборот, «притвориться», что она довольна появившимися у нее «правами».

Маргарет Этвуд в антиутопии «Рассказ служанки» повествует о нелегкой судьбе женщин, выполняющих исключительно фертильную функцию, обученных быть «угодными» и «кроткими». Прообраз женщины-матери предстает в виде безжалостного долга перед «системой», использующей женщин и не позволяющей им быть не просто наравне с мужчинами, но и наравне с другими женщинами, чья фертильная функция отсутствует и которые, в свою очередь, являются высокопоставленными членами общества, хотя они, как и «служанки», лишены возможности мыслить «свободно», читать и слушать музыку, перечить возведенным в абсолют религиозным догматам.

Ханна Арендт в книге «Эйхман в Иерусалиме» выносит на обсуждение довольно сложный вопрос о том, почему человек принимает зло как норму? Есть определенная механистичность во взаимодействии между «палачом» и «жертвой» и лишь немногие, как пишет Арендт, были способны «решить, что не твари мы дрожащие» [*Арендт, 2008, с. 27*]. Мы приближаемся к довольно спорной постановке вопроса о морали в современном обществе, в котором присутствует «иллюзия» выбора, но при этом все останется на своих местах. Как сделать возможным, чтобы борьба за права и равенство достигала цели без агрессии и взаимного отчуждения? В противном случае итог остается неизменным, и безразличие не позволит совершиться изменениям, поскольку, как и писала Арендт, не каждый в одиночку способен вырваться из «глухой» покорности злу.

Человек, определяя себя и свое место в обществе с помощью гендерных категорий, желает «завершенности» и «постоянства». Однако новые стандарты современности отнюдь не так благожелательны к нему, как кажутся на первый взгляд. Сегодня никто не осуждает чувствительность некоторых мужчин или брутальность некоторых женщин. Если каждый из нас подвержен изменениям, не означает ли это, что нормой может стать выбор пола или конструирование собственного тела просто из желания соответствовать новым стандартам современности? Переходный период, в котором пребывает наше нынешнее мироощущение, те процессы, которые неконтролируемо происходят в обществе – отделение от традиционных представлений о половой принадлежности и семейных ценностях, от модерной идеи самосозидания и самоопределении, все это сосуществует с «традиционными» представлениями о морали, принуждающими личность подчиняться коллективному давлению. Ситуация постсовременности содержит в себе множество новых возможностей для индивидуального развития. Однако она таит в себе и риски, в том числе опасность уединения и отчуждения, ведь «новый» мир, построенный на обломках старого, еще достаточно шаток и не имеет под собой твердой почвы.

Литература и источники

Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., 2008. 27 с.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2016. 111 с.

Узлов Н. Д. Шизофрения как клинический и культурный феномен: к проблеме шизофренизации массового сознания. Пермь, 2009. 369 с.

Е. А. Дегальцева
katerina3310@yandex.ru
Бийский технологический институт (филиал)
АлтГТУ им. И. И. Ползунова
(Бийск)

E. A. Degalceva
Biysk Technological Institute (Branch)
of I. I. Polzunov State University
(Biysk)

ПРАВА ЖЕНЩИН НА АБОРТ И ИХ БОРЬБА ЗА НЕГО

В статье рассматриваются истоки и современное движение женщин за право на аборт, особенности европейского и американского законодательства по ограничению прав женщин на аборт, социальные аспекты борьбы женщин за эти права. Права женщин на аборт до сих пор оспариваются государством и служат средством политической борьбы. Сегодня в движении против абортов состоит много выдающихся женщин. В свою очередь, и политические движения за права абортов призывают мужчин, поддерживающих эту идею, присоединиться к ним. Они апеллируют к тому, что любая женщина может свободно контролировать свое тело. Табу на данный выбор, существовавшее на протяжении веков, отвергается индивидуальной свободой. В статье на этот счет приводится мнение активистки движения против отмены законов о свободе абортов Габи Хинслифф. Она критикует принятый в Алабаме 25-ю политиками-мужчинами запрет на аборты после 6-недельного срока. В этот период действительно многие женщины даже не осознают, что они беременны. Жертвы инцеста или изнасилования – главный аргумент в борьбе женщин за права абортов. Они понимают, что аргументы личного выбора женщин останутся не услышанными. Их противодействие политике Трампа против абортов идет с позиций социальной критики капитализма.

Ключевые слова: феминизм, аборт, права женщин, свобода, консерватизм, либерализм.

WOMEN'S RIGHT TO ABORTION AND FIGHT FOR HIM

This article discusses the origins of the modern women's movement for the right to abortion, particularly European and American legislation to restrict women's rights to abortion, Russian practice. Women's right to abortion is still contested State and serve as a means of political struggle. Today in the movement against abortion is many prominent women. In turn, and political movements for the rights of abortion encourage men supporting this idea, to join them. They appeal to the fact that any woman can freely control its body. The taboo on this choice that existed for centuries, rejected individual freedom. In the article, please refer the opinion of activists against repeal of laws on freedom of abortion Gaby Hinsliff. She criticizes adopted in Alabama 25-n male politicians ban on

abortion after 6 weeks. During this period, many women really don't even realize that they are pregnant. Victims of incest or rape is a main argument in the struggle of women for abortion rights. They understand that arguments of personal choice of women remain unheard. Their opposition politics Trump against abortion is from the perspective of social criticism of capitalism.

Keywords: feminism, abortion, women's rights, freedom, conservatism, liberalism.

Репродуктивная свобода принадлежит к основным правам человека. Движению за полные гражданские права женщин уже более 150 лет. Эти идеи стали актуальны в Северной Америке и Западной Европе с середины XIX в. Однако уже в конце XVIII в. Мэри Уоллстонкрафт критикует Руссо, утверждавшего, что «женщина никогда, ни на миг не способна почувствовать себя независимой, что ею надо руководить, внушая страх» [*Уоллстонкрафт, 2006, с. 10*]. Моральный облик женщин на протяжении многих веков определялся тем, как они выполняли свои естественные обязанности дочерей, жен и матерей. Частые роды не давали им забывать, что «жизнь человеческая далека от блаженства» [*Уоллстонкрафт, 2006, с. 11*]. Женщина превращалась в бесперебойный механизм воспроизводства рода.

Спустя полвека, в 1842 г. Жорж Санд в своем письме к молодой приятельнице Леруае де Шантепи не советовала никому вступать в брак, «утвержденный гражданским законом, который всегда поддерживает зависимость, неполноценность и социальную незащищенность женщины» [*Санд, 2006, с. 22*]. В любом семейном союзе, по ее мнению, всегда царило неравенство, зависимость, подавленность женщины.

Тогда же американская феминистка Маргарет Фуллер, основываясь на необходимости разрушить барьеры на пути свободного развития женщины, выступала против главного стереотипа, что «женщина должна быть прежде всего матерью» [*Фуллер, 2006, с. 48*]. Нашу соотечественницу Аполлинарию Суслову привлек как любовный объект Ф. М. Достоевский прежде всего тем, что показался ей Другим, не давая советов, которые щедро раздавали «наши писатели: «Зачем вам учиться? Скорее выходите замуж и рожайте как можно больше детей» [*Суслова, 1928, с. 171*]. Однако и сам Ф. М. Достоевский, хотя и не проповедовавший безбрачия, видел в женщине в первую очередь мать, а учиться ей следовало именно для того, чтобы «стать потом образованной матерью и иметь возможность дать своим детям европейское образование» [*Достоевская, 1992, с. 142*].

Напрямую тема абортов долгое время не поднималась ни в общественной мысли, ни в художественной литературе. Даже в XX в., как справедливо пишет Ирина Новикова, «любая писательница, которая бы обратилась к опыту каждодневному, рутинному, “исключительно женскому”, как, например, рождение ребенка или аборт, автоматически включалась бы в отдельную – Другую – …Женскую традицию» [*Новикова, 2000, с. 110*].

В семье по религиозным мотивам тогда вопросы прерывания беременности ставились крайне редко и решались исключительно мужчиной. Если женщина беременела от случайной связи, она также редко могла открыто оставить себе ребенка. В любом случае свой собственный выбор сделать было невозможно. Мы знаем массу случаев, в том числе и описанных в мировой литературе, когда одинокая женщина, забеременев, кончает жизнь самоубийством, чтобы скрыть свой «грех».

В финансовой реальности капитализма «секс и женщина – это такие же предметы потребления, как и остальные» [*Дворкин, 2000, с. 13*]. По мнению американского исследователя Андреа Дворкина, оплодотворение женщины в браке или других формах конкубината (хоть и неформального) рассматривается «как господство над тратами без цели, как основное и недвусмысленное доказательство маскулинности, как признак состоявшегося и неопровержимого факта возмужания» [*Дворкин, 2000, с. 14*]. И то, что возникает в результате этого оплодотворения в таком случае – тоже собственность мужчины. Он начинает фетишизировать теперь и эту часть ее тела, как бы изгоняя ее «из реальности выражения во внешнем мире в определенную мужскую реальность сексуального или же в определенную им же реальность материнского» [*Дворкин, 2000, с. 15*].

Идеи религиозной свободы женщин, их социальных, политических и экономических прав тогда казались диковинными. Сегодня это никого не удивляет. Однако право женщин на аборт до сих пор оспаривается государством и служит средством политической борьбы. Сегодня в движении против абортов состоит много выдающихся женщин. В свою очередь, и политические движения за права абортов призывают мужчин, поддерживающих эту идею, присоединиться к ним. Как говорит Кенан Малик: «Мужчинам не нужны аборты, однако это не причина не бороться за права женщин» [*Malik, 2019*].

Они апеллируют к тому, что любая женщина может свободно контролировать свое тело. Табу на данный выбор, существовавшее на протяжении веков, отвергается индивидуальной свободой, тем, «что люди должны держать свои носы вне репродуктивных прав: Если это не твоя матка, не твоя жизнь, тогда какое ты имеешь право вмешиваться в решение взрослого человека», – говорит активистка движения против отмены законов о свободе абортов Габи Хинслифф [*Hinsliff, 2019*]. Она критикует принятый в Алабаме 25-ю политиками-мужчинами запрет на аборты после 6-недельного срока. В этот период действительно многие женщины даже не осознают, что они беременны. Жертвы инцеста или изнасилования – главный аргумент в борьбе женщин за права абортов. Они понимают, что аргументы личного выбора женщин останутся не услышанными.

Решение, принятое в Алабаме, активизировало внимание в Америке к вопросу о репродуктивных правах. Закон штата Алабама является наибо-

лее драматичным шагом в длительной кампании республиканских штатов по ограничению прав женщин на аборт и, возможно, даже к отмене решения Верховного суда 1973 г., которое узаконило аборт в США.

Очевидно, что дебаты об абортах стали рассматриваться сквозь призму гендерного неравенства. Кроме Алабамы, еще штаты Миссури и Джорджия также недавно приняли ограничительные законы об абортах. В Миссури 21 из 24 сенаторов, проголосовавших за закон, были мужчинами; в штате Джорджия это были 33 из 34 сенаторов.

Однако гендерный разрыв в отношении абортов не таков, как может показаться вначале. Может показаться, что за запрет абортов выступают в основном мужчины, которые принимают законы, потому что мужчины непропорционально представлены в законодательных органах, особенно в консервативных штатах. Только четверо из 35 сенаторов в Алабаме – женщины; из всех членов законодательного собрания штата более 84 % составляют мужчины. Однако это не имело бы значения, если в законодательных органах было одинаковое количество мужчин и женщин или даже все женщины. Опросы неизменно показывают, что в отношении к аборту почти нет гендерной корреляции. Мужчины и женщины одинаково выражают свои предпочтения [*Malik, 2019*].

Этот раскол в отношении абортов частично отражает современную поляризацию политики США. Именно политика, а не пол, создает разрыв в отношении к запрету абортов. Согласно данным американского исследовательского центра Pew, примерно 6 из 10 республиканцев считают, что аборты нужно запретить во всех или в большинстве случаев, в то время как три четверти демократов считают его законным [*Malik, 2019*]. В законодательных органах США также ключевую роль играет политическая принадлежность, а не пол. В Алабаме каждый республиканец, будь то мужчина или женщина, поддержал запрет на аборты, и ни один демократ любого пола этого не сделал.

Этот партийный раскол в отношении абортов частично отражает современную поляризацию политики США, которая видна во множестве вопросов: от иммиграционной политики до изменения климата. Однако есть и более глубокий смысл, в котором проблема абортов политизирована. Дискуссии по своей сути неразрывно связаны с социальным неравенством и с социальной критикой капитализма.

Сегодняшний дискурс абортов – это, прежде всего, дискурс выбора – право женщины устанавливать контроль над своим телом и делать свой собственный репродуктивный выбор независимо от врачей или государства. Выбор, однако, должен быть сделан в определенных социальных условиях. Законное право на аборт теряет силу, если женщины не могут получить к нему доступ. В последние годы американские консерваторы пытались не только отрицать право на аборт, но и затруднять доступ к нему,

создавая юридические препятствия или заставляя закрывать клиники. Те, кто больше всего страдают от этого, – это женщины рабочего класса, у которых нет ресурсов, чтобы преодолеть данные препятствия.

Исторически, во всех акциях и кампаниях за право на аборт была связь с более широкими требованиями социальных изменений, необходимых для равенства. Уже в августе 1970 г., когда аборт по-прежнему был незаконным в США, Бетти Фридан и Национальная организация женщин организовали в 50-ю годовщину принятия 19-й поправки, которая давала женщинам право голоса, женскую забастовку за равенство. Требования забастовки включали равные возможности в рабочей силе, бесплатный уход за детьми, бесплатный аборт по требованиям и ратификацию Поправки о равных правах, которая гарантировала, что «равенство прав по закону не должно отрицаться или ущемляться из-за секса» [*Malik, 2019*].

Для феминисток аборт важен не только как вопрос личного выбора, но и как необходимость, позволяющая женщинам входить в публичную сферу на их собственных условиях. Отсюда видится и связь между абортом, уходом за ребенком, равными возможностями и равными правами.

В том же году в Оксфорде состоялась первая конференция Британского женского освободительного движения. Его четыре требования были аналогичны тем, которые предъявлялись в Америке: равная оплата, равные возможности для получения образования и работы, бесплатная контрацепция и аборты по требованию, а также бесплатные круглосуточные детские сады. В то время, когда приличные и доступные детские сады были практически недоступны, а права на аборты ущемлялись, эти требования могут показаться утопическими. Вместе с тем они напоминают нам о том, что права на аборты, учреждения по уходу за детьми и равные возможности являются важными элементами широких структурных изменений, необходимых для социального равенства.

В целом ряде развивающихся государств рассматриваемая проблема остается не гендерной, а социальной. Так, в Сальвадоре за аборты предусмотрены длительные тюремные сроки. Яркий случай произошел там более 10 лет назад, когда Адриана Родригес в возрасте 19 лет узнала, что забеременела. Сказать своим близким об этом она не смогла [*Driver, 2018*]. Когда в 2005 г. около полуночи в одном из районов на окраине Сан-Сальвадора у нее отошли воды, не оказалось никого, кто бы отвез ее в больницу, а общественный транспорт был ей недоступен. Она родила дома мертвого ребенка. Когда она, наконец, добралась до больницы, чтобы обратиться за медицинской помощью, доктор решил, что она сама убила ребенка, и сообщил полиции. Уже утром она оказалась под стражей и 5 месяцев спустя была приговорена к 30 годам тюремного заключения за убийство при отягчающих обстоятельствах. Родригес отправили в женскую

тюрьму Илопанго, в которой сейчас содержится 1310 человек, в том числе и женщины с аналогичной судьбой [*Driver, 2018*].

Эта война государства с женщинами может иметь много разрушительных последствий, заставить женщин принять опасные меры, чтобы прервать беременность. На примере печального опыта СССР это отчетливо видно.

Сегодня запрет абортов – самое серьезное ограничение прав женщин, поскольку репродуктивная свобода является основным правом человека. Летом 2019 г. норвежские депутаты поддержали инициативу ограничить права на аборт. Пока данное ограничение касается только женщин, которые ждут близнецов. Решение при этом будет принимать не женщина, а медицинская комиссия. Христианские демократы в Европе давно наступали на права женщин в данном вопросе. Сейчас активисты движения за права женщин на аборт и либералы считают, что это – первый шаг к полному запрету абортов.

В Италии еще весной 2019 г. прошли акции протеста. Их участники считают, что подобная законодательная политика – это возврат в средние века и решать такие вопросы должна только женщина. Оппонентом европейских активистов выступил Всемирный конгресс семей, где говорилось о необходимости запретить разводы, аборты и однополые браки. И те, и другие при этом говорят о свободе. Те, кто призывает таким образом сохранить семью, считают, что женщины при введении таких запретов обретут истинную свободу.

Ряд исследователей считают, что женщины и мужчины должны быть равноправны, но права должны быть разные и соответствовать их полу. Например, Л. Иригарэй считает, что права, которые необходимо провозгласить, как «права для женщин», были присвоены мужчинами, мужской культурой как собственность, включая права не только на тела женщин и детей, но также и на природное, жизненное пространство, систему знаков и имиджей, социальную и религиозную репрезентацию [*Irigaray, 1993, p. 86*]. В «права для женщин» должно входить право на идентичность, при этом право на материнство рассматривается автором как компонент, а не приоритет идентичности женщины [*Irigaray, 1993, p. 89*].

В начале XXI в., когда люди ощущают, что они не могут контролировать большое количество вещей и событий, управляемых определенными или абстрактными системами, одно из немногого, что они могут предпринять, – это контролировать самих себя и свои тела. Свобода над своим телом становится важнейшей частью индивидуальной свободы.

Противодействие современных активистов американской и европейской политике против абортов идет с позиций социальной критики капитализма. Представления о «женских» и «мужских» ролях сохраняются не только в общественном сознании, но и законодательной практике ряда

государств. Таким образом, женщина остается зависимой, но уже не столько от мужчины, сколько от государства. Контроль над женским телом возвращает нас назад в традиционное общество.

Литература и источники

Дворкин А. Порнография: мужчины обладают женщинами // Гендерные исследования. 2000. № 4. С. 6–17.

Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери. СПб., 1992.

Новикова И. Джамейка Кинкейд: кто боится темной комнаты, или приглашение от неизвестной сестры // Гендерные исследования. 2000. № 4. С. 108–126.

Санд Ж. Письма Жорж Санд // Феминизм в общественной мысли и литературе. М.: Грифон, 2006. С. 20–23.

Суслова А.П. Годы близости с Достоевским. М.: Изд-е М. и С. Сабашниковых, 1928.

Уоллстонкрафт М. В защиту прав женщины // Феминизм в общественной мысли и литературе. М.: Грифон, 2006. С. 8–18.

Фуллер М. Женщина в девятнадцатом столетии // Феминизм в общественной мысли и литературе. М.: Грифон, 2006. С. 44–52.

Driver A. Meet the Women Fighting One of the World's Most Oppressive Anti-Abortion Laws (дата публикации: 26.09.2018) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://narratively.com/meet-women-fighting-one-worlds-oppressive-anti-abortion-laws/ (дата обращения: 15.08.2019).

Hinsliff G. It shouldn't be Left to Women to Fight Alone for Abortion rights (дата публикации: 18.05.2019) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/may/18/women-abortion-rights-pro-choice-campaign (дата обращения: 15.08.2019).

Irigaray L. Je, Tu, Nous. Toward a Culture of Difference. Translated by Alison Martin. New York, London: Routledge, 1993.

Malik K. Men don't have Abortions. That's no Reason not to Fight for Women's Right (дата публикации: 26.05.2019) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/may/26/men-dont-have-abortions-no-reason-not-fight-womens-rights (дата обращения: 15.08.2019).

Т. А. Джумантаева
muzey@vitebsk.by
Национальный Полоцкий
историко-культурный музей-заповедник
(Республика Беларусь, Полоцк)

T. A. Jumantayeva
Polotsk National Historical
and Cultural Museum-Reserve
Republic of Belarus, Polotsk

МАТЕРИАЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ СВЯТОЙ ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ

Благодаря принятию христианства и распространению письменности, заимствованию византийских образцов культуры и влиянию западно-европейской культуры, в XI–XII вв. земли современной Беларуси вышли на сцену европейской истории. Неслучайно на Эбсторфской карте, созданной в XIII в., кроме Киева и Новгорода средневековую Русь представлял и Полоцк. Большую роль в политическом, экономическом и культурном развитии Полоцкой земли сыграла Евфросиния Полоцкая. Первая восточнославянская женщина, канонизированная православной церковью, она стояла у истоков материального воплощения духовного наследия общечеловеческих ценностей, воспринятых и преобразованных ею путем переписывания и перевода богослужебных книг, строительства храмов и создания иконографических программ для их украшения и утверждения христианства. Созданные с ее участием шедевры архитектуры, живописи и декоративно-прикладного искусства стали материальным воплощением духовного наследия самой просветительницы и оказали существенное влияние на духовное и культурное развитие других стран и народов.

Ключевые слова: христианство, письменность, архитектурная школа, духовное наследие, фресковая роспись, патрональная программа/

TANGIBLE SPIRITUAL HERITAGE OF ST. EUPHROSYNE OF POLOTSK

In the 11th–12th centuries, thanks to the adoption of Christianity and the spread of written language, benefited by the Byzantine culture and the impact of the Latinate West, the lands of the present-day Belarus entered the stage of European history. The protectress and patroness of our country, St. Euphrosyne of Polotsk, the first East Slavonic woman to have been canonized by the Orthodox Church, stood at the birth of the tangible representation of the spiritual heritage of universal human values which were perceived and transformed by her by means of copying and translating the books of the offices, by building temples and elaborating iconographic programmes for their decoration and consolidation of Christianity. The masterpieces of architecture, painting, and ornamental arts, in whose creation she was involved, have turned into the tangible assets of

the spiritual heritage of the Enlightener herself and, what is more, they have exerted an essential impact on the spiritual and cultural development of other countries and nations.

Keywords: christianity, writing, architectural school, spiritual heritage, fresco painting, patronage programme

Средневековая культура стала важным этапом в формировании современных представлений о женщине. Именно в средневековье в отношении женщины была разработана наиболее развернутая и аргументированная концепция несовершенства. Консервативное прочтение христианских текстов создавало идеологическую базу для данной патриархальной традиции. Однако полоцкие женщины нарушили «гендерный баланс» патриархального общества и попытались проводить собственную политику и культурную стратегию. Первой среди них была Евфросиния Полоцкая. Специфические условия XII в. – политическая дезинтеграция и, одновременно, культурный расцвет – обеспечили Евфросинии возможность и легитимность политического влияния в патриархальном обществе. В феномене же деятельности преподобной Евфросинии Полоцкой мы видим сочетание двух функций – родовой репрезентации и монашества. Одновременно княжна и монахиня, она ратовала за укрепление роли первого на территории современной Беларуси независимого государства – Полоцкого княжества, за позитивные перемены на фоне европейских этнокультурных процессов, закладывавшие фундамент будущей белорусской народности; и переживала за углубление раскола между римской и византийской церквями. Она не разделяла область веры и знания, сферы церковного и светского существования. Осознанное княжной распространенное в то время понимание единства бытия позволило ей выступать за единство христианства, протестовать против братоубийственных междуусобиц, толерантно относиться к языческим верованиям. Во всяком случае, полоцкое средневековье несет редкую выразительную печать женской индивидуальности, приверженности кодексу христианской морали и, как сказали бы сегодня, активной жизненной позиции. Недаром известный историк В. Л. Янин назвал период жизни и деятельности Евфросинии Полоцкой «полоцким матриархатом» [*Янин, 1970, с. 17–19*].

Источниками, повествующими о разных периодах жизни и деятельности Евфросинии Полоцкой (1102–1173), являются письменные, архитектурные, археологические памятники и комплекс фресковой росписи Спасо-Преображенской церкви XII в. В статье С. Е. Рассадина «Древнерусские Евфросинии: монахиня-княжна и княгиня-монахиня» размещена большая историография по теме [*Рассадин, 2017*].

Житие преподобной Евфросинии Полоцкой, которое называют не только памятником восточнославянской агиографической литературы XII в., но и исторической, дошло до нашего времени в шести редакциях и

более чем в 150 списках XVI–XVIII вв., что свидетельствует о популярности этого произведения. Так, ученый монах базилианского монастыря Игнатий Стебельский [*Клосс, 2013*] был автором первого обстоятельного жизнеописания Евфросинии Полоцкой, в котором он использовал сокращенную переработку памятника в составе Миней Дмитрия Ростовского (издание 1700 г.) и последующие переиздания. В 1862 г., в «Памятниках старинной русской литературы, издаваемых Г. А. Кушелевым-Безбородко» [*Повесть жития… 1862*], был опубликован текст полной редакции по сборнику Иосифо-Волоколамского монастыря № 632, входившего тогда в собрание Московской Духовной Академии и хранящегося сейчас в Российской государственной библиотеке. Это издание было повторено в 1888 г. (Витебск) и в 2001 г. в книге «Древнерусские княжеские жития» (Москва). Существуют и другие редакции жизнеописания полоцкой святой.

Классификацией массива рукописей Жития занимались такие исследователи, как А. Мельников (Минск) [*Мельников, 1997*], Е. Воронова (Санкт-Петербург) [*Воронова, 1987, с. 147–148*], Б. Клосс (Москва) [*Клосс, 2013*]. Различия их исследований – в характеристике основной редакции. А. Мельников считал старшим список по сборнику Иосифо-Волоколамского монастыря № 632, Е. Воронова предпочла список МГУ, датированный концом XV в., Б. Клосс ссылался на Пролог XV Библиотеки Российской Академии Наук, содержащий под 23 мая краткое Житие Евфросинии Полоцкой.

Можно констатировать, что сохранившееся жизнеописание Евфросинии Полоцкой литературно оформлено лишь в XV в., но основано на древних источниках. Оно написано со знанием истории Полоцка и местной топографии. Это дало повод заключить, что автор Жития из Полоцка. Существует гипотеза о том, что автором могла быть сестра Евфросинии Евдокия. По мнению Б. Клосса, автором Жития следует признать Варсонофия, упомянутого в 1470 г. в качестве духовника Новгородского архиепископа Ионы, бывшего игумена полоцкого Бельчицкого монастыря. Канонизация Евфросинии Полоцкой произошла, по мнению ученых, скорее всего, в период нахождения на Киевском митрополичьем престоле полоцкого архиепископа Симеона (1481–1488).

К корпусу письменных источников можно отнести *Полоцкое Евангелие* конца XII в. [*Нікалаеў, 1993, с. 25*]. Это наиболее древний памятник книжной культуры Беларуси. Евангелие, в течение многих столетий находившееся в Полоцке, – свидетельство многовековых традиций отечественной культуры, подтверждение тесной связи не только с другими славянскими культурами, но и всем христианским миром. По форме манускрипт представляет собой кодекс, состоящий из 172 листов пергамента. По содержанию рукопись является полным Евангелием-апракас, или Богослужебным

Евангелием. Текст в нем организован календарно, согласно недельным церковным чтениям. Полоцкое Евангелие написано на церковнославянском языке красивым уставом коричневыми чернилами в два столбца на каждой странице. В тексте присутствуют некоторые элементы белорусского языкового колорита. Для художественного оформления использованы строгие и торжественные заставки, орнаментированные инициалы и красочные заголовки. Сегодня основная часть Полоцкого Евангелия хранится в собрании Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, а два листа находятся в фондах Российской государственной библиотеки в Москве.

Существует легенда о том, что к написанию книги могла иметь отношение преподобная Евфросиния. Для нас важно, что так могли выглядеть книги, переписанные в Полоцке, где Евфросинией были созданы два монастыря и открыты скриптории. Уникальным фактом жизни преподобной Евфросинии является то, что в качестве первого монашеского послушания, выбранного ею после пострига, было переписывние книг в библиотеке Софийского собора. За этим занятием она провела первые 8 лет своего послушания.

К числу письменных памятников XII в. относится *певческий цикл о Евфросинии Полоцкой* [*Серегина, 1987, с. 52*], выявленный и атрибутированный Н. С. Серегиной, содержащий одну стихиру «Придъте, любомоудрънии…», нотированную знаменной нотацией. Кроме того, известны списки конца XVI–XVII вв., содержащие полную редакцию певческой части службы Евфросиньи Полоцкой. Из имеющихся в сумме источников песнопений только два – позднего происхождения. Остальные восемь должны быть отнесены к редакции XII в. на основании особенностей стиля и канонического состава древних служб. Песнопения о Евфросинье Полоцкой интересны историческими реалиями – упоминанием «Давыда и Романа», Феодосия, в нескольких стихирах упоминается «полотский град», «князья русские», «русская земля». В каноне содержится историческая информация: «Князем сродником друг на друга дерзающе подъяти мечъ возбранила еси, яко оружие обоюдоостро словесем божим устрагающем».

О статусе женщин в средние века и о роли женщин полоцкой княжеской династии в общественной жизни XII в. красноречиво говорят *вислые (актовые) печати*. В 1998 и 2015 гг. на территории Спасо-Евфросиниевского монастыря во время археологических раскопок были найдены идентичные печати с изображением Спаса на аверсе и надписью на реверсе «Господи, помоги рабе своей Офросинии». Важно то, что форма написания имени Евфросинии совпадает с его написанием на боковых торцах знаменитого Креста Евфросинии Полоцкой. Вполне возможно, что вислая печать могла быть не просто актовой печатью настоятельницы мо-

настыря, но и государственной. После разгрома Полоцка киевским князем Мстиславом Владимировичем в 1129 г. в Византию были высланы почти все мужчины, представители княжеского дома. И хотя постепенно князья и княжичи возвращались на родину, но события 1129–1132 гг. установили новый статус княжеской власти в Полоцке. Согласно концепции Валентина Янина, жены или сестры высланных в Византию полоцких князей с 1130-х по 1150-е гг. могли замещать в политической жизни своих мужей и братьев. Он расценивал это как уникальное политическое явление, дав ему название – «полоцкий матриархат». Сложно реконструировать масштабы и механизмы политической власти Евфросинии или ее матери Софии, но можно говорить об экстраординарном влиянии женщин Полоцкого княжеского дома не только на взаимоотношения внутри рода, но также на культурное развитие и политические процессы, происходившие в Полоцкой земле в XII в.

По заказу и благословению преподобной Евфросинии для построенной ею Спасо-Преображенской церкви в 1161 г. талантливым мастером-ювелиром Лазарем Богшей был изготовлен *воздвизальный крест*. Он являлся не только шедевром искусства Древней Руси, но также памятником письменности. Этот крест был одной из главных святынь Полоцка, содержал в себе драгоценные частицы Древа и Гроба Господня, каплю Его крови, а также частицу Гроба Богоматери, мощи первомученика Стефана и целителя Пантелеймона, и кровь Димитрия Солунского. Реликварный крест был вырезан из кипариса и обложен золотыми пластинами, на которых в технике перегородчатой эмали на лицевой части были выполнены изображения Деисуса (Спаситель, Богоматерь и Иоанн Предтеча), четырех евангелистов, архангелов Михаила и Гавриила, а также небесных покровителей Евфросинии и ее родителей – преподобной Евфросинии Александрийской, мученика Георгия и мученицы Софии; на оборотной стороне – изображения трех святых, чьи мощи хранились в реликварии – святых Стефана, Димитрия и Пантелеймона, а также апостолов Петра и Павла и трех святителей – Василия Великого, Иоанна Златоуста и Григория Богослова. На боковых гранях креста шла надпись, из которой мы узнаем имя заказчицы – Евфросинии Полоцкой и имя исполнившего его мастера-ювелира Лазаря Богши, а также дату создания – 1161 г. Крест был шестиконечным, высота его составляла около 52 сантиметров. Он имел кипарисовое основание, обитое 22 золотыми и 20 серебряными с позолотой пластинами, украшенными изысканным орнаментом, драгоценными камнями и жемчугом, а также 20 эмалевыми иконками. Лазарь Богша был хорошо знаком с древневизантийской техникой перегородчатой эмали. Его миниатюры не уступали лучшим образцам византийского эмальерного дела. На кресте была помещена надпись-завещание преподобной Евфросинии: *«Да не изнесется из манастыря никогда же, яко ни продати, ни отдати. Аще*

се кто преслушаеть, изнесеть его из манастыря, да не будет ему помощник честный крест ни в сей век, ни в будущий». Однако несмотря на это участь Креста оказалась весьма драматичной. Он исчез в 1941 г. из Могилевского земельного банка. В 1992 г. на съезде белорусов ближнего зарубежья была высказана мысль о необходимости воссоздания креста. За работу взялся художник-эмальер Николай Кузьмич, который при помощи российских ученых (Т. И. Макаровой и Л. В. Алексеева) возродил утраченную много веков назад технику перегородчатой эмали. В 1997 г. крест был воссоздан и внесен в Спасо-Евфросиниевский монастырь.

Преподобная Евфросиния неподалеку от Спасской обители, которую она основала в 1125 г., открыла мужской монастырь с церковью Пресвятой Богородицы (1155 г.), которую решила украсить иконой *Эфесской Богоматери,* написанной апостолом Лукой. В Житии преподобной рассказывается о том, что в Царьград к императору Мануилу и патриарху Луке «*с дарами безценными*» был послан слуга Михаил, чтобы просить икону Пресвятой Богородицы. Обращение Евфросинии к Мануилу можно объяснить родственными связями полоцких князей с домом Комнинов. Возможно, это же посольство, встреченное Мануилом на высоком уровне, доставило в Полоцк и реликвии для креста Лазаря Богши. Не позднее 1161 г. Михаил принес в Полоцк не только Эфесскую икону Одигитрии, но и информацию об известной константинопольской традиции выносить по вторникам на главную площадь святыню монастыря Одигон – икону Богоматери Одигитрии [*Шалина, 1996, с. 200–251*]. Из текста Жития мы знаем, что преподобная Евфросиния после прибытия в Полоцк иконы Эфесской Богоматери установила правило носить ее по вторникам по церквям города. В 1239 г. эта икона была дана как благословение на бракосочетание полоцкой княжны Александры, внучатой племянницы преподобной Евфросинии, с великим князем Александром Ярославичем (Невским). Браковенчание княжеской четы проходило в соборе города Торопца, что на Псковщине. Известно, что в Торопецком соборе Эфесская икона так и осталась и находилась там продолжительное время. А затем была передана в фонды Русского музея в Санкт-Петербурге.

Материальным воплощением духовного наследия Святой Евфросинии Полоцкой на сегодняшний день являются два архитектурных памятника – *Софийский собор (XI в.)* и *Спасо-Преображенская церковь (XII в.)*. В Софийском соборе на Верхнем замке преподобная начинала свое восьмилетнее монашеское послушание, а Спасо-Преображенская церковь ею была построена и декорирована фресками в период пребывания ее в сане игуменьи Спасского монастыря.

Софийский собор в Полоцке – первая на территории Беларуси каменная постройка, положившая начало формированию полоцкой архитектурной школы.

Спасо-Преображенская церковь – самый яркий образец этой школы, дошедший до наших дней. В ее архитектуре впервые в истории развития зодчества Древней Руси проявились те черты, которые впоследствии станут определяющими в развитии всей древнерусской архитектуры: стремление к созданию динамичной ступенчато-вертикальной композиции, создающей иллюзию «башнеобразности». В архитектуре Спасо-Преображенской церкви ярко проявляется индивидуальный почерк ее создателя – мастера Иоанна. Удивительным является и то обстоятельство, что письменные источники донесли до нас имя этого зодчего. Для принципиально безымянного средневекового искусства – случай из ряда вон выходящий, что само по себе является свидетельством особого отношения к мастеру уже его современников.

Время постройки церкви в письменных источниках не отмечено, однако известно, что церковь была возведена по заказу Евфросиньи. До недавнего времени считалось, что церковь была построена в 1161 г., когда в нее был вложен датированный воздвизальный крест. Однако проведенные в последние годы (2015–2016) археологические и реставрационные исследования памятника позволили получить на основании данных дендрохронологии более точную, причем значительно более раннюю дату в пределах 1123–1137 гг. [*Торшын и др., 2016, с. 5–16*].

Святая Евфросиния стояла у истоков материального воплощения духовного наследия общечеловеческих и христианских ценностей, воспринятых и преобразованных ею путем переписывания и перевода богослужебных книг, строительства храмов и создания иконографических программ для их декорации.

При жизни преподобной Евфросинии Спасо-Преображенский храм был расписан фресками, сохранившимися до настоящего времени в полном объеме. Ансамбль фресок Спасо-Преображенской церкви представляет собой абсолютно уникальное явление в культурном наследии Киевской Руси. По полноте сохранности первоначальной декорации Спасская церковь сравнима только с ансамблями Софии Киевской (1040-е гг.) и собора Мирожского монастыря во Пскове (около 1140 г.). Манера живописи, характерная для византийского искусства зрелого Комниновского периода, во фресковой декорации Спасо-Преображенского храма в Полоцке близка к таким выдающимся образцам второй половины XII в., как росписи церкви Св. Пантелеймона в Нерези (около 1164 г.) и мозаики базилики Рождества Христова в Вифлееме (1168 г.) [*Сарабьянов, 2013, с. 79–103; Сарабьянов, 2016*].

Росписи Спасской церкви отличаются особой художественной целостностью, которая свидетельствует о работе опытной сплоченной артели художников, объединявшей как местных мастеров, так и приглашенных из других русских земель и возглавляемой, вероятнее всего, византийским

фрескистом. Такой вывод представляется закономерным, принимая во внимание династические и церковные связи полоцкого княжеского рода и самой преподобной Евфросинии с Константинополем. В то же время состав росписи обусловлен и местными оригинальными традициями, которые были характерны для Древней Руси и получили реализацию благодаря непосредственному участию в создании фресок Спасо-Преображенской церкви самой преподобной Евфросинии, определившей состав основных звеньев иконографической программы своего храма.

В ходе реставрационных работ на Спасской церкви в ее стенах было обнаружено семь аркосолиев (погребальных ниш) разных размеров, относящихся к первоначальному периоду строительства. Это со всей определенностью свидетельствуют о том, что по замыслу преподобной Евфросинии храм являлся семейной усыпальницей.

Архитектурно-археологические исследования Спасского храма 2015–2016 гг., проведенные белорусскими исследователями совместно со специалистами Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия), выявили, что по всей длине северного, южного и западного фасадов к храму примыкали галереи, возведенные практически одновременно с основным объемом здания в традиционной для полоцкой школы зодчества технике «со скрытым рядом». Тщательное изучение материалов раскопок позволило определить функциональное назначение данных галерей. Внутри фундамента южной галереи был обнаружен плинфовый трехкамерный саркофаг, служивший криптой (местом захоронения), что также подтверждает факт использования Спасского храма как усыпальницы.

В связи с этим закономерно, что в росписях Спасской церкви значительное место отведено поминальной и патрональной программе, автором которой, бесспорно, была сама преподобная. Так, росписи в западном рукаве подкупольного креста ниже уровня хор сюжетно связаны с данной тематикой – монументальная композиция «Крестовоздвижение», изображения мучеников Бориса и Глеба, мученика Романа, князя Вячеслава Чешского и др.

Традиция почитания чешского князя тесно связана с почитанием святых русских князей-великомучеников – Бориса и Глеба, трагическая судьба которых (убиты старшим братом Святополком), аналогична столь же драматичной судьбе Вячеслава.

На восточной грани северного подкупольного столба представлен святой великомученик Георгий – небесный патрон отца преподобной Евфросинии полоцкого князя Святослава-Георгия. На завороте плоскости столба на запад, на его южной грани изображены упомянутые Борис и Глеб – святые, соименные двум старшим братьям Георгия, и соответственно дядьям преподобной. Напротив, на северной плоскости юго-западного подкупольного столба, расположены изображения еще двух небесных покровителей

сродников Евфросинии – Романа, патрона еще одного ее дяди, и Вячеслава – патрона брата преподобной.

Приведенные данные показывают, что первичным в выборе святых для росписи значительного объема храма являлся патрональный принцип. Преподобная Евфросиния выбирала святых покровителей своих ближайших родственников – отца, трех его родных братьев и своего родного брата. Важен тот факт, что к моменту создания фресковых росписей Спасского храма отец преподобной и все три его родных брата, небесные покровители которых включены в данную патрональную программу, уже давно умерли, таким образом, изображения носят и очевидный поминальный акцент.

Патрональную программу стенописей Спасской церкви продолжают изображения на южной стене, здесь представлены четыре фигуры святых жен, расположенные парами на двух лопатках южной стены. На восточной лопатке слева, открывая этот ряд, изображена преподобная Евфросиния Александрийская – небесная патронесса полоцкой игуменьи. Три святые жены, расположенные в ряд с Евфросинией Александрийской, не сохранили своих имен, однако обилие патрональных изображений в системе росписей храма позволяет рассматривать и эти образы в данном контексте. Следуя логике патрональной программы, можно предположительно идентифицировать трех святых жен как небесных покровительниц ближайших родственниц Евфросинии Полоцкой – ее матери Софии, а также двух ее сестер Евдокии и Евпраксии, уже принявших ко времени создания фресок монашеский постриг.

Сосредоточием патрональной программы капеллы на хорах является ктиторский портрет Евфросинии Полоцкой, подносящей модель Спасского храма Спасителю, благословляющему преподобную с небес. Портрет расположен в западной части придела на хорах, где находилась келья преподобной.

Патрональная программа росписи храма выходит за рамки чисто поминального контекста и в ней выражаются идеи общепросветительного характера, связанные с христианизацией восточнославянских земель, историей монашества и конкретной ролью в этом процессе семьи преподобной Евфросинии.

Стены Спасо-Преображенской церкви являются также ценнейшим памятником эпиграфики XII–XVII вв. (в храме сохранилось около 4 тыс. граффити) и палеографии (сопроводительные надписи XII в. на фресках на старославянском и греческом языках). Уникальный по своей полноте и объему корпус граффити собора [*Калечиц, 2013, с. 30–35*] позволяет представить развитие письменности и языка на территории Полоцка княжества (XII–XIII вв.), Полоцкой земли в составе Великого княжества Литовского (XIV–XV вв.) и в составе Речи Посполитой (XVI–XVII вв.).

Весь этот многогранный материал, раскрытый и сохраненный реставраторами и комплексно изучаемый исследователями, открывает одну из главных страниц в истории и культуре Полоцкой земли и прославляет имя преподобной Евфросинии Полоцкой. Духовные деяния Святой Евфросинии, связанные с распространением христианской культуры, обрели свое уникальное материальное воплощение в оригинальном подлинном памятнике архитектуры и фресковой живописи XII в. – Спасо-Преображенской церкви Спасо-Евфросиниевского монастыря в Полоцке, оказав значительное влияние как на современников, так и на будущие поколения.

В 1989 г. древний Спасо-Евфросиниевский монастырь был возрожден. Сегодня в нем находится около 100 сестер. Каждый наступающий день начинается молитвой у мощей преподобной, которые монастырь хранит с 1910 г. Ежедневно в обители совершаются уставные богослужения. Сестры Спасо-Евфросиниевского монастыря несут различные послушания: в церкви, на просфорне, на кухне, в трапезной, на огороде, в библиотеке. В рукодельной мастерской насельницы изготавливают монашескую одежду, облачения для священнослужителей, митры, пелены и различные предметы церковного обихода. Возрождено в монастыре золотое и лицевое шитье, устроена иконописная мастерская. В сотрудничестве с православными издательствами Спасо-Евфросиниевский монастырь выпускает книги, буклеты, открытки. При обители действует воскресная школа, которую посещают более 120 детей.

Небесная защитница и покровительница Беларуси Евфросиния Полоцкая стала первой восточнославянской женщиной, канонизированной православной церковью, и единственной Святой, признаваемой всеми христианскими конфессиями. Силой Веры, Добра и Мудрости она способствовала воцарению мира на славянских землях, в своей родной Полоцкой земле, распространению здесь просвещения, христианского духовного образа жизни. Полоцк, будучи политическим и торговым центром между Востоком и Западом Европы, имел все предпосылки для рождения такой уникальной личности, которой была и остается Святая Евфросиния. Окружив себя выдающимися мастерами (архитектор Иоанн, ювелир Лазарь Богша), вдохновив современников на благое дело, Евфросиния стала первой женщиной, открывшей монастырь, построившей храм, создавшей для него уникальную иконографическую программу росписи, заказавшей всемирно известный воздвизальный крест для храма, получившей из Эфеса чудотворную икону Богоматери, написанную евангелистом Лукой.

Закончив земной путь в Святой земле, через несколько столетий стараниями верующих преподобная Евфросиния обрела вечный покой в своей полоцкой обители, материально и духовно связав Константинополь, Иерусалим, Киев и Полоцк. Прошло более 800 лет с тех пор, как она умерла и была погребена в Иерусалиме в монастыре Феодосия Великого. Весь

этот большой отрезок времени имя Евфросинии Полоцкой не покидало полочан и до сих пор живет и душах людей, в нашей истории и культуре. Ее именем называют улицы, учреждения образования, государственные и религиозные награды, общественные объединения и организации. В мире более 20 церквей, престолы которых посвящены Святой Евфросинии Полоцкой. Это не только церкви Беларуси, России, Латвии, но и церковь в г. Саут-Ривер (США) и Торонто (Канада). Даже здесь, в Новосибирске, который находится на расстоянии 4 тыс. км от Полоцка, престол церкви, построенной в 2002 г., был посвящен Святой Евфросинии Полоцкой.

Литература и источники

Воронова Е. М. Житие Евфросинии Полоцкой // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.) / Ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1987. С.147–148.

Калечиц И. Л. Исторические личности в граффити Полоцкой Спасо-Преображенской церкви // История и археология Полоцка и Полоцкой земли: Материалы VI Междунар. науч. конф. (1–3 ноября 2012 г.). Полоцк, 2013. С. 30–35.

Клосс Б. М. Житие Евфросинии Полоцкой: проблемы изучения и издания. 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://referatdb.ru/literatura/78361/index.html (дата обращения: 18.08.2019).

Мельников А. А. Прп. Евфросиния Полоцкая. Минск, 1997.

Нікалаеў М. Палата кнігапісная. Мінск: Мастацкая літаратура, 1993. 240 с.

Повесть жития и преставления святой и блаженной и преподобной Евфросинии, Игумении монастыря Святого Спаса и Пречистой Его Матери, что во граде Полотске // Памятники старинной русской литературы, изд. графом Г.А. Кушелевым-Безбородко. Повести религиозного содержания, древние поучения и послания, извлеченные из рукописей Н. И. Костомаровым. 1862. Вып. IV. С.172–179.

Рассадин С. Е. Древнерусские Евфросинии: монахиня-княжна и княгиня-монахиня. 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lavra.by/biblioteka/stati/rassadin-se-drevnerusskie-evfrosinii-monahinya-knyazhna-i-knyaginya-monahinya

Сарабьянов В. Д. Мир книжности во фресках Спасской церкви Евфросиньева монастыря. К вопросу о просветительской деятельности преподобной Евфросинии Полоцкой // История и археология Полоцка и Полоцкой земли: Материалы VI Междунар. науч. конф. (1–3 ноября 2012 г.). Ч. II: Спасо-Преображенская церковь в Полоцке: История. Архитектура. Живопись. Полоцк: Полоцкое книж. изд-во, 2013. С. 79–103.

Сарабьянов В. Д. Спасская церковь Евфросиниевского монастыря в Полоцке. 3-е изд. Полоцк: Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке, 2016. 516 с.

Серегина Н. С. Певческий цикл о Евфросинии Полоцкой // К 1125-летию Полоцка. Конференция «История и археология Полоцка и Полоцкой земли». Полоцк, 1987. С. 52–53.

Торшын Я. М., Дук Д. У., Коц А. Л., Іаанісян А. М., Зыкаў П. Л. Спасціжэнне першапачатковай задумы архітэктуры Полацкай Спаса-Праабражэнскай царквы: па выніках даследаванняў 2015 года // Беларускі гістарычны часопіс. 2016. № 7. С. 5–16.

Шалина И. А. Богоматерь Эфесская – Полоцкая – Корсунская – Торопецкая: исторические имена и архетип чудотворной иконы // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 200–251.

Янин В. Л. Полоцкий матриархат // Знание – сила. 1970. № 12.

Г. М. Запорожченко
galinakoop@yandex.ru
Институт истории СО РАН
(Новосибирск)

G. M. Zaporozhchenko
Institute of history SB RAS
(Novosibirsk)

ЖЕНЩИНЫ В НАУКЕ: СИБИРСКИЕ АКАДЕМИНЫ

В статье рассмотрено проявление в России важной тенденции общественного развития, связанной с расширением участия женщин в фундаментальных научных исследованиях. Научная новизна работы связана с ее проведением в рамках мирового тренда – мнемософии, науки о публичной памяти. Представлен новационный проект «Сибирские Академины», выполняющийся в Институте истории СО РАН, нацеленный на изучение жизни и деятельности женщин-ученых СО РАН, актуализацию научного наследия, социокультурных практик. Анализ биографий женщин – ученых, стоявших у основания Сибирского отделения РАН, в том числе академиков П. Я. Кочиной и Т. И. Заславской, позволяет всесторонне показать их вклад в российскую и мировую науку, региональное социокультурное пространство, возрастающую роль женщин в научно-образовательной сфере. Проект имплицирует развитие в научный концепт понятие «Академина», ассоциирующееся с фундаментальной наукой и акцентирующее в нем аспект феминности.

Ключевые слова: наука, феминность, женщины, «Академина», мнемософия.

WOMEN IN SCIENCE: SIBERIAN ACADEMINES

The article considers the manifestation in Russia of an important trend of social development associated with the expansion of women's participation in basic scientific research. The scientific novelty of this work is its implementation within the new global trend of mnemosophy – the science of public memory. The innovative project «Siberian Academines», carried out at the Institute of history of Siberian branch of Russian Academy of Sciences, aimed at studying the life and activities of women-scientists of SB RAS, updating of scientific heritage, socio-cultural practices. Analysis of biographies of women-scientists stationed at the base of the SB RAS, including academicians P. Kochina and T. Zaslavskaya, allowed to show their contribution to Russian and world science, regional socio-cultural space, the increasing role of women in scientific and educational spheres. The project implicates the development of the concept of «Academina», associated with the fundamental science and feminity, to the scientific concept.

Keywords: science, femininity, woman, «Academina», mnemosophy.

Актуальной частью дискурса модернизации являются позиции женщин в науке, их научно-исследовательская и общественная деятельность. Модернизационный переход от традиционного к современному обществу, разворачивающийся в последние столетия, в качестве субпроцессов включает в том числе урбанизацию, секуляризацию сознания, переход к рациональной рождаемости, включение женщин в процесс общественного производства. Благодаря этому позиции женщин во всех сферах жизни общества значительно укрепились. Исследования, посвящённые анализу гендерного состава в сфере науки, выявили, что в мире процент женщин, вовлеченных в науку, составляет около 29 %, при этом в России около 42 % [*По данным Минобрнауки за 2018 г.*]. Такая разница во многом обусловлена традицией гендерного равенства в науке, заложенной в Советском Союзе и пришедшей на смену ситуации борьбы женщин за возможность получения высшего образования в предшествующий исторический период.

Перспективы решения общих цивилизационных проблем науки и образования, в первую очередь проблем нелинейного мышления, экологического сознания, взаимопонимания и взаимодействия естественно-научного и гуманитарного знания и искусства нацеливают на активизацию усилий по обеспечению равного участия мужчин и женщин в образовании и науке. С учетом основных тенденций развития наиболее значимых мегатрендов научно-технологического развития – формирование предпосылок для перехода к новому технологическому укладу, ускорение темпов технологических изменений – можно с уверенностью предположить, что доля женщин в науке будет возрастать [*Влияние… 2017, с. 24−25, 44–45*]. Среди широкого спектра факторов, которые будут оказывать существенное влияние на научно-технологическое развитие в ближайшие десятилетия, важное место занимают повышение социальных возможностей (*Social empowerment*), образование, инвестиции в человеческий капитал [*Влияние … 2017, с. 44–45, 386*], что также дает основание прогнозировать выравнивание гендерного баланса в научной сфере.

Данная тенденция общественного развития закрепляется институциональными новациями на национально-государственном и международном уровнях. В России с 1990 г. действует Межрегиональная организация «Федерация женщин с университетским образованием», ставшая членом Graduate Woman International (GWI), с представительствами в Москве, Санкт-Петербурге, Иваново, Новосибирске, Нальчике, работающая в партнерстве с более чем с 20 отечественными и зарубежными вузами.

С 1999 г. действует Межрегиональная общественная организация «Женщины в науке и образовании», которая организовывает и проводит междисциплинарные научно-образовательные конференции и семинары с учетом специфики работы женщин в науке и образовании России.

В регионах функционируют местные общественные объединения, например, «Лига женщин-ученых Якутии», созданная в 1995 г. с целью содействия научному росту и социальной поддержки женщин-ученых, объединяющая в настоящее время более 700 членов, в том числе 77 докторов и 459 кандидатов наук.

В декабре 2015 г. Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию, в которой 11 февраля было признано «Международным днем женщин и девушек в науке». В этот день ООН призывает все государства мира, всех людей и организации участвовать в продвижении идей равного участия женщин во всех областях, связанных с развитием научных знаний.

Таким образом, тема научно-исследовательской деятельности женщин приобрела широкое общественное звучание и научную актуальность. Как отмечали авторы аналитического обзора «Женщины в науке», опубликованного еще в 1989 г.: «В последнее десятилетие изучение этой проблемы превратилось в самостоятельную область научных изысканий...» [*Женщины в науке… 1989, с. 5*]. Анализ истории и современного представительства женщин в науке позволит успешнее использовать ресурс женского высшего образования и будет способствовать более эффективной работе научных коллективов.

В области истории региональной науки освещение темы поможет в полной мере раскрыть многогранный опыт создания Сибирского отделения РАН. Выделение в истории СО РАН личностного компонента актуализирует изучение трансляции гендерной, личностной и исторической идентичности в поле науки, будет способствовать продвижению женщин-ученых на новые уровни мирового и российского научного сообщества, усилению их влияния на позитивную динамику регионального социокультурного пространства Сибири.

Анализ имеющихся научных публикаций показывает, что история научно-исследовательской работы женщин становится все более популярным направлением для историков. К концу 90-х годов XX в. на фоне стремительного развития «женской истории» («women’s studies») в целом увеличилось количество публикаций, специализированных научных конференций и круглых столов по общей теме «женщины-ученые». В последнее десятилетие в российской историографии истории науки возник устойчивый интерес к исследованиям в сфере «женской истории науки» [*Валькова, 2014, с. 9–10*]. Этот факт, а также очевидное отставание в данной области исторических исследований по сравнению с зарубежной историографией усиливает актуальность и научную новизну исследовательского и научно-образовательного проекта «Сибирские Академины», который в настоящее время выполняется в Институте истории СО РАН.

А. М. Панкратова, А. А. Валькова, В. Г. Хохлов, В. А. Веременко, С. А. Сычева, Н. И. Мерлина, И. Я. Кошелева, М. Ю. Юнусходжаева,

В. М. и Е. А. Зарины, С. М. Дионесов, А. А. Смирнов, Ю. С. Мусабеков, Л. Я. Бляхер, А. М. Павлов, Г. И. Родзевич, Е. Ф. Литвинова, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, Л. Д. Костина, Л. Я. Лозинская, Г. И. Смагина, Д. В. Наливкин, Е. О. Лихачева, А. Е. Иванов, Г. А. Тишкин, С. И. Рогожников, Е. А. Зайцева, Mary R. S. Creese, В. Бройдо, Ж. Лурбе, A.-H. Koblitz, L. Schiebinger, B. Caine, M. Alic, M.-B. Ogilvieи др. исследовали развитие женского высшего образования и женскую историю науки. Их труды представляют собой моно-биографии [*Лозинская, 1983 и др.*], обобщающие монографии [*Ann Hibner Koblitz, 2000; Валькова, 2019*] и очерки, сгруппированные по дисциплинарному [*Бляхер, 1955*] или географическому признакам [*Личность в науке… 2002; Мерлина, 2002 и др.*]. Историки отметили разительную по историческим меркам перемену, произошедшую в XX в. в сфере профессионально-научной занятости женщин в России. Бурное развитие научно-исследовательской деятельности женщин в Российской империи связывалось авторами с общим подъемом интереса к естественным наукам в стране в 60-е годы XIX в., нигилистическими и революционными теориями, женским движением, борьбой за право доступа к высшему образованию, почти полностью оставляя в стороне собственно научно-исследовательскую работу женщин.

Новые подходы, представляющие результаты научно-исследовательской деятельности женщин в России, а не только описание этой деятельности, проявились в статье Е. З. Мирской и Е. А. Мартыновой «Женщины в науке» [*Мирская, Мартынова, 1993*], где обоснована периодизация этапов «феминизации» советской науки. В статье Н. С. Агамовой и А. Г. Аллахвердяна «Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты» [*Агамова, Аллахвердян, 2000*] история научной деятельности женщин рассматривается с точки зрения науковедения. Эти две работы положили начало современным попыткам осмысления жизни женщин в науке в прошлом и настоящем.

Наиболее известными исследованиями о «женской истории науки в Сибири» являются книги о В. В. Хвостовой [*Вера Вениаминовна Хвостова… 2010*] и П. Я. Кочиной [*Пелагея Яковлевна Полубаринова-Кочина, 2013*], женщинах-ученых Якутии [*Женский лик… 2015*]. Все они представляют собой сборники статей, воспоминаний и справочных материалов о жизни и деятельности ученых. Тот факт, что сама П. Я. Кочина (Полубаринова) являлась автором наиболее значительной работы о С.В. Ковалевской [*Полубаринова-Кочина, 1981*], выявила и ввела в научный оборот объемный архивный материал, придает дополнительную актуальность теме, тесно интегрированной в контекст истории мировой науки. В целом деятельность сибирских женщин-ученых остается малоисследованной темой.

Новационный проект «Сибирские Академины», выполняющийся в Институте истории СОР РАН, нацелен на изучение жизни и деятельности женщин-ученых СО РАН, актуализацию научного наследия, социокультурных практик [*Запорожченко, Шелегина, 2019*]. Научная новизна работы связана с ее проведением в рамках мирового тренда – мнемософии. Анализ биографий женщин – академиков П. Я. Кочиной и Т. И. Заславской, выдающихся ученых В. В. Хвостовой, И. Т. Журавлевой, Н. И. Гриневой, Е. И. Убрятовой, Л. Г. Борисовой позволил всесторонне показать их вклад в российскую и мировую науку, региональное социокультурное пространство, возрастающую роль женщин в научно-образовательной сфере, что имплицирует развитие понятия «Академина» в научный концепт.

На основе анализа репрезентативного историографического и источникового ресурса показана актуальность и целесообразность изучения роли и вклада женщин в становление и развитие Сибирского отделения Российской академии наук. Объектом исследования избраны научные биографии женщин действительных членов Российской академии наук, работавших в Сибирском отделении РАН. Предметом – процесс профессионализации их научной деятельности, отражение ее результатов в научно-образовательной и социальной сфере СО РАН. Научная новизна работы связана с проведением в ее в рамках актуального перспективного мирового тренда − мнемософии − науки о публичной памяти.

Методологическую основу исследования составляют основные принципы современной исторической науки: историзм и научная объективность, источниковедческий метод, а также методы и приемы микро- и макроанализа, применяющиеся в «новой биографической истории» («социальной персональной истории») и просопографии, изучающих социальную и культурную ситуацию, по отношению к которой описываемая биография приобретает значение истории. Это позволило, с одной стороны, исследовать уникальные особенности индивидуальных научных биографий женщин-ученых, а с другой – выявить общие черты, характерные для процесса интеграции женщин в сферу профессиональной научной деятельности, через создание «коллективных научных биографий».

Серия исследований «Сибирские Академины» будет базироваться на использовании и развитии социокультурного подхода, позволяющего проводить комплексный анализ общества как единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека. Личность в рамках данного подхода рассматривается как связанная с обществом системой отношений и культурой в совокупности норм и ценностей последней.

Авторами проекта (Г.М. Запорожченко, О.Н. Шелегиной) впервые в данном исследовательском поле будут внедрены и апробированы положения, развивающиеся в рамках актуального и перспективного мирового

тренда – мнемософии – науки о публичной памяти, новой ценностной области социогуманитарных наук, которая поможет сделать наш мир лучше [*Шола, 2017*]. В современных научных и социокультурных обстоятельствах институт наследия является «посредником, передатчиком, селектором и усилителем, инструментарием и средством, которое дано обществу для пользы, развития и совершенствования» [*Шола, 2017, с.* 58]. Соглашаясь с Т. Шола, мы считаем, что «Наследие и публичная память работают как мощное противоядие против дезинтеграции и разрушения системы жизненно важных ценностей» [*Шола, 2017, с. 68*]. «Публичная память служит как отдельным людям, так и всему обществу, поэтому забота о ней является естественной обязанностью всех членов общества» [*Шола, 2017, с. 77*].

Женское измерение профессии ученого на основе вышеописанных методологических подходов позволило сформировать представление об «Академине» как о цельном образе с ведущей интеллектуальной составляющей, под которым мы понимаем совокупность профессиональных, личностных и ментальных качеств женщин, работающих в академической системе, которые обеспечивают успешное и поступательное развитие личной карьеры и способствуют укреплению новационного имиджа Российской Академии наук.

«Академина» – понятие, ассоциирующееся с фундаментальной наукой и акцентирующее в нем аспект феминности, − стало названием фестиваля женщин, работающих в науке, образовании, экономике, впервые проведенного в Новосибирском Академгородке в 2012 г. В настоящее время фестиваль-конкурс «Академина» превратился в резонансное социокультурное мероприятие регионального уровня, поддержанное Союзом женщин Новосибирской области (НСО) и муниципальными органами г. Новосибирска.

Литература и источники

Ann Hibner Koblitz. Science, Women and Revolution in Russia. Amsterdam: Harwoodacad. publ., 2000.

Агамова Н. С., Аллахвердян А. Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты (к 150-летию со дня рождения С.В. Ковалевской) // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 141–153.

Бляхер Л. Я. Софья Михайловна Переяславцева и ее роль в развитии отечественной зоологии и эмбриологии // Труды института истории естествознания и техники. Т. 4: История биологических наук. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 164–225.

Валькова О. А. Женщины-естествоиспытатели Российской империи (конец XVIII – начало XX в.): автореф. … д-ра ист. наук. М., 2014. 37 с.

Валькова О. А. Штурмуя цитадель науки: женщины-ученые Российской империи. М.: Новое лит. обозрение, 2019. 792 с.

Вера Вениаминовна Хвостова – учитель и друг / отв. ред.: В. К. Шумный, И. К. Захаров. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 201 с.

Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности / под ред. акад. РАН А.А. Кокошина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2017. 480 с.

Женский лик науки Якутии: сборник очерков и справочных материалов о женщинах-ученых Якутии. Якутск: Изд. дом СВФУ, 2015. 398 с.

Женщины в науке: рефер. сб. М.: ИНИОН РАН, 1989.

Запорожченко Г. М., Шелегина О. Н. «Сибирские Академины»: женщины-ученые, вошедшие в историю Сибирского отделения Российской Академии наук // Ист. курьер. 2019. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://istkurier.ru/

Личность в науке: женщины-ученые Нижнего Новгорода: Сб. очерков и воспоминаний / под ред. З. Х. Саралиевой и Т. В. Ковалевской. Н. Новгород: ННГУ, 1997. 108 с.

Лозинская Л. Я. Во главе двух академий: [о Е.Р. Дашковой]. М.: Наука, 1983. 143 с.

Мерлина Н. И. Женщины науки Чувашии. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. 110 с.

Мирская Е. З., Мартынова Е. А. Женщины в науке // Вестник Росс. акад. наук. 1993. Т. 63. № 8. С. 693−700.

Пелагея Яковлевна Полубаринова-Кочина / редкол.: В. В. Пухначев (отв. ред.) и др. Новосибирск: ГЕО, 2013. 259 с.

По данным Минобрнауки за 2018 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tass.ru/nauka/5585282 (дата обращения 24.01.2019).

Полубаринова-Кочина П. Я. Софья Васильевна Ковалевская (1850–1891). М.: Наука, 1981. 312 с.

Шола Томислав С. Мнемософия: эссе о науке публичной памяти. Ростов Великий: ИКОМ России: Ростовский Кремль, 2017. 318 с.

В. В. Мархинин
marhinin.basilio@yandex.ru
Сургутский государственный университет
(Сургут)

V. V. Markhinin
Surgut State University
(Surgut)

«ЧТО УМНАЯ ЖЕНЩИНА ДОЛЖНА ЗНАТЬ О СОЦИАЛИЗМЕ И КАПИТАЛИЗМЕ» И «ЧТО СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЖЕНЩИНА ДОЛЖНА ЗНАТЬ ОБ УМЕ» – ЖЕНЩИНЫ И СОЦИАЛИЗМ В ПОЛЕМИКЕ БЕРНАРДА ШОУ И ЛИЛИАН ЛЕ МЕЗЮРЬЕ

Статья посвящена полемике вокруг социально-политических идей Бернарда Шоу, его критике капитализма, представлениям о месте женщины в капиталистическом обществе и принципах устройства будущего социалистического строя. Взгляды Шоу анализируются на основе его наиболее популярной работы по вопросам социальных и политических отношений – «Что умная женщина должна знать о социализме и капитализме» (1929). В роли оппонента Шоу вскоре после первого издания его труда выступила Лилиан ле Мезюрье – начинающий автор работ по социально-экономической проблематике. В представленной ниже статье рассматриваются основные моменты творческой биографии ле Мезюрье, анализируются ее аргументы против идей Шоу в области экономики, социальной антропологии, сопоставляются концепции свободы и социальной справедливости, выработанные Шоу и ле Мезюрье. Полемика ле Мезюрье против проекта построения справедливого общества на основе идей фабианского социализма анализируется в контексте истории политических идей Нового времени и социологии труда начала XX в., предпринимается попытка критической оценки социальных идей Шоу и ле Мезюрье.

Ключевые слова: Фабианский социализм, консерватизм, неолиберализм, политическая мысль Англии, социальная справедливость, социальное равенство и неравенство.

«THE INTELLIGENT WOMAN'S GUIDE TO SOCIALISM AND CAPITALISM» AND «THE SOCIALIST WOMAN'S GUIDE TO INTELLIGENCE»: HOW LILIAN LE MESURIER OPPOSED BERNARD SHAW'S IDEAS ON SOCIALISM AND WOMAN

The paper brings the analysis of the dispute about social thought of Bernard Shaw, eg. his criticism of capitalism, his concept of future communist society, it's economic and political principles as well as Shavian gender theories. While Shaw popularized Fabian ideas of social reformism in his *opus magnum* «The Intelligent Woman's Guide to

Socialism and Capitalism» he was opposed by Lilian le Mesurier, a social thinker of a neo-liberal perspective who supported a wide range of anti-socialist doctrines from liberal to conservative and ultra-conservative. Le Mesurier's book «The Socialist Woman's Guide to Intelligence» discusses key issues of Shavian thought – his views on liberty, progress, human nature, social inequality and injustice, poverty, labor and the means to cure the pains of contemporary capitalist society. The aim of the research is to make sense of the argument *pro et contra* Shavian ideas on just society and the possibilities for an average person to live a meaningful life.

Keywords: Fabian socialism, conservatism, neo-liberalism, English political thought, social justice, social equality and inequality.

Книга Бернарда Шоу «Что умная женщина должна знать о социализме и капитализме» (1929) – ключевой текст среди его многочисленных работ, посвященных проблемам социальной и политической теории. Обширный труд – своего рода учебник социальной философии фабианства – уже в первые десять лет после своего выхода в свет выдержал шесть переизданий и завоевал такую популярность, что через некоторое время Шоу счел необходимым представить публике его расширенную и доработанную версию, более соответствовавшую злобе дня: «Что умная женщина должна знать о социализме, капитализме, советизме и фашизме» (1937). Интерес к книге сохранился и в последовавшие десятилетия – увы, это трудно сказать о большинстве социально-политических сочинений Шоу. За последние десять лет вышло не менее четырех ее англоязычных изданий (в 2009, 2010, 2014 и 2016 гг.) В XX в. книга переводилась на испанский, французский, итальянский, немецкий, чешский, шведский, венгерский, греческий, турецкий, арабский, фарси, японский и китайский языки, на иврит и идиш. К сожалению, нам не известны ее переводы на русский.

Менее известен полемический ответ на рассуждения Б. Шоу, опубликованный Лилиан ле Мезюрье в 1929 г. Резонанс этой книги оказался существенно меньшим; тем не менее, она также выдержала ряд переизданий (в том числе и не менее экзотических, чем у ее оппонента: она, как и книга Шоу, издавалась в Стране Восходящего Солнца, причем как на японском, так и на английском).

В настоящем исследовании мы рассмотрим ключевые идеи работ Шоу и ле Мезюрье и выявим мировоззренческие предпосылки расхождения их концепций справедливого устройства общества и места, которое отводится в нем женщинам.

Хотя социальная мысль Шоу изучена – как в отечественной, так и в англоязычной литературе – значительно слабее в сравнении с его художественным творчеством, его критика капитализма и общая направленность идей переустройства общества не являются чем-то вовсе неизвестным широкой публике; общедоступны и ключевые сведения о месте социально-

политических работ в его творческой биографии. В связи с этим уместно будет, не касаясь пока что социальных идей Шоу, сказать несколько слов о его оппонентке – Лилиан ле Мезюрье (1873–1963).

Приступая к этому сюжету, мы вынуждены констатировать, что современному российскому исследователю, не имеющему доступа в британские архивы и библиотеки, приходится довольствоваться довольно фрагментарной информацией, которая, по всей видимости, до сих пор не была удовлетворительным образом обобщена кем-либо из историков науки и общественно-политической мысли. Лилиан Флоренс ле Мезюрье, урожденная Брюс, получила фамилию, под которой она стала известна как автор ряда книг, в браке с капитаном Юджином ле Мезюрье (1896), который примерно в это же время стал колониальным чиновником в индийских владениях Британской империи. В качестве места рождения Лилиан анонимный автор посвященной ей записи в генеалогическом проекте geni.com[1] называет Дублин, а другой анонимный автор единственной относительно подробной биографической заметки, которую нам удалось обнаружить, указывает Глочестер (Gloucester)[2]. Эта заметка размещена на сайте Национального музея Шотландии, с которым ле Мезюрье оказалась связана при довольно необычных обстоятельствах. Как сообщается в заметке, вскоре после замужества Лилиан отправилась со своим супругом в Индию, в местности, прилегающие к Тибету; за время, проведенное в колониях (до 1905 г.), она стала большим знатоком индийской и тибетской культур, тибетского искусства и религии и собрала солидную коллекцию образцов тибетской материальной культуры. Вскоре после возвращения из колоний ле Мезюрье пишет статьи «Тибетские диковинки» («Tibetan Curious») и «Тибетское искусство» («Tibetan Art») для журнала «Студио» («The Studio»). После смерти мужа Лилиан, испытывавшая нужду в средствах, была вынуждена продать коллекцию музею. Л. Инбал отмечает любительский характер ее интереса к Тибету и, тем не менее, высоко оценивает музееведческий уровень подготовки коллекции [*Inbal, 2010, p. 93*]. И Инбал, и автор упомянутой заметки на сайте музея говорят о том, что позднее ле Мезюрье выступала в роли активистки в борьбе за интересы женщин и детей и стала автором целого ряда книг по широкому спектру социальных проблем. К сожалению, указание на активность ле Мезюрье эти авторы не конкретизируют и не приводят каких-либо определенных сведений о дальнейшей ее биографии. В ходе работы над настоящей стать-

---

[1] Lilian Florence Le Mesurier [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.geni.com/people/Lilian-Le-Mesurier/6000000040084228591 (дата обращения: 25.08.2019).

[2] Colonial Collections [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nms.ac.uk/collections-research/our-research/highlights-of-previous-projects/tibet/research/colonial-collections/ (дата обращения: 25.08.2019).

ей нам также не удалось выявить каких-либо данных такого рода; реконструкция биографии Лилиан ле Мезюрье в «постколониальный» период еще ожидает своего исследователя. Некоторые сведения о написанных ей книгах дают сетевые библиотечные ресурсы. Наиболее полная информация содержится на портале Worldcat.org[3].

Первая из работ ле Мезюрье увидела свет в Лондоне в 1922 г. и была озаглавлена «Экономика с точки зрения здравого смысла: пособие для школ и широкого круга читателей» [*Le Mesurier, 1922*]. Пособие выдержало несколько переизданий (1923, 1926 гг.) и, видимо, завоевало некоторую популярность, во всяком случае, в анализируемой здесь книге, содержащей критику идей Б. Шоу, издатель счел нужным указать на то, что ее автор является и автором известного труда по экономике. Полемическое сочинение «Что нужно социалистической женщине знать об уме» вышло в 1929 г. В 1930 г. книга вышла в Токио в переводе на японский [*Le Mesurier, 1930*] и затем была переиздана в Японии на английском языке, уже в наши дни [*Le Mesurier, 2010*]. Это единственное из известных нам современных переизданий ле Мезюрье. Ряд ее работ был посвящен проблемам подростковых правонарушений и вопросам практической социальной работы и работы судов (несколько изданий в 1931–1941 гг.) Наконец, наиболее часто издававшаяся книга – «Открытый путь: исследование принятия» [*Howe, Le Mesurier, 1939*] была написана ле Мезюрье в соавторстве с Эриком Грэхэмом Хоувом (1897–1975) в 1939 г. и выдержала ряд переизданий (1942, 1950, 1958). Хоув, психиатр и автор значительного числа работ психологического и философского содержания, является более известной фигурой; представление о его научном творчестве можно составить благодаря диссертации Яна Чарльза Эдвардса (2006)[4]. Кроме того, ему посвящен информативный биографический очерк, опубликованный в рамках генеалогического проекта WikiTree.com[5]. Автор очерка, племянник Хоува, характеризует «Открытый путь» как книгу, положившую начало популярному у обеспеченных лондонцев религиозно-теософскому течению, а своего дядю называет одним из «гуру», получивших известность в этой же среде в 1960-х. Какова была роль ле Мезюрье в формировании этого движения – сказать трудно.

---

[3] Le Mesurier Lilian [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.worldcat.org/search?q=au%3ALe+Mesurier%2C+Lilian%2C&fq=&dblist=638&start=1&qt=page_number_link (дата обращения: 25.08.2019)

[4] Edwards C.I. Truth as Relationship: The Psychology of E. Graham Howe (Doctoral dissertation, Duquesne University) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://pdfs.semanticscholar.org/6c77/6065ccec5b188967505f3905493b0d6b4e87.pdf (дата обращения: 25.08.2019)

[5] Eric Graham Howe [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.wikitree.com/wiki/Howe-2555 (дата обращения: 25.08.2019)

К сожалению, приведенная выше информация о ле Мезюрье на сегодняшний день вряд ли может быть расширена за счет общедоступных источников без привлечения архивных данных. В работах, посвященных Шоу, ле Мезюрье упоминается мимоходом и без содержательного анализа ее аргументов против известной книги британского классика. Довольно неблагоприятная для исследователей ситуация складывается на сегодняшний день и с доступом к ее работам. На крупнейших полнотекстовых ресурсах – GoogleBooks, Archive.org, HathiTrust.org – имеются каталожные записи с библиографическими описаниями упоминавшихся выше книг, но подавляющее большинство из них доступно только для ограниченного просмотра (поиск предложений с заданными ключевыми словами). Единственный известный нам текст, с которым можно ознакомиться полноценно (на Archive.org) это упоминавшаяся выше полемическая работа против Б. Шоу.

Что же представляло собой содержание труда, который Шоу адресовал женщинам, желающим расширить свои познания относительно социализма и капитализма? Название этого трактата до некоторой степени вводит читателя в заблуждение: гендерная, «женская» проблематика входит в его состав, но едва ли является центральной. Шоу действительно рассматривает вопросы, связанные с институтами семьи и брака, воспитанием детей, с особенностями положения женщин на рынке труда; этим вопросам главным образом посвящены главы 48 («Женщина на рынке труда»), 80 («Социализм и брак») и 81 («Социализм и дети»). Таким образом, из восьмидесяти пяти разделов книги «женскому вопросу» полностью отведены три, и в совокупности их объем составляет около трех десятков страниц (из пятисот с лишним). Труд Шоу, своего рода «Сумма против капитализма», охватывает широкий и несколько аморфный круг проблем, среди которых разновидности ренты, подходы к национализации промышленности и банковской системы, международные отношения, история социалистической мысли, партийная система Англии, вопросы религии и многое другое. Анализ всей совокупности аргументов Шоу против капитализма и в пользу социализма (коммунизма) затруднителен не только в силу ограниченности объема настоящей работы, но и по причине явной нехватки систематичности в организации его рассуждений. Тем не менее, центральная тема книги, составляющая основу ее замысла, просматривается достаточно отчетливо; по меткому замечанию современного комментатора, это «величественное, страстное и гневное изображение того, как социальная несправедливость разрушает человеческие жизни»[6].

---

[6] Toynbee P. Bernard Shaw's Guide to the Post-Crash World [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.theguardian.com/books/2012/oct/12/bernard-shaws-guide-post-crash-world (дата обращения: 25.08.2019)

Ключом к пониманию критики капитализма у Шоу является его трактовка человека. Витализм драматургии Шоу находит свое отражение и в его социальных идеях: человек в его концепциях социального переустройства – в первое очередь существо деятельное и творческое. В основе природы человека – труд, который в ходе развития цивилизации человечество стремится сделать свободным, не обусловленным вызовами природной стихии. Диалектическое отношение человека и мира природы Шоу раскрывает через оппозицию «тирании природы» (человек должен трудиться под страхом голодной смерти – иного не дает *естественный* порядок вещей) и естественной же привлекательности труда как источника творческого наслаждения. В силу естественного положения вещей человек не свободен, а *принужден* к труду, и степень этой несвободы тем выше, чем примитивнее социальные условия его жизни. Шоу предлагает рассматривать в качестве универсального мерила свободы доступность досуга (*leisure*), который человек может использовать для достижения целей, не связанных с физиологическим выживанием:

«Что есть свобода (*liberty*)? Досуг. Что есть досуг? Свобода. Если на протяжении дня вы можете в любой момент сказать: «Следующий час я буду заниматься тем, чем пожелаю», значит, в этот час вы свободны. Если вы говорите: «В следующий час я буду делать то-то и то-то, хочу я того или нет» – вы не свободны (*not at liberty*) в течение этого часа, какие бы свободы (*freedom*) не провозглашали для вас Великая хартия вольностей, Декларация Прав (или Независимости) и все прочие политические декларации так называемой «свободы» (*freedom*)» [*Shaw, 1928, p. 320–321*].

Капитализм – не самая несвободная модель общественного устройства (в сравнении, скажем, с крепостническими средневековыми порядками). Тем не менее, она, во-первых, обрекает очень многих на почти полное отсутствие свободы, а во-вторых, дефицит свободы в условиях современного капитализма парадоксальным образом сочетается с наличием материальных условий для обеспечения свободы всем и каждому. Рабочий класс обречен на изнуряющий труд, результаты которого присваиваются и потребляются капиталистами. Капиталист выжимает из рабочего больше, чем это допускают физиологические требования, и предлагает в качестве анестезии алкоголь, наркотики, азартные игры. Но и сам капиталист не свободен, поскольку вместо досуга (*leisure*) он пользуется его суррогатом – праздностью (*idleness*), возможностью потреблять произведенные обществом блага, не принося обществу какой-либо ощутимой пользы.

Свои последствия капиталистическая модель экономики имеет и для взаимоотношений полов. Капитализм отводит женщине специфическое место на рынке труда: ее функция – обслуживание бытовых потребностей семьи и сексуальных аппетитов мужчины. Капиталист оплачивает этот труд косвенно, используя в качестве посредника мужчину-наемного ра-

ботника, получающего заработную плату, достаточную для содержания семьи. В сфере наемного труда женщине отводится роль сверхдешевой рабочей силы: за труд, равный мужскому, она получает оплату, которая не достаточна для самообеспечения и, тем более, для обеспечения семьи. Женский и детский труд позволяют увеличивать бюджет семьи, поскольку мужчина-кормилец зачастую имеет заработок, достаточный лишь для физического выживания, своего и своих домочадцев. Таким образом, женской части рабочего класса современный Шоу капитализм отводит роль своего рода штрейкбрехера: изъявляя готовность трудиться за мизерный заработок, женщина помогает капиталисту экономить на зарплате ее супруга или отца и закрепляет свое же угнетенное положение в отношениях с противоположным полом. Брак в этих условиях является ничем иным, как контрактом, в котором мужчина выступает в роли нанимателя, а женщина – в роли его работника, практически бесправного: она обречена в случае разрыва контракта на полуголодное существование. Логичным образом Шоу указывает на то, что граница между браком и проституцией в капиталистическом обществе весьма и весьма условна. Хотя жизнь представительниц господствующего класса сыта и комфортна, в их жизни воспроизводится, как правило, та же модель сексуальных отношений: женщина из господствующего класса – предмет престижного потребления для ее супруга или любовника, и вне этих отношений такой женщине трудно поддерживать свой высокий социальный статус. Добиваясь независимого положения, женщина, принадлежащая к господствующему классу, часто так же прибегает к услугам мужчин-проституток – наемных партнеров для танцев и других развлечений (впрочем, мужчинам при капитализме обыкновенно приходится заниматься проституцией не телесно, а нравственно – именно в этом состоят профессии адвоката, журналиста, человека, делающего карьеру в политике, и т. д.).

Согласно выводу Шоу, капиталисты – без различия пола – обыкновенно пользуются не свободой, а праздностью. Свое свободное время (избыточное и не оплаченное адекватным объемом общественно полезного труда) они посвящают престижному потреблению и бессмысленным развлечениям, которые не приносят пользы ни им самим, ни окружающим. Капитализм в трактовке Шоу – такая организация индустриального общества, в которой блага, произведенные всем обществом, потребляются его господствующим меньшинством. Этот социальный строй – помеха на пути дальнейшего развития потенциала индустриального общества, поскольку он блокирует творческую самореализацию человека, причем вне зависимости от его классовой принадлежности. Его противоположность – социализм (или коммунизм – этот термин Шоу использует как синоним социализма), общество, в котором всем обеспечивается равный доступ к материальным

и духовным благам и исключена как бедность, причина несвободы, в трактовке Шоу, так и оплаченная богатством праздность.

Экономические принципы, которые Шоу рассматривает как основу коммунизма, – «равный труд» и «равный доход». Содержание обоих понятий в рассматриваемой здесь работе раскрывается довольно невнятно, если не сказать – путано. Сам Шоу, по всей видимости, понимает, что их концептуализация дается ему с трудом и объясняет, в первую очередь, какой смысл в них вкладывать *не следует.* Так, не следует считать равным трудом труд, на который затрачивается равное количество времени; не имеет смысла также сравнение труда с точки зрения ценности его продуктов (бессмысленно, например, сравнивать время, затраченное на церковную проповедь и изготовление ботинок, равно как бессмысленно сравнивать их ценность для потребителя). Каков же позитивный смысл этого понятия? Создается впечатление, что Шоу был готов с какими-то оговорками сравнивать труд с точки зрения рыночной цены на его продукты. Эту возможность он не использует, вероятно, по той причине, что хотя он и не исключает рыночные отношения из устройства коммунистического общества, но, тем не менее, полагает, что их роль будет существенно меньше, чем при капитализме, и они перестанут быть основой общественных отношений в целом. Наилучшим образом для описания смысла, который он вкладывает в словосочетание «равный труд», подходит известный принцип: «от каждого по способности». Равным будет труд работников, которые с одинаковой добросовестностью и компетентностью будут выполнять свои обязанности перед обществом. Несколько более определенный смысл можно проследить в рассуждениях Шоу о «равном доходе». Этот принцип, согласно его выводам, во-первых, реализуется через установление стандартов оплаты труда в различных отраслях экономики. Стихийно этот принцип осуществляется уже в рамках капитализма: примерно одинаковое вознаграждение получают за свои услуги врачи, другие специалисты (юристы, инженеры и т.п.); задача социалистического правительства состоит в том, чтобы расширять масштабы уже имеющейся стандартизации. Во-вторых, принцип равного дохода реализуется через расширение сферы публичных услуг. Эта идея особенно дорога Шоу, и начало ее воплощения он видит уже в практиках капиталистического общества. Так, «коммунистическими» он считает такие феномены, как развитие за счет публичных средств общественной инфраструктуры – уличное освещение, канализация, почта, финансирование научных учреждений, музеев и т.п. Элементы коммунистических отношений в них он усматривает на том основании, что соответствующие блага создаются из средств, которые в виде налогов уплачивают все без различия социального статуса, и доступ к ним получают также все, вне зависимости от того, каков был персональный вклад каждого в публичный бюджет. Потребление этих благ происходит в соответст-

вии с другим известным принципом: «каждому по потребности». Внедрение такой системы социальных услуг при капитализме было обусловлено не идеологическими соображениями, а соображениями эффективности; по мере развития цивилизации будет возможно преобразовать по ее примеру банковскую систему и промышленность. Национализация экономики и вообще внедрение коммунистических (в трактовке Шоу) принципов, тем не менее, имеет свои пределы: оно возможно только там, где интересы всех членов сообщества явным образом совпадают, и в общественном мнении присутствует консенсус относительно этих интересов. Там, где имеется иная ситуация, установление общественного контроля не целесообразно – это относится к сфере религиозных верований, к вопросам выбора в пользу здорового образа жизни и т.п., индивидуальных предпочтений в сфере потребления. Для обеспечения этих запросов Шоу предполагает сохранение частной коммерции. Такой взгляд на сочетание плановых и рыночных принципов в организации экономики во многом совпадает с идеями западноевропейского анархизма второй половины XIX в. [Ср., например, с рассуждениями Дж. Гильома: *Guillame, 1876, p. 6–7*]. Шоу – не анархист, а государственник, впрочем, довольно своеобразный: генеральная линия в развитии государства, должна, по его мнению, состоять в его децентрализации, сокращении управленческих полномочий общенациональных органов (в первую очередь – парламента) и расширению полномочий муниципалитета. Эта идея, также созвучная анархизму, развивается и в других работах Шоу [См., например: *Шоу, 2010, с. 189–195; Мархинин, 2009, с. 193–196*].

Неопределенность концепций равного труда и равного дохода отчасти смягчается тем, что внедрение этих принципов Шоу рассматривает как продолжительный процесс подбора подходящих инструментов для достижения стратегических целей – формирования общества, нормой жизни которого будет добросовестный и творческий труд, в процессе которого человек сможет реализовывать свой личностный потенциал. Свободу – возможность располагать свободным временем – Шоу рассматривает не как самостоятельную цель, а как средство для возвращения человеку его жизненной, творческой силы, и полагает, что равный труд и доход, расширение плановых начал в экономике будут наиболее адекватным инструментом достижения этой цели.

Критика построений Шоу – достаточно сложная задача. Главной помехой на пути его оппонента будет являться чрезвычайная широта спектра проблем, поднятых в его *opus magnum*. Ле Мезюрье, вступая в полемику со своим знаменитым современником, выбирает вполне рациональный подход: она сосредотачивается на тех элементах, которые более знакомы ей самой, и в то же время относятся к числу центральных в концепции Шоу. Закономерным образом, основным объектом критики ле Мезюрье, напи-

савшей незадолго до того учебник по экономике, становятся представления Шоу о «равном труде» и «равном доходе», его взгляды на проблемы национализации экономики, накопление и т. п. Экономическим проблемам посвящены тринадцать глав работы. Две главы отведены критике взглядов Шоу на природу человека; по одной – проблеме соотношения свободы и равенства и взглядам Шоу на социалистический реформизм, еще одна – «прочему» («The Rest of it»).

В посвященных экономике главах Ле Мезюрье выступает против социализма Шоу с позиций, близких к взглядам ранних представителей австрийской школы: государственное регулирование экономики будет означать устранение конкуренции, а это, в свою очередь, приведет к тому что «при новом режиме всякое производство будет обречено на упадок, а жизненный стандарт в целом – на снижение» [*Le Mesurier, 1929, p. 69*].

Подход к критике Шоу, избранный ле Мезюрье, несмотря на уже отмеченную рациональность, является, по нашему мнению, не вполне удачным. Экономические представления классика британской литературы, действительно, грешат путаностью и являются вполне дилетантскими, но для того, чтобы показать это, совсем необязательно было писать десяток с лишним глав. Между тем, увлекшись разъяснением проигнорированных Шоу азбучных истин относительно того, что такое доход, богатство, прибыль, накопление и т.п., ле Мезюрье выпустила из виду важную составляющую его представлений о «равном доходе» – в ее книге не нашлось места оценке идей Шоу относительно роли государственного сектора в оказании социальных услуг и той роли, которую система социальных гарантий может играть в преодолении социального неравенства.

И все же, несмотря на довольно однобокую интерпретацию идей «равного труда» и «равного дохода» – у Шоу они имеют не столько экономическое, сколько социально-политическое содержание, – ле Мезюрье сумела указать на некоторые проблемы, с которыми социалистические системы столкнулись по мере развития: «Давайте «вообразим» – как любит говорить г-н Шоу – что все прошло хорошо, и будет идти хорошо и далее, свершилась бескровная революция, и так или иначе установлено номинальное «равенство дохода». Сколько потребуется времени, чтобы новые поколения оказались раздражены – и не без причин – наложенными на них искусственными ограничениями и захотели бы узнать, во имя каких этических принципов справедливости и ради какой экономической необходимости негодному и ленивому плотнику следует платить столько же, сколько умелому и трудолюбивому?» [*Le Mesurier, 1929, p. 69*].

Точности ради, следует сказать, что Шоу не предлагал поощрять праздность такого рода. На с. 97 своей книги Шоу произносит главную заповедь своего социализма: «Да не будет твой доход больше, или *меньше* (курсив наш. – *В.М.*), чем у ближнего твоего» (*«Thou shalt not have a great-*

er or less income than thy neighbor»). Нетрудно заметить, что эта заповедь на манер библейской провозглашает грешником не только богатого, но и человека, дерзнувшего быть беднее своего ближнего, следовательно, бедные вполне могут быть и при социализме, хотя и в нарушение его заповедей. Осуждение праздности у Шоу распространяется не только на современный ему господствующий класс, но и вообще на всех, кто не трудится на благо общества: «быть праздным – не значит ничего не делать (это невозможно), это значит – не делать ничего полезного, и продолжать потреблять, ничего не производя» [*Shaw, 1928, p. 62*]. Разумеется, это определение праздности не содержит ничего, что позволило бы говорить, будто Шоу оставляет за бездельником право претендовать на доход, равный тому, что получает добросовестный работник. Шоу, между прочим, высказывает и более радикальные оценки социального паразитизма. В частности, его книга содержит небольшую главу под названием «Восстание паразитического пролетариата» [*Shaw, 1928, p. 277–279*], где говорится о неудобствах, которые принесет части рабочих переход к социализму; эта часть рабочего класса – те, кто занят в индустрии моды, развлечений и т.п., по определению Шоу – «паразиты, паразитирующие на паразитах». Примечательно, что ле Мезюрье цитирует «заповедь» Шоу [*Le Mesurier, 1929, p. 69*], но видит в ней именно попытку узаконить паразитический образ жизни.

Ле Мезюрье в своей критике социализма исходит из положений, близких к тем, что в 20–30-х гг. высказывались в работах Л. Мизеса и других основателей неолиберализма. Согласно этим положениям, плановое хозяйство неизбежно ведет к упадку производства, падению уровня жизни и т. п. История социализма в XX в. показала, что эти прогнозы не сбылись. Периферийные страны, где победили социалистические революции (Россия, Китай) оказываются в XX в. в числе мировых экономических лидеров, в условиях планового хозяйства произошло радикальное повышение уровня жизни населения этих стран в сравнении с досоциалистическим периодом их истории. В странах Восточной и Центральной Европы, где социалистические правительства пришли к власти при поддержке СССР, также не наблюдалось ничего похожего на упадок производства и обнищание. Эти успехи плановых экономик происходили на фоне разрушительных гражданских войн и второй мировой войны, при наличии, как правило, весьма скромных стартовых возможностей – дореволюционная Россия и, в еще большей мере, Китай существенно проигрывали развитым капиталистическим странам Европы и США в индустриальном развитии. Напротив, после падения социалистических режимов и реставрации капитализма в подавляющем большинстве этих стран наблюдалась деградация производства и снижение уровня жизни, выразившееся, например, в таких объективных показателях, как сокращение продолжительности жизни и превы-

шении смертности над рождаемостью. При этом странам, вернувшимся от социализма к капитализму, к счастью, не пришлось пережить гражданских войн, аналогичных по продолжительности и кровопролитности русской и китайской, не пришлось пережить и внешних войн, хотя бы отдаленно сравнимых по своим последствиям со Второй Мировой. Процессы экономической деградации и падения уровня жизни сохраняются во многих из этих стран вплоть до сегодняшнего дня, в том числе в некоторых государствах, интегрировавшихся в состав ядра мировой капиталистической экономики. Учитывая эти факты, невозможно признать состоятельной критику в духе Мизеса и пр., которую ле Мезюрье направляет против социалистической программы Шоу: вспомним, что эта программа предполагала социалистическую трансформацию без революционных потрясений и гражданской войны, без участия в противостоянии с могущественными капиталистическими державами, да и реализовывать ее Шоу предполагал в Англии, а не в одной из отсталых стран.

Тем не менее, прогнозируемая ле Мезюрье проблема социального паразитизма действительно стала одной из известных проблем плановой экономики. Стоит вспомнить также, что в СССР в эпоху развитого социализма для решения этой проблемы применялись средства, весьма напоминающие те, что предлагает Шоу: социально-педагогическое воздействие на подрастающее поколение, общественное порицание тунеядства, криминализация некоторых его проявлений. Как известно, большого эффекта все эти меры не дали. Неспособность социалистической системы решать эту проблему крайне негативно воспринималась общественным мнением, и лозунги, направленные против «уравниловки», исходящие от противников социализма, находили самый живой отклик у советских людей 70–80-х гг. Можно лишь согласиться с ле Мезюрье в том, что раздражение этими фактами было вовсе не безосновательным. Еще одна проблема, прогнозируемая ле Мезюрье в связи с переходом к плановой экономике, – сокращение возможностей для проявления предприимчивости и, соответственно, сокращение доступности услуг и товаров, которые в результате не будут предоставлены и произведены. Этот аргумент против социализма высказывается в главе «Что равный доход будет означать для женщин» [*Le Mesurier, 1929, p. 49–56*] и звучит, пожалуй, слишком прямолинейно, так, будто при предлагаемом Шоу варианте социализма станут вовсе невозможны любые частные коммерческие отношения. Такое положение вещей, как хорошо известно, было в целом не типично для плановых экономик XX в.: частный сектор в них присутствовал и играл важную роль. Впрочем, не менее хорошо известно и то, что возможности приобретать частным образом товары и услуги в условиях социалистических режимов были существенно меньшими, чем в условиях капитализма. Соответствующие элементы социалистической действительности (проявлявшиеся в

дефиците многих товаров и услуг) вызывали в обществе не меньшее раздражение, чем та же уравниловка, и были серьезным фактором дискредитации реального социализма.

Значительная часть полемики ле Мезюрье против Шоу посвящена анализу его взглядов на социальную природу человека. Концепцию человека, из которой исходит его социализм, ле Мезюрье считает сугубо фантастической. Большинство людей безразличны к идеалам общего блага и служения ближнему. Это большинство стремится, в первую очередь, к тому, чтобы получать как можно больше благ, затрачивая как можно меньше усилий. Труд сам по себе не привлекателен для человека и является тяжким бременем, которое тот несет лишь поневоле, под страхом голода и лишений. Ошибка социалистов в том, что они «упорно стремятся видеть человеческую природу не такой, какой она является с полнейшей очевидностью» [*Le Mesurier, 1929, p. 70*], т.е. видят в человеке альтруиста и святого, а не корыстолюбца и лентяя. Представления о том, что общее правило социального поведения разумного индивида – эгоизм, а альтруизм является некоей флуктуацией, случайным отклонением, порождающим раз в столетие пророков и героев, являются в свете современной науки крайне наивными. Альтруистическое поведение человека имеет глубокие предпосылки не только в его социальной природе, но и, в первую очередь, в природе биологической. Тем не менее, антропологические представления ле Мезюрье опираются на весьма почтенную традицию, восходящую к Гоббсу, а в более фундаментальном смысле, к св. Августину с его концепцией первородного греха, кроме того, они хорошо согласуются со многими обобщениями, которые «здравый смысл» делает на основе повседневного опыта. Единственное средство для преодоления «природной лени» – страх перед возможными страданиями и голодной смертью, и, следовательно, меры, способные уменьшить этот страх («равный доход», борьба с безработицей и т. п.), лишь укрепят большинство людей в их врожденном пороке. Это, впрочем, не отменяет необходимости помогать бедным, безработным и пр., в том числе за счет государства, но пособия, которые могут им выплачиваться, пишет ле Мезюрье, должны обеспечивать лишь физиологический минимум потребностей и ни в коем случае не должны обеспечивать более высокие стандарт жизни, чем тот, которым располагают заключенные в тюрьме (sic!). Безработные и получатели пособий должны быть ограничены в отношении правоспособности [*Le Mesurier, 1929, p. 41–49*] Изменение человеческой природы в сторону преобладания в ней мотивов, не сводимых к плоскому эгоизму, ле Мезюрье считает неосуществимым, по крайней мере, в течение человеческой жизни, не рассматривает ее в качестве возможного объекта реформирования. По ее мнению, особенно заинтересованы в отказе от социального реформирования женщины. В связи с этим она цитирует строки из поэмы Джона Мэйсфилда (1878–

1967) «Бесконечное милосердие»: нынешний строй устарел, он несправедлив, но он работает, а неизбежная плата за социальную гармонию – бездна страданий:

«And keep the existing social state;
I quite agree it's out of date,
One does too much, another shirks,
Unjust, I grant; but still … it works.
To get the whole world out of bed
And washed, and dressed, and warmed, and fed,
To work, and back to bed again,
Believe me, Saul, costs worlds of pain».

Укажем на любопытный факт: мэйсфилдовское противопоставление «existing social state» и цены его реформирования – бездны страданий («worlds of pain») было еще раз обыграно в литературе о положении человека труда: книга Лилиан Б. Рубин об *existing state* рабочего класса в США, вышедшая в 1976 г., была озаглавлена «Worlds of Pain: Life in the Working Class Family».

Представления ле Мезюрье о природе человека побуждают ее воспроизводить в своей книге взгляды, близкие идеям Г. Лебона и Ж. де Местра: от природы люди не равны по своим моральным, умственным и физическим качествам, и социальная иерархия расставляет на свои места низших и высших от природы. Лозунг «свободы, равенства и братства» оказывается, по ее мнению, бессмысленным, поскольку равенство исключает свободу людей высшей породы, ставя их на одну доску с низшими, а братство не нуждается ни в свободе, ни в равенстве [*Le Mesurier, 1929, p. 71–74*]. Удивительно, что ле Мезюрье характеризует собственный ультраконсервативный взгляд на общество как «средний путь» между капитализмом и социализмом [*Le Mesurier, 1929, p. 200–202*].

Заочная дискуссия о природе человека и содержании его социальных и экономических мотивов между ле Мезюрье и Шоу происходила практически в одно время с аналогичной заочной дискуссией между последователями Ф. У. Тейлора и основателями гуманистической психологии и школы человеческих отношений в менеджменте (М. П. Фоллет, Э. Мэйо). Кульминационный момент в этой дискуссии – знаменитые Хоторнские эксперименты (1927–1932) Элтона Мэйо, показавшие ограниченную роль стремления к большему заработку как стимула к труду современного квалифицированного работника, и, напротив, значительную роль практик солидарности и альтруистических установок в деятельности трудовых коллективов. Этот вывод, обоснованный Мэйо эмпирически, хорошо согласуется со взглядами Шоу на позитивную роль солидарности и альтруизма в организации производства. На том же эмпирическом материале Мэйо по-

казал, что предоставление работникам расширенных возможностей для отдыха и увеличение доступного им свободного времени экономически целесообразно с точки зрения роста производительности труда. Эти выводы также хорошо согласуются с изложенными выше взглядами Шоу на ценность свободного времени и на особенности труда в проектируемом им социалистическом обществе.

На момент написания этой статьи нам не удалось выяснить, какой была реакция Шоу на книгу ле Мезюрье, и принял ли он содержащийся в ней полемический вызов. Доступные источники, к сожалению, не позволяют ответить и на вопрос о дальнейшем развитии взглядов его оппонентки. По всей видимости, критический анализ идей Шоу сыграл свою роль в ее последующем творчестве: как уже было указано выше, это творчество было в значительной мере посвящено практике преодоления социальных конфликтов и бедствий, вызванных, в том числе, бедностью, неравенством и несовершенством институтов капиталистического общества. Остается лишь выразить надежду на оживление интереса научного сообщества к социально-политическим идеям Бернарда Шоу и Лилиан ле Мезюрье.

Литература и источники

Guillame J. Ideas on Social Organisation. 1876. 17 p.

Howe E.G., Le Mesurier L. The open way; a study in acceptance. London: Methuen, 1939. 201p.

Inbal L. Hostage to Fortune or a Considered Collection? The Tibetan Collections at National Museums Scotland and their Collectors // Journal of Museum Ethnography. 2010. N. 23. Pp. 84–97.

Le Mesurier L. Common-sense Economics: a Practical Elementary Book for Schools And General Readers. London: John Murray, 1922. 220 p.

Le Mesurier L. Josei ni atauru shakai shugi no shūsei: Baanaado shiyō shi ni kotaefu. Tōkyō: Banrikaku Shobō, 1930. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.worldcat.org/title/josei-ni-atauru-shakai-shugi-no-shusei-baanaado-shiyo-shi-ni-kotaefu/oclc/672476651?referer=br&ht=edition (дата обращения: 25.08.2019)

Le Mesurier L. The socialist woman's Guide to intelligence. London: Benn, 1929. 211 p.

Le Mesurier L. The socialist woman's guide to intelligence: a reply to Mr. Shaw, 1929. Tokyo: Edition Synapse, 2010. 208 p.

Shaw B. The Intelligent woman's guide to socialism and capitalism, by Bernard Shaw. New York: Brentano's Publishers, 1928. 540 p.

Мархинин В. В. Практичность и утопизм в политических идеях Бернарда Шоу // Северный Регион. 2009. № 2(20). С. 193–196.

Шоу Б. Переход к демократическому социализму // Северный Регион. 2010. № 1(21). С. 189–195.

Н. П. Миронова
sidnap@mail.ru
Н. Г. Лисевич
lisewitch.n@yandex.ru
Коми научный центр
Уральского отделения РАН
(Сыктывкар)

N. P. Mironova
N. G. Lisevich
Komi Scientific Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Syktyvkar)

ГЕНДЕРНЫЙ КОНТРАКТ В ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИКАХ ЖЕНЩИНЫ-ЭТНОГРАФА КОМИ ФИЛИАЛА АН СССР канд. ист. наук Л. С. ГРИБОВОЙ (ПО ЛИЧНЫМ ДНЕВНИКАМ)

Гендерный контракт определяет правила взаимодействия, права и обязанности в разделении труда по признаку пола в сферах производства и частной жизни. В данной статье на примере некоторых повседневных практик советской женщины-ученого показаны во взаимодействии официальные, повседневные и «нелегитимные» гендерные порядки.

Ключевые слова: повседневность, советская женщина-ученый, гендерные соглашения.

GENDER CONTRACT IN EVERYDAY PRACTICES OF A WOMAN ETHNOGRAPHER OF THE KOMI BRANCH OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR (ON PERSONAL DIARIES OF THE LUBOV STEPANOVNA GRIBOVA)

Gender contract defines the rules of interaction, rights and obligations in the areas of production and privacy by sex. This article shows some everyday practices of a soviet woman scientist as an example interactions between official, everyday life and illegitimate gender orders.

Keywords: daily life, soviet woman scientist, gender agreements.

Система гендерного взаимодействия в историко-антропологических исследованиях может быть представлена как совокупность гендерных контрактов. Гендерный контракт – это доминирующий тип гендерных отношений, как практических, так и символически репрезентируемых в различные временные и географические локации. Понятие гендерного контракта разрабатывалось в 1990-е годы скандинавскими феминистскими

исследователями для описания доминантных типов отношений между полами и их динамики. Контракт описывается как правила взаимодействия, права и обязанности, определяющие разделение труда по признаку пола в сферах производства и воспроизводства и взаимно ответственные отношения между женщинами и мужчинами [*Темкина, Роткирх, 2002, с. 4*].

Так, например, для «классического капитализма» первой половины XX в. публичная сфера была преимущественно сферой мужской активности, в то время как частная сфера – женской. Базовым гендерным соглашением для женщины был контракт «домохозяйки», для мужчины – контракт «кормильца». Постепенно классический базовый гендерный контракт вытесняется контрактом «равного статуса», в соответствии с которым на смену иерархии патриархата приходит выравнивание прав и возможностей мужчин и женщин как в публичной сфере (политика, образование, профессиональная деятельность, культурная жизнь), так и в сфере приватной (ведение домашнего хозяйства, воспитание детей).

Советский гендерный порядок характеризовался монопольной ролью партии-государства в его формировании, устойчивостью и гомогенностью гендерной идеологии и гендерных ролей, постоянно воспроизводимым разрывом между официальной идеологией и практиками повседневности. Идеология, институты и практики советского гендерного порядка и основной гендерный контракт – «работающая мать», сложились в 30-е годы XX в. Советская женщина работала полный рабочий день, осуществляла воспитание детей, частично разделяя его с государственными институтами и родственниками (иногда и с наемными работниками), и организацию быта [*Темкина, Роткирх, 2002, с. 6*].

Для современных гуманитарных исследований характерно смещение фокуса с описания исторических и социологических фактов, событий, организаций и структур на анализ поведения конкретного человека и восприятия им самого себя в связи с исполнением той или иной функциональной роли [*Губогло, 2013, с. 3*]. Описание конкретных поведений конкретных людей ведет к поискам смыслов их повседневной жизни в различные исторические эпохи. Обращение к повседневности индивидов через концепт идентичности является сегодня наиболее продуктивным и предполагает фиксацию трудовых карьер, ценностных ориентаций, ключевых индикаторов бытовой жизни, семейных и межличностных отношений [*Феномен идентичности… 2011, с. 670*]. Сложная система самоидентификации индивида в различные исторические эпохи предполагает сопряжение различных ее форм – профессиональной и гендерной. Тема профессиональных рефлексий представителей научного сообщества имеет на сегодня определенную историографию, в том числе и в форме автоэтнографии, и достаточно выработанную методологическую исследовательскую базу, которая позволяет рассматривать все новые сюжеты в истории по-

вседневной жизни женщины-ученого в различных географических локациях и исторических эпохах [*Щепанская, 2003; Щепанская, 2005; Щепанская, 2008; Губогло, 2013; Комарова; Антропология академической жизни… 2010, с. 226*].

Разработка данной тематики возможна преимущественно в русле антропологической концепции истории науки, для которой характерен интерес к личности человека науки, к научной повседневности, в пространстве которой ученый занимается научной деятельностью и проживает жизнь, то есть речь идет об особом внимании к различным формам научной жизни [*Корзун, Колеватов, 2010, с. 226*].

Предметом исследовательского интереса в данной работе стали отдельные повседневные практики известного финно-угроведа Любови Степановны Грибовой (1933–1986) в середине 1960-х годов в контексте самовосприятия ученого и соотношения гендерной и профессиональной идентичности. Научная и личная биография Любови Степановны Грибовой, а также обзор ее документального научного наследия представлены в ряде публикаций [*Грибова… 2000, с. 50–51; Бровина, Лисевич, 2010, с. 87–93; Мальцева, 2014, с. 54–69*], при этом остаются неизученными вопросы отдельных аспектов профессиональной культуры ученого в региональной перспективе.

Родилась Любовь Степановна 15 августа 1933 г. в с. Большая Коча Кочевского р-на Пермской области. Из воспоминаний старшей сестры Лидии Грибовой: «1933 г. был очень тяжелым, была голодовка, хлеба не было. Всего 16 кг на месяц, а семья была из девяти человек. Ели что попало: мякину, щавель, гнилую картошку. В 1936 г. отца парализовало. В 1941 г. от воспаления почек померла мать. Жили очень бедно, но Люба училась на «пять», много читала, рисовала, писала стихи. Все лето работали в колхозе. С восьмого класса Люба училась в селе Кочево, на неделю давали ей каравай хлеба и три литра молока, ходила пешком 12 км, старалась учиться…» [*Любовь Степановна Грибова в воспоминаниях… 2014, с. 57–58*].

Профессиональный путь Л. С. Грибовой начался в 1952 г., когда она после окончания Кудымкарского учительского института стала преподавать историю и немецкий язык в Отопковской, а затем в Петуховской семилетних школах Кочевского района Пермского края. Летом 1956 г. молодая учительница Любовь Грибова едет в Москву и поступает на исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, где слушает лекции известных ученых Б. А. Рыбакова, А. В. Арциховского, С. А. Токарева [*Мальцева, 2014, с. 55*]. В период обучения в МГУ она участвует в этнографических и археологических экспедициях, собирает материал по истории материальной культуры коми-пермяков, который в последующем войдет в ее дипломное сочинение

«Культ “старых” у коми-пермяков и его исторические корни (по данным пережитков верований, языка и фольклора)» [*Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 22, д. 31, л. 9*]. С 1 августа 1961 г. Любовь Степановна принята на должность младшего научного сотрудника отдела истории, этнографии и археологии Коми филиала АН СССР. «Первый год работала по теме «Изменение культурно-бытового уклада населения Коми АССР за годы советской власти, которую ведет канд. ист. наук Л. Н. Жеребцов. По данной теме участвовала в этнографической экспедиции отдела на р. Печору, приняла участие в составлении отчета по экспедиции [*Жеребцов, Грибова, Куратов…*]. С февраля 1963 г. отдел этнографии и археологии расширяет территорию исследований, куда были включены и коми-пермяки. Это стало возможно не без личного участия Любови Степановны, известно ее обращение к председателю Президиума Коми филиала АН СССР П. П. Вавилову [*Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 22, д. 31, л. 90–93*].

За летний сезон 1963 г. Л. С. Грибова провела двухмесячную экспедицию в Коми-Пермяцкий национальный округ по теме «Историческая традиция в современном быту и духовной культуре коми-пермяков» [*Жеребцов, Грибова, Куратов …*]. В период 1963–1969 гг. Любовь Степановна активно изучает быт и культуру коми-пермяков, проводит серию экспедиций в Коми-Пермяцкий национальный округ (Кудымкарский, Юсьвинский, Косинский, Кочевский районы), Красновишерский район Пермской области (верхне-язьвинские коми), Афанасьевский район Кировской области (зюздинские коми). В ходе работы исследовательница сосредоточила основное внимание на вопросе народных традиций в художественном творчестве, с уклоном на народно-прикладное искусство (обработка дерева, традиционная художественная ткань (узорное ткачество, вышивка, художественное вязание и плетение, набойка), основные орнаментальные мотивы и их семантика, перспективы) [*Научный архив Коми НЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 1, д. 31, л. 113*]. В это же время Любовь Степановна обучается в заочной аспирантуре МГУ, ее научный руководитель – один из ведущих этнографов страны, д-р ист. наук, профессор Сергей Александрович Токарев. В мае 1969 г. в МГУ состоялась защита кандидатской диссертации Л. С. Грибовой «Историческая традиция в народном искусстве коми-пермяков». Работа Любовь Степановны получила высокую оценку и одобрение. Из отзыва С. А. Токарева: «Большую заслугу Л. С. Грибовой составляет то, что она, прекрасно зная коми-пермяцкий народ и его язык, сама происходя из его среды, но в то же время пройдя хорошую школу этнографической подготовки, сумела добросовестно, внимательно и серьезно изучить все то, чем богата была культура этого народа в прошлом – в частности в области художественного украшения быта (художественная обработка дерева, текстильных материалов и пр.). Она вложила в работу

много искренней любви к своему народу, к его творческим силам» [*Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 22, д. 3, л. 135*]. Действительно, Любовь Степановна была искренним патриотом своей малой коми-пермяцкой родины, вела активную работу по организации в Коми-Пермяцком автономном округе научно-исследовательского центра [*Документы о создании в Коми-Пермяцком национальном округе…*].

Основные работы Л. С. Грибовой посвящены проблемам семантики и эволюции декоративно-прикладного искусства народов коми, а также анализу семантики предметов пермского звериного стиля и особенностей древнего мировоззрения. Л. С. Грибова осуществила первый опыт историко-этнографического обзора традиционного изобразительного искусства коми, начиная с древнейших времен до наших дней. Автор около 50 научных работ, 34 из которых опубликованы, в том числе наиболее известные монографии «Пермский звериный стиль» (1975), «Декоративно-прикладное искусство народов коми» (1980). Материалы по народному искусству, собранные Л. С. Грибовой, были широко использованы при составлении альбома «Коми народное искусство» (1993) [*Ученые Института языка, литературы и истории… 2000, с. 50–51*]. Член Советского комитета финно-угроведов (1970–1977), участник ряда Международных конгрессов финно-угроведов. Скончалась 12 октября 1986 г.

Жизнь ученого-этнографа немыслима без экспедиций и многих, многих исхоженных дорог, лиц, местностей, пейзажей и домов. В этом смысле сбор конкретного этнографического материала вплетается в сложную систему взаимоотношений внутри исследуемого сообщества, влечет за собой элемент субъективного самовосприятия исследователя и погружения в культурную среду. Ученая биография нашей героини не является исключением, она побывала с экспедициями во всех районах Республики Коми, Коми-Пермяцком и Ненецком округах, Архангельской области.

Анализ тематики экспедиционной повседневности женщины-ученого на примере научной биографии исследователя европейского Севера России Л. С. Грибовой стал возможен во многом благодаря сохранившемуся в составе ее личного фонда наиболее информативного источника – личного дневника [*Личный дневник Л. С. Грибовой…*]. В фонде отложились различные по содержанию и составу документы, отражающие научную, служебную и литературную деятельность Л. С. Грибовой [*Грибова Любовь Степановна…*]. Личный дневник Л. С. Грибовой охватывает период с 1956 г. (год поступления в МГУ) по 1978 г. В фонде сохранились дневники не за каждый год, как упоминает сам автор, некоторые записи были уничтожены, сохранились повествования за 1956, 1957, 1963, 1965, 1968–1970, 1973, 1978 гг. Записи сделаны в 13 тетрадях в клеточку. Тетради заполнены разборчивым, округлым подчерком синими и черными чернилами шариковой ручки. Записи велись довольно регулярно, с промежутком в

три-пять дней. В начале каждого нового описания события ставилась дата: число арабскими цифрами, месяц римскими, через тире обозначался год. Тематика дневниковых записей довольно разнообразна: события и переживания во время поступления в МГУ, жизнь в студенческой среде, описания Москвы, описание экспедиционных поездок, работы на III Международном финно-угорском конгрессе, рабочие записи по Пермскому звериному стилю, взаимоотношения с коллегами по Институту и специалистами других научных учреждений. Дневниковые записи отличаются особой эмоциональностью повествования, что характерно для повседневных записей в отличие от мемуаров, переосмысленных и составленных через продолжительное время, отличающихся, иногда, меньшей достоверностью передачи событий.

В личном дневнике Л. С. Грибова в описании экспедиционных будней большое внимание уделяет своим переживаниям по поводу взаимоотношений в семье, заимствования мужской функции, необходимости самостоятельно решать все текущие проблемы в период ее длительного отсутствия дома и вдали от родных – мужа и дочерей[7].

Запись от 6 декабря 1965 г.: «Продолжаю путешествие одна. Адик, как всегда, имеет много работы, ничего ему не нужно в моих делах. Что ж, ведь он прав. Поэтому решила быть мужчиной – не хныкать, делать то, что нужно. Материнское чувство как-то отупело, я ужасаюсь при мысли, что я забываю о своем собственном ребенке. Да, именно забываю. И какое-то тупое чувство сожаленья о том, что ни Леночка не испытывает моей ласки, ни я не испытываю материнского счастья. Но кончаются деньги – и, наверное, не доеду до Чердыни. Очень уж скучно мне одной ездить» [*Личный дневник Л. С. Грибовой…*].

Бытовые неудобства жизни в дороге также становятся объектом описания Любови Степановны: «Вчера спала на аэровокзале в Соликамске. Кошмар! То, что перечувствовала, на стадии начала сумасшествия. Я всю ночь тряслась, как в лихорадке. И решила: хватит, мне нельзя так много ездить, ни в коем случае. Надо сократить сроки, надо больше жить на одном месте. Ближе к семье, только бы ближе к семье. Для успокоения нервов» [*Личный дневник Л. С. Грибовой…*].

Записи нашей героини отличаются особой тревожностью и даже маниакальными страхами: «Мне кажется, еще в Перми увязались за мной, а с Пожвы – вообще преследуют. Я впервые в таком нервозном состоянии, что не стала верить никому. Может быть, я слишком мнительна, но мне кажется, что преследуют именно меня. Меня преследуют кошмары. И вот

---

[7]Муж Л. С. Грибовой, Аркадий Васильевич Мошев (1936–2012), художник-график, Член Союза художников России (1973), Засл. деятель искусств Коми АССР (1985). Прожили в браке 25 лет. Две дочери Елена и Наталья.

в этот раз то же самое. На пути Пермь – Рябинино подсела в теплоход буйная группа молодых людей и пожилых баб. Кажется, большинство из них появилось в Пожве. Мне одна Юсьвинская рассказала о том, что в Кудымкаре разгромили дом милиции. И сзади меня сели 3 пожилых женщины, которые постепенно с цыганским все знающим взором глядят на меня и выкладывают подробно: “Мы тебя знаем. Ты пермячка. Ты из Кудымкара. Мы тебя видели… У тебя часы золотые (какие же они золотые?), ты много ездишь”» [*Личный дневник Л. С. Грибовой…*].

Интересны ремарки Л.С. Грибовой по поводу состояния общественного сознания и состояния советского общества в середине 1960-х гг.: «Я – коммунист, мне не стыдно признать плохое плохим, хорошее хорошим. Ведь и я ответственна перед обществом за то, что мы что-то явно не так делаем. Я всю ночь на вокзале, а в особенности утром, думала о том, что напишу в ЦК длинное письмо о том состоянии морали, какая наблюдается повсеместно в настоящее время. Я это должна сделать, обязана. Я езжу, я гляжу глазами заинтересованного человека, мне нечего чернить мое кровное, я честно расскажу правду, слишком легко жить стала. По большей части жизнь стала наслаждением» [*Личный дневник Л. С. Грибовой…*].

В целом рассматриваемый материал по некоторым аспектам субъективного восприятия рабочих будней Л.С. Грибовой дают достаточно глубокое представление о жизненных перипетиях молодой женщины, которая совмещает целый ряд социальных ролей – матери, жены, ученого, гражданина.

Литература и источники

Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования / отв. ред. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2010. Т. 2. 333 с.

Бровина А. А., Лисевич Н. Г. Личный фонд исследователя народной культуры Л. С. Грибовой в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН // Финно-угроведение. 2010. №1. С. 87–93.

Грибова Любовь Степановна // Ученые Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН: Биогр. справочник. Сыктывкар, 2000. С. 50–51.

Грибова Любовь Степановна (1933–1986) – кандидат исторических наук // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 11. Оп. 1–5. Д. 1–341.

Губогло М. Н. Антропология повседневности. М.: Языки славянской культуры, 2013. 752 с.

Документы о создании в Коми-Пермяцком национальном округе научно-исследовательской группы от Коми филиала АН СССР // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 11. Оп. 2. Д. 33. Л. 135.

Жеребцов Л. Н., Грибова Л. С., Куратов П. А. Научный отчет об итогах этнографической экспедиции 1962 г. в Троицко-Печорский и Печорский

районы Коми АССР // Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 79.

Комарова Г. А. Антропология академической жизни как исследовательская практика этнографического описания и этнологического понимания [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ethno-photo.livejournal.com/8553.html (дата обращения: 17.12.2018).

Корзун В., Колеватов Д. Профессорская семья: стиль жизни, ролевые функции в поле научной повседневности // Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования / отв. ред. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2010. Т. 2.

Личный дневник Л. С. Грибовой (1933–1986) // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 118.

Любовь Степановна Грибова в воспоминаниях родных и земляков (из воспоминаний сестры Лиды) // Коми-пермяцкий этнографический сборник / под ред. А. В. Черных, А. С. Лобановой (Труды Ин-та языка, ист. и трад. к-ры коми-перм. народа. Вып. X). СПб.: Маматов, 2014. С. 57–65.

Мальцева Н. А. Этнограф Любовь Степановна Грибова: страницы биографии // Коми-пермяцкий этнографический сборник / под ред. А. В. Черных, А. С. Лобановой (Труды Ин-та языка, ист. и трад. к-ры коми-перм. народа. Вып. X). СПб.: Изд-во «Маматов», 2014. С. 54–57.

Научный архив Коми НЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 1, д. 31, л. 113.

Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 22. Д. 31.

Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 22. Д. 3. Л. 135.

Темкина А. А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4–15.

Ученые Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН: Биогр. справочник. Сыктывкар, 2000. 212 с.

Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А. Тишкова / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2011. 670 с.

Щепанская Т. Б. Антропология профессий // Журн. социологии и соц. антропологии. 2003. Т. VI, №1(21). С. 139–161.

Щепанская Т. Б. Заметки об автоэтнографии // Антропологический форум. Исследователь и объект исследования. СПб.: МАЭ РАН, ЕУ СПб, 2005. №2. С.121–134.

Щепанская Т. Б. Научная работа как повседневная практика: женский взгляд // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. / отв. ред. Ю. К. Чистов, М. А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С.377–386.

Л. В. Намруева
lnamrueva@yandex.ru
Калмыцкий научный центр РАН
(Элиста)

L. V. Namrueva
Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Elista)

ДЕПОРТАЦИЯ КАЛМЫКОВ В ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ*

Тема насильственного выселения калмыцкого народа с родной земли стала предметом исследования в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Исследователи, публицисты анализировали причины изгнания, сложные условия нахождения в вынужденной ссылке, трагические последствия репрессий (многотысячные смерти, изломанные судьбы калмыков, утрата богатейшего культурного наследия). В средствах массовой информации, научных изданиях опубликованы статистические данные, документы, свидетельствующие о безмерной трагедии калмыков, воспоминания тех, кто пережил страдания от бесправного положения народа. Однако остались без внимания вопросы повседневности: бытовое обустройство, эмоциональное состояние стариков и детей, женские трагедии, судьбы бывших воинов-калмыков, проблемы их социальной адаптации, трансформации гендерных ролей и т. д. Целью нашего исследования является изучение на примере депортации калмыков женского опыта выживания в экстремальной ситуации выселения, память молодого поколения о депортации калмыков. Нами использованы материалы научных публикаций, художественных произведений, посвященных отдельным аспектам этнических репрессий, также результаты социологического исследования, проведенного в 2018 г. в рамках калмыцко-якутского проекта «Жизненные стратегии молодежи как потомков этносов, перенесших вынужденное переселение на Север» (Элиста – Якутск 2017–2018 гг.)., которые позволили рассмотреть проблемы исторической памяти молодого поколения о депортации калмыцкого народа.

Ключевые слова: депортация, калмыцкие женщины, Сибирь, историческая память, молодое поколение

---

* Статья подготовлена с использованием результатов калмыцко-якутского проекта «Жизненные стратегии молодежи как потомков этносов, перенесших вынужденное переселение на Север» (Элиста–Якутск 2017–2018 гг.), получившего поддержку Чурапчинского государственного института физической культуры и спорта (Республика Саха-Якутия) в Республике Калмыкия в апреле-июне 2018 г.

DEPORTATION OF THE KALMYKS IN THE MEMORY OF GENERATIONS: GENDER ASPECT

The Theme of forced eviction of the Kalmyk people from their native land was the subject of research in the late 1980s and early 1990s. Researchers and publicists analyzed the causes of exile, the difficult conditions of forced exile, the tragic consequences of repression (thousands of deaths, broken fate of the Kalmyks, the loss of a rich cultural heritage). In the media, scientific publications published statistics, documents testifying to the immeasurable tragedy of the Kalmyks, the memories of those who survived the suffering of the disenfranchised and unjust position of the people. However, the issues of everyday life remained unaddressed: domestic arrangement, emotional state of old people and children, women's tragedies, the fate of former Kalmyk soldiers, problems of their social adaptation, transformation of gender roles, etc. The aim of our study is to study the example of deportation of Kalmyks female experience of survival in extreme situations of eviction, the memory of the younger generation of the deportation of Kalmyks. We used the materials of scientific publications, works of art devoted to certain aspects of ethnic repression, as well as the results of sociological research conducted in 2018. within the framework of the Kalmyk-Yakut project "Life strategies of young people as descendants of ethnic groups who underwent forced resettlement to the North" (Elista-Yakutsk 2017-2018). that allowed us to consider the problems of the historical memory of the younger generation of the deportation of the Kalmyk people.

Keywords: deportation, Kalmyk women, Siberia, historical memory, young generation

Депортация (от лат. *deportation*) означает изгнание, ссылку. В период массовых репрессий (от позднелат. *repression* – подавление, наказание) в 1920-1940-х гг. многие народы СССР подверглись депортации. Процесс депортации калмыков берет начало с указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР». Согласно этому указу, калмыки были обвинены в измене Родине, а Калмыцкая АССР – ликвидирована. Исследователи отмечают, что эта оценка отражала позицию тогдашнего советского руководства и была призвана решать политическую задачу – объяснить и оправдать ликвидацию автономии Нижнего Поволжья и Северного Кавказа и поголовное насильственное выселение этих народов в восточные районы страны [*Убушаев, 2014, с. 24*].

Калмыки оказались расселены в самые разные уголки Советского Союза. На начало 1944 г. в Алтайском крае оказалось 6167 семей, в Красноярском крае – 7525, в Новосибирской области – 5435, в Омской области – 8353, в Томской – 660, в Казахской ССР – 648 семей. Калмыки были поселены и в северных районах: в Тобольском – 522 семьи, в Ямало-Ненецком округе – 2796, Ханты-Манскийском – 1760 семей [*Ссылка калмыков, 1993, с. 31*].

Оторванные от привычного образа жизни, ограбленные и лишенные гражданских и политических прав, обреченные на унижения, рабский труд, калмыки в суровых условиях Сибири оказались на грани исчезновения. Десятого июля 1946 г. начальник отдела спецпоселений ЦУМВД по Новосибирской области в своем отчете писал: «Смертность среди калмыков действительно высока. С момента выселения и до 2 апреля 1946 г. их умерло 14 343 человека, или 15 % к прибывшему в Сибирь контингенту… Сейчас смертность среди калмыков превышает рождаемость в 3,5 раза, хотя эпидемических заболеваний среди этого населения не было. …Ничтожной была рождаемость. До 1 июля 1946 г. в калмыцких семьях родилось только 297 детей, т. е. в девять раз меньше, чем умерло калмыков за этот период. Среди коренного населения области рождаемость превышает смертность в этот период в два раза» [Цит. по: *Гучинова, 2001, с. 47*].

Женщины составляли значительную долю депортированных народов. Э.-Б. М. Гучинова отмечает осознанное умалчивание женщинами наиболее драматичных эпизодов выселения, своеобразное проявление женской немоты. «Преодолеть женское молчание было трудно» [*Гучинова, 2008*]. Долгое время трагедия выселенных народов оставалась запретной темой. В общесоюзной и российской историографии эта проблема до начала 1990-х гг. не являлась объектом глубокого исследования. Официальная историографическая наука в течение нескольких десятилетий (1950–1980-е гг.) замалчивала даже сам факт депортации репрессированных народов.

В довоенное время в калмыцкой семье доминировали патриархальные отношения, главой семьи являлся старший мужчина. Война и последующее выселение изменили статус женщины. В отсутствие воевавших мужчин женщины взвалили на себя ответственность за судьбу старшего поколения, детей и инвалидов. Они выполняли не только традиционные обязанности (приготовление пищи, стирка, уборка, воспитание детей), но и справлялись с ролью, которая принадлежала мужчине, – быть главой семьи, материально ее обеспечивать, выстраивать отношения с местным начальством. Следует согласиться с исследователями, которые отмечали, что вся деятельность женщин была невероятно трудной и «требовала выдумки, инициативы, риска, смелости в принятии решений. А “зарабатывать” означало пойти на общественные работы, что для среднего и старшего поколения женщин было совершенно новой ареной» [*Гугова, Нальчикова, Текуева, 2016, с. 73*].

По мнению Л. Б. Четыровой, «труд для молодой девушки стал смыслообразующим центром жизни, ресурсом идентичности, способом реабилитации в глазах общества. Несмотря на тяготы подневольного труда, в этой ситуации он стал способом возвращения уважения к калмыкам, средством идентичности, способом выстраивания отношений с властью» [*Четырова, 2013, с. 123*]. Калмыков стали уважать, потому что они хорошо трудились.

Женщины-степнячки освоили непривычные для себя сложнейшие работы в горнорудной, золотодобывающей, угольной, бумажной, деревообрабатывающей промышленности. Калмычкам, которые прежде занимались преимущественно животноводством в домашних хозяйствах и в сельскохозяйственных предприятиях (совхозах, колхозах), пришлось работать в крупном производстве.

О сложной судьбе калмычки, трудившейся на лесоповале, повествует Василий Шакуев в балладе «Исповедь каторжанки», написанной в 2018 г. [*Шакуев, 2019, с. 123–127*]. Это поэтическое произведение, основанное на реальной судьбе, рассказанной автору одной из героинь баллады, является своеобразным гимном, воспевающим стойкость, несгибаемость калмыцкой женщины, судьба которой полна трагедии и горя на протяжении всех тринадцати лет выселения.

Имела трех детей.
Один другого мал.
Мой муж погиб геройски под Москвою.
Меня погнали на лесоповал.

29-летняя вдова, ежедневно оставляя малолетних детей, трудилась наравне с мужчинами. Поэт точно описывает детали быта, скудное питание, отсутствие помощи, ведь калмыцкая семья была единственной в селе. С самых первых строк чувствуется трагизм несправедливости, жестокости, с которой столкнулись ни в чем не повинные женщины-вдовы с малыми детьми:

Когда я уходила на рассвете
С мужчинами валить таежный лес,
То сердце разрывалось, мои дети
Одни ведь оставались на день весь.
Перед уходом я им оставляла
Картофель мерзлый, черствый хлеб и жмых.
По тем годам считалось, что немало.
Ведь не было такого у иных.

Баллада В. Шакуева эмоционально насыщена, в ней очень точно переданы чувства тревоги матери, беспокойства малышей:

О, как домой врывалась я орлицей!
Как плакала, что был напрасным страх.
Увидев их описанных, их лица,
Немытые, чумазые, в соплях.

Я целовала деток, в голос воя,
И крепко прижимала их к груди.
И дети тоже плакали со мною:
«Ну, мама, никуда не уходи!»

Социолог Т. И. Барсукова считает «Исповедь каторжанки» криком души человеческой, которая всеми силами сопротивляется злу, горю, боли, которая бьет в набат: «Страданий наших пусть у вас не будет на этом свете больше никогда!» [*Барсукова, 2018*]. Океан слез детей, их сиротство, бесконечные горести, унижения доказывают преступность решения руководителей страны выслать калмыцкий народ.

Молодая женщина погибает от удара сосны. И в этой совсем недетской ситуации дети принимают взрослое решение сообщить о смерти матери родственникам в соседнее село:

А утром рано-рано
Деляша собралась уже бежать.
Но младшие заныли: «Не бросай нас!»
А сапоги – у Дели лишь одной.
Цаган бежала по снегу босая,
У Дели – братик Миня за спиной.
В пути они менялись сапогами.
О, боже мой, за что же тогда нас?
И дети признавалися врагами!

Главное достоинство баллады В. Шакуева – это взволнованное, психологически насыщенное описание горькой судьбы молодой калмычки. Сразу после публикации «Исповеди каторжанки» общественность эмоционально восприняла ее. Автору писали в социальных сетях, что со слезами на глазах слушали балладу, что она всколыхнула их сердца, многие просили изменить ее концовку. Такие произведения дают правдивые сведения о трагическом периоде в жизни калмыцкого народа, уверенность в том, что никакая репрессивная машина не способна сломить дух народа, отнять у него память, веру в счастливое будущее.

Старшая девочка, героиня баллады, как сотни, тысячи ее ровесниц были вынуждены, оставив учебу, в двенадцать-тринадцать лет начать работать, помогать своим семьям. Их ждала тяжелая физическая работа, непосильная для девочек-подростков. Они работали, не щадя своих сил, на свекольных полях, доярками на молочных фермах в легкой одежде (не было спецовок, фуфаек). Не хватало рабочих рук, им приходилось выполнять и мужскую работу: разгружать товарняки, собирать свеклу, пасти скот в любую погоду. Эти обстоятельства, конечно, впоследствии негативно отрази-

лись на состоянии здоровья, продолжительности жизни женщин [*Намруева, 2003, с. 216*].

Практически бесплатная рабочая сила, в том числе женский и детский труд, закрывал самые трудоемкие отрасли промышленности и сельского хозяйства. Из воспоминаний одной спецпереселенки читаем: «Приехали в Мазульский марганцевый рудник для работ в шахтах, температура была – 50 С. Поселили в бараке (бывшая пекарня). Грузила руду на вагонетки, а младший брат (14 лет) водил лошадей с вагонетками. Разлученные с матерью дети смогли увидеть ее только через полгода» [*Батыров, 2013, с. 114*].

Особо тяжелым занятием на рыбозаводе, где также трудились калмыки, была заготовка льда, который необходим для хранения рыбы в летний период. Необходимо было пилить лед толщиной более одного метра. Женщины постоянно находились по колено в воде, мокрые в трескучий мороз. В результате калмыки часто умирали. Причинами смертности были не только тяжелая работа, но и постоянный голод, моральные страдания [*Кекеева, 2013, с. 105*].

Согласно разделяемому нами мнению Л. Б. Четыровой, труд позволял калмыкам выйти за пределы наличного существования ссыльного человека, осуществить трансценденцию, раздвинуть границы мира ссыльных и заложить основы для нового будущего. Тем самым депортированные избавлялись от негативной идентификации с предателями и возвратили самоуважение к себе как народу [*Четырова, 2013, с. 124*].

В лучшей ситуации оказались те, кто взял швейную машину, благодаря своим способностям замечательных рукодельниц калмыцкие портнихи шили блузки, платья, прекрасные наряды сибирячкам, тем самым обеспечивая семью продуктами, которые спасли многих от голода.

Успехи в учебе, труде не могли избавить от постоянного ощущения несвободы, осознания себя гражданами второго сорта, несправедливости наказания. Но каждый калмык верил, что изгнание будет недолгим, что их дети будут равноправными гражданами страны.

В первой части нашей статьи рассмотрены отдельные стороны женской повседневности в условиях депортации калмыцкого народа, также решающая роль женщины в условиях бесправия и унижения. Женщины берут на себя ответственность за выживание этноса, сохранение его уникальной культуры, этнического самосознания.

Поколения, родившиеся после возвращения из Сибири, пытаются разобраться в причинах и последствиях геноцида в отношении калмыцкого народа. Воспоминания тех, кто пережил трагический период выселения, необходимы, чтобы такой геноцид никогда повторился в будущем.

Рассмотрим отдельные результаты социологического исследования, в котором опрошено 313 молодых калмыков. У большинства респондентов родители не старше 60 лет, т.е. родились после высылки, чье становление

произошло в годы жесткой цензуры и умалчивания об определенных исторических периодах, в том числе депортации народов. Родители наших респондентов недостаточно знакомы с историей этого периода. На наш взгляд, это произошло потому, что старшее поколение калмыков боялось вспоминать горестные дни насильственного изгнания из родных мест, поскольку это было опасно [*Намруева, 2013, с. 216*].

Ответы на вопрос «Когда Вы впервые узнали о вынужденном переселении (депортации) калмыков?» показывают, что главными каналами передачи исторической памяти о вынужденном выселении калмыков 1943–1956 гг. являются бабушки и дедушки (46,3 %), родители (40,2 %) наших респондентов. Впервые узнали о вынужденном выселении калмыков на школьных или иных мероприятиях, посвященных Великой Отечественной войне, 17,6 % опрошенных. Каждый десятый респондент признался, что впервые узнал о депортации калмыков от других родственников, друзей, знакомых. Десятая часть опрошенных (9,6 %) впервые узнала о депортации калмыков из книг, средств массовой информации (пресса, радио, телевидение, интернет).

Чаще всего родственники, вспоминая жизнь в Сибири, на Севере в условиях вынужденного изгнания, рассказывали о сложнейших условиях жизни в первые годы выселения (75,4 %), о гибели близких в дороге (43,8 %), о бесправном положении переселенцев (39,3 %). Смертность среди спецпереселенцев-калмыков в новых местах поселения ввиду непривычных для них суровых условий жизни носила массовый характер. Умирали в первую очередь от болезней и истощения старики и дети. Молодые люди указали, что родственники рассказывали о доброте, отзывчивости местного населения (30,7 %), о тяжести физической работы, которая была непривычна для калмыков (24,3 %), о природе Сибири, Севера (18,8 %). Из ответов 6,1 % опрошенных следует, что родственники ничего не рассказывали о суровых годах жизни вдали от родной земли.

Результаты на закрытый вопрос «Рассказывали ли вам дедушки и бабушки/родители о своей жизни на Севере?» показывают, что чем старше респондент, тем чаще он слышал рассказы старших членов семьи: 66,7 % опрошенных 18–19 лет и 76,3 % респондентов 31–35 лет из уст дедушек и бабушек, переживших все тяготы сибирского лихолетья, слушали рассказы об этой трагической истории калмыцкого народа. Чем моложе респондент, тем чаще он выбирал отрицательный ответ, свидетельствующий о том, что с удалением во времени тех страшных тринадцати лет депортации слабее становится непосредственная память от живых очевидцев тех драматических событий.

Более половины, 67,3 %, опрошенных указали, что с детства слышали рассказы дедушки и бабушки/родителей о своей жизни в Сибири, на Севере. Каждый пятый респондент, 18,9 %, отметил, что представители стар-

шего поколения стали немного рассказывать о годах изгнания уже после того, как стала открытой информация о вынужденном переселении. К сожалению, лишь незначительная часть молодежи принимала участие в написании воспоминаний (1,7 %). Десятая часть выборки призналась, что старшие члены семьи ничего не рассказывали о жизни в изгнании.

Полученные данные на вопрос «Знаете ли вы, где находились ваши бабушки во время вынужденного переселения?» позволяют нам утверждать, что только в одной молодежной группе более половины опрошенных знают о месте пребывания старших родственников: 53,2 % тридцатилетних дали положительный ответ. В трех других группах большая часть ответила, что точно не знают, где находились их бабушки во время вынужденного переселения. Здесь также наблюдается известная нам закономерность, что чем младше респондент, тем чаще всего он сетует на то, что ему об этом никто не говорил.

Только в одной группе около половины опрошенных (48 %) знают о месте пребывания в Сибири своих дедушек: 48,9 % тридцатилетних утвердительно ответили на этот вопрос. В трех других группах только треть дает положительный ответ. Большая часть в них точно не знает, где находились их дедушки во время насильственного выселения. Мы также здесь наблюдаем, что чем младше респондент, тем чаще всего он сетует на то, что ему никто не поведал о жизни предков вдали от родины.

Опрошенная молодежь знает, что депортированные калмыки выполняли в местах изгнания следующие виды работ, требующие тяжелой физической работы: сельскохозяйственный труд (70 %), ловля рыбы (30 %), переработка рыбы (15 %), работа по специальности (учитель, фельдшер, бухгалтер, почта и т. д.) (5 %), охотпромысел (3 %). Депортированные трудились в колхозах и совхозах, строительстве дорог и заводов. Калмыки, более чем на 90 % являвшиеся скотоводами и не умевшие выполнять другую работу, трудились в шахтах и рудниках, на ловле рыбы, на лесозаготовках, где в большинстве своем погибали.

По-разному сложилась судьба калмыков, возвратившихся на родную землю. Более половины женщин (51,1 %) и мужчин (52 %) не смогли получить профессиональное образование, им пришлось выполнять разные виды работ. Из ответов 14,1 % внуков и правнуков следует, что их бабушкам и дедушкам посчастливилось получить среднее специальное образование, и они работали по специальности. Каждый одиннадцатый опрошенный отметил, что их *ээджи* и *аавы* получили высшее образование, трудились по избранной профессии, 8 % респондентов указали, что здоровье у молодых женщин и мужчин было подорвано от непосильного труда, по этой причине они не смогли получить образование и работать по специальности.

В семьях высланных калмыков произошли разные изменения за годы вынужденного пребывания вдали от родных мест: смерть членов семьи (63 %), рождение новых членов семьи (60,4 %), освоение трудовых навыков, которые пригодились при возвращении на родину (9,9 %), создание новых семей (9,6 %), достижения в работе (7,0 %), получение хорошего образования в школе (3,8 %).

По мнению молодых респондентов, калмыки выстояли в годы переселения благодаря следующим факторам:

– сила духа, волевые качества народа – 64,5 %;
– вера в то, что они непременно вернутся домой – 62,9 %;
– взаимопомощь, поддержка – 37,4 %;
– крепкая сплоченная семья – 28,4 %;
– трудолюбие, неиссякаемый оптимизм – 22,0 %;
– крепкое здоровье, физическая закалка – 11,5 %;
– традиционное мировоззрение – 8,6 %.

Калмыцкие дети Сибири, вспоминая свое детство, юность, отмечали, что спецпереселенцы, сцепленные одним горем, жили дружно, помогали друг другу, делились последним. В бараке одну семью от другой отделял только кусок мешковины [*Кекеева, 2013, с. 105*].

Разделяем мнение калмыцких исследователей, которые отмечают, что главными средствами в действовавшем в годы депортации механизме выживания и самосохранения народа были многовековые народные культурные традиции родства, взаимопомощи, дружбы народов, доброты и мужества, а также надежда на восстановление справедливости и доброго имени [*Сенглеева, 2013, с. 111*].

Калмыки почувствовали себя счастливыми, возвратившись на родную землю. Ничто не может сравниться с безмерностью счастья возвращения на родную землю (83,4 %)! Следующий фактор, определяющий счастливое состояние калмыков, связан с получением детьми высшего образования (22 %). Переезд во вновь построенное обустроенное жилье и подворье также приносил счастье возвратившимся калмыкам.

Основными каналами новой информации о вынужденном переселении калмыков для современной калмыцкой молодежи являются республиканское телевидение (48,9 %), материалы на сайтах (47,3 %), республиканские и районные газеты (46,0 %).

Следует отметить, что в конце 1988 г. в прессе СССР стали появляться первые публикации о судьбе репрессированных народов. Официальным «разрешением» или давно ожидаемым сигналом не только к последующим газетным и журнальным статьям, но и к научным разработкам явилась Декларация Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 г. «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» [*Саряе-*

ва, 2013, с. 125]. К сожалению, пока не появилось достаточно полного обзора, анализа истории материалов республиканских СМИ о депортации калмыцкого народа.

Каждый шестой респондент отметил, что новые сведения о насильственном выселении калмыков получает благодаря поэтическим, прозаическим произведениям на эту тему (17,6 %). Литературовед Н. Манджиев, посвятивший этой теме свою работу «Калмыцкая проза о депортации: концепция человека», отмечает, что первые произведения калмыцких писателей о депортации народа были изданы в 1960-х – начале 1970-х гг. Это были произведения А. Балакаева «Три рисунка», «Судите меня сами», А. Джимбиева «Когда человеку трудно», А. Бадмаева «Золото в песке не затеряется», А Кукаева «На берегах Оби», М. Нармаева «Счастье само не дается» [*Санджиев, 2013, с. 139*]. В 1982 г. была опубликована повесть А. Тачиева «Запах полыни». В 1989 г. в журнале «Теегин герл» опубликована поэма В. Шакуева «Душа моя жестоко ранена…», которая звучит 28 декабря на митингах памяти жертв депортации, школьных мероприятиях, посвященных трагическому периоду в истории калмыцкого народа. Это стихотворение активно цитируется в социальных сетях, стало поистине народным на протяжении трех десятилетий. Оно с болью отзывается в сердце каждого калмыка:

Душа моя жестоко ранена.
Я не могу спокойно спать,
Чтоб весь народ был каторжанином –
Такое можно ли понять?!

Это стихотворение отвечает чаяниям современных калмыков, которые до настоящего времени на вопрос «За что? Почему были высланы калмыки?» не могут получить объективный ответ.

Несмотря на радость от возвращения на родную землю, горько звучат завершающие строки, на глаза наворачиваются слезы и у мужчин, и у женщин:

Был теплый день. Цвели акации.
Сибирь – за дымкой голубой.
Оставив там лежать полнации,
Калмыки ехали домой.

Одно из главных мест в творчестве Василия Шакуева занимает тема депортации калмыцкого народа в Сибирь и 13 долгих лет его страданий на чужбине. Сборник Василия Шакуева «Калмыки, помните про ссылку!» издан осенью 2018 г. накануне 75-летия депортации калмыцкого народа.

В него вошли произведения на эту тему, которые наполнены острой болью и глубоким переживанием за многострадальную судьбу калмыцкого народа, непоколебимым убеждением, что подобное никогда не должно повториться [*Шакуев, 2018*].

Тема репрессий по национальному признаку остается востребованной в калмыцкой литературе, читательской аудитории. Ярким примером осознания молодым поколением депортационного периода могут служить стихотворения молодой поэтессы Герензел Сангаджи-Гаряевой, которые называются «28 декабря», «Память» [*Сангаджи-Гаряева, 2013, с. 25*]. Они отражают восприятие молодым поколением депортации и внушают надежду на восстановление гордости калмыцкого народа, благодарности сибирякам, помогавшим выжить:

Сибиряки украдкой помогали,
Ведь добрые сердца живут везде.
Теплом своей души отогревали,
Спасибо бескорыстной доброте…

Роль республиканских радиопередач в исторической памяти о горестных годах выселения отмечена 16,3 %. Восьмая часть опрошенных смогла посетить выставки в музеях, рассказывающие о страданиях спецпереселенцев (13,4 %). Из научных сборников, монографий черпают информацию о вынужденном пребывании калмыков вдали от родины 12,4 % респондентов. В конце 1980-х гг. В. Б. Убушаев сформировал новое направление в исторической науке Калмыкии, став одним из пионеров в научной разработке истории депортации калмыцкого народа, восстановления его национальной автономии и развития республики на современном этапе [*Владимиру Бадахаевичу Убушаеву*]. Первая научная конференция «Репрессированные народы России: история и современность» впервые проведена на калмыцкой земле в 1992 г. По итогам регулярных конференций изданы научные сборники в 1992, 1993, 2003, 2013.

Значение песенного творчества на тему депортации отмечено 12,1 % опрошенных. Песни, посвященные ссылке, во многих случаях не имеют авторства, они стали народными. В песнях отражена тема внезапности ссылки, отмечены детали: выселяли «на больших американских машинах», «хар будкта машинһар», вагоны, в которых доставляли в Сибирь, в песнях называются «кок ширтя вагонь» – «вагоны, покрашенные синим цветом». Эмоциональное состояние калмыков и трагедия переселения отмечены следующими выражениями «уулюлад-шууглулад» – «плача и рыдая» [*Басангова, Манджиева, 2003, с. 187*].

Следует отметить, что участвуют в акциях памяти о вынужденном переселении небольшая часть опрошенных, лишь 6,7 %. Безусловно, необхо-

димо привлекать как можно большее количество молодых людей. Отметим, что с взрослением наших респондентов для них раскрываются новые стороны депортационного периода жизни калмыков благодаря телепередачам республиканского телевидения. Эта же тенденция наблюдается и в отношении республиканской и районной прессы. Возможно, данный факт также свидетельствует о том, что юноши и девушки реже читают местные газеты. С научной литературой на тему депортации более знакомы люди старше 18–19 лет. В распоряжении молодых людей такие труды, как сборник научных трудов «Политические репрессии в Калмыкии в 20–40-е гг. XX в.», сборник воспоминаний «Мы – из высланных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.)», которые позволяют восстановить скорбный путь калмыков до мест поселения, беспрецедентное нарушение прав целого народа в течение 13 лет.

Чтобы молодые люди знали и помнили историю судеб своих родных и близких, своего народа, необходимо в воспитательной работе использовать такие формы, как привлечение молодежи в интервьюировании представителей старшего поколения для написания летописи тех страшных лет, в подготовке и проведении акций памяти жертв депортации. Благодаря живому общению молодые люди получают знания, эмоционально пережитые, которые не исчезнут бесследно.

В национальном самосознании, исторической памяти репрессированных народов, в том числе и калмыков, в связи с депортацией, перенесенными унижениями, страданиями и последующей непоследовательной реабилитацией, несомненно, произошли изменения, которые необходимо осмыслить и выработать механизм сохранения этноса в трагической и кризисной ситуации.

В завершении процитируем поэта Василия Шакуева, который соединяет прошлое и настоящее в одном желании:

Еще молюсь, чтобы на белом свете
На «наших» не делились и «чужих».
Чтобы всегда смеялись ваши дети
И лишь от смеха были слезы их!

Литература и источники

Барсукова Т. И. О балладе Василия Шакуева «Исповедь каторжанки» // Хальмг унн. 2018. 5 декабря. С. 7.

Басангова Т. Г., Манджиева Б. Б. Песни скорби и печали // Политические репрессии в Калмыкии в 20-40-егг. XX в.: Сб. науч. тр. Элиста: Джангар, 2003. 208 с. С. 185–190.

Батыров В. В. Выселение калмыков Яшалтинского района Калмыцкой АССР в 1943 г. (по устным источникам) // Репрессированные народы: ис-

тория и современность. Мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Элиста, 26–28 ноября 2013 г.) Элиста: КИГИ РАН, 2013. Ч. 1. С. 112- 115.

Владимиру Бадахаевичу Убушаеву – 80 лет [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vesti-kalmykia.ru/society/24408 (дата обращения 23.06.2018.)

Гугова М. Х., Нальчикова Е. А., Текуева М. А. Онтологический опыт депортации: гендерный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 6(68): в 2 ч. Ч. 1. С. 71–74.

Гучинова Э.-Б. М. Язык травмы. Женские воспоминания о депортации калмыков и армян. 2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.elzabair.ru/cntnt/lmenu/vystupleni/ yazyk_trav. html (дата обращения 12.03.2019).

Гучинова Э.-Б. М. Депортация 1943 г.: опыт выживания и опыт осмысления // Постсоветская Элиста: власть, бизнес и красота. Очерки социально-культурной антропологии калмыков. М.: Алетейя, 2001. 180 с.

Кекеева З. О. Голод и моральные страдания «косили» калмыков // Во глубине сибирских руд… Воспоминания и статьи (1943-1957). Элиста: Джангар, 2013. С. 104-106.

Намруева Л. В. Роль языкового фактора в сохранении этноса (по итогам опроса 2003 г.) // Политические репрессии в Калмыкии в 20–40-е гг. XX в.: Сб. науч. тр. Элиста: Джангар, 2003. 208 с. С. 167–175.

Намруева Л. В. К вопросу о влиянии депортации на состояние здоровья и продолжительность жизни женщин-калмычек // Репрессированные народы: история и современность: Мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Элиста, 26–28 ноября 2013 г.) Элиста: КИГИ РАН, 2013. Ч. 1. С. 216-217.

Сангаджи-Гаряева Г. Стихи «28 декабря», «Память» // Во глубине сибирских руд… Воспоминания и статьи (1943-1957). Элиста: Джангар, 2013. С. 24–25.

Санджиев Н. Д. Вопросы депортации в произведениях калмыцких писателей и поэтов // Репрессированные народы: история и современность: Мат-лы всерос. науч. конф. (г. Элиста, 26–28 ноября 2013 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2013. Ч. 2. 158 с. С.139–149.

Саряева Р. Г. Освещение депортации поволжских немцев в периодической печати Калмыкии // Репрессированные народы: история и современность: Мат-лы всерос. науч. конф. (г. Элиста, 26-28 ноября 2013 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2013. Ч. II. 158 с. С. 125–131.

Сенглеева С. З. К проблеме формирования самосознания репрессированных // Репрессированные народы: история и современность: Мат-лы всерос. науч. конф. (г. Элиста, 26-28 ноября 2013 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2013. Ч. II. 158 с. С. 107-111.

Ссылка калмыков: как это было. Элиста, 1993. Т. 1. Кн. 1. С. 31.

Убушаев В. Б. «Всех калмыков переселить» … в Сибирь (О депортации калмыцкого народа в сибирские регионы: 1943-1957 гг.). Элиста: Джангар, 2014. 656 с.

Четырова Л. Б. Экзистенциальный смысл труда: опыт ссыльной молодежи // Репрессированные народы: история и современность: Мат-лы всерос. науч. конф. (г. Элиста, 26–28 ноября 2013 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2013. Ч. II. 158 с. С. 120-124.

Шакуев В. Б. Баллада Исповедь каторжанки. Альманах. Российский колокол. М., 2019. Вып. 1. С. 122-126.

Шакуев В. Б. Калмыки, помните про ссылку! (Стихи, поэма, киносценарий). Элиста: Джангар, 2018. 77 с.

Т. Г. Недзелюк
tatned@mail.ru
Сибирский институт управления
– филиал РАНХиГС
(Новосибирск)

T. G. Nedzelyuk
Siberian Institute of Management
– Branch of RANEPA
(Novosibirsk)

МОДЕЛЬ ГЕНДЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРАКТИКАХ ОБЩЕСТВЕННОГО СЛУЖЕНИЯ: ИЗ ИСТОРИИ «АБРИКОСОВСКОЙ ОБЩИНЫ»

Исследование посвящено характеристике специфической модели гендерного поведения девушек-терциарок, преимущественно выпускниц историко-филологического факультета Московского государственного университета, принесших монашеские обеты в доминиканском ордене и подвергшихся суровым испытаниям по причине своего общественного служения. Широкой известностью пользовалась община русских католиков в Москве, основанная Анной Ивановной (в монашестве Екатериной) Абрикосовой и ее супругом Владимиром Абрикосовым. После краткосрочного ареста в 1918 г. Владимир Абрикосов навсегда покинул Россию, а Анна Ивановна (Екатерина Абрикосова) осталась в Москве, фактически став настоятельницей женской доминиканской общины Третьего ордена (мирян). Особенность гендерного поведения терциарок неоднократно отмечалась современниками: занимаясь педагогической деятельностью, они с заботой относились к ученикам и коллегам-мужчинам, ставшим жертвами психологического давления, но предъявляли жесточайшие требования к самим себе и друг другу. Современники отмечали психологическую потребность терциарок «отдавать тепло». Монашеский устав подразумевает общежитие, а потому особенностью коммуникаций среди терциарок «Абрикосовской общины» было стремление не оставлять друг друга в трудных жизненных ситуациях: освободившись из мест лишения свободы, терциарки ехали к своим сестрам, еще не отбывшим наказание, чтобы разделять их судьбу. Общественное мнение, о чем свидетельствуют труды исследователей русского католичества, не осуждает Владимира Соловьева и Владимира Абрикосова за их оппортунистские поведенческие стратегии. Жертвенная модель женского поведения никого не только не удивляет, но и воспринимается как нечто естественное и, более того, ожидаемое.

Ключевые слова: практики общественного служения, гендерная модель поведения, терциарии, русские католики, абрикосовская община.

A MODEL OF GENDER BEHAVIOR IN PRACTICES OF PUBLIC SERVICE: FROM THE HISTORY OF “APRICOTIAN COMMUNITY”

The study deals with the characterization of specific patterns of gender behavior-girls terceros, mostly graduates of the historical-philological faculty of Moscow state University, which brought monastic vows in the Dominican order and subjected to a severe test by reason of his public Ministry. The community of Russian Catholics in Moscow, founded by Anna Ivanovna (in monasticism Catherine) Abrikosova and her husband Vladimir Abrikosov, was widely known. After a short arrest in 1918, Vladimir Abrikosov left Russia forever, and Anna Ivanovna (Ekaterina Abrikosova) remained in Moscow, effectively becoming the abbess of the female Dominican community of the Third order (laity). Feature gender behavior terceros many contemporaries noted that in teaching activities, they cared for students and colleagues-men who are victims of psychological pressure, but imposes severe demands on ourselves and each other. Contemporaries noted the psychological need terceros «to give heat». Monastic Charter implies the Dorm, and therefore a feature of the communications among terceros «Abrikosovskiy communities» was the desire not to leave each other in difficult situations: having released from imprisonment places, tertiary went to my sisters, not yet served their sentences to share their fate. Public opinion, as evidenced by the writings of researchers of Russian Catholicism, does not condemn Vladimir Solovyov and Vladimir Abrikosov for their opportunistic behavioral strategies. The sacrificial model of female behavior not only surprises nobody, but also is perceived as something natural and, moreover, expected.

Keywords: Russia, Siberia, public service practices, gender model of behavior, tertiary, russian catholics, Apricot community.

Предметом настоящего исследования являются особенности гендерного поведения в практиках общественного служения так называемых «монахов в миру», или «терциариев». Терциариями в католической церкви именуются члены монашеских орденов, принесшие обеты, но живущие не в монастыре (наиболее многочисленны и популярны так называемые «Третьи ордена» у францисканцев, доминиканцев и кармелитов). В советские годы широкой известностью пользовалась община русских католиков в Москве, основанная Анной Ивановной (в монашестве Екатериной) Абрикосовой и ее супругом Владимиром Абрикосовым.

После провозглашения Манифеста 17 апреля 1905 г. о свободе вероисповедания в России актуализировалось движение «русских католиков», находившееся под запретом со времен Петра I. К этому движению в разные годы принадлежали поэт и философ Петр Яковлевич Чаадаев, декабрист Михаил Сергеевич Лунин, историк и публицист, основатель Славянской библиотеки в Париже князь Иван Сергеевич Гагарин. Драйверами возрождения русского католического движения стали философ Владимир Сергеевич Соловьев и церковная писательница княгиня Елизавета Григорьевна Волконская. Публичное выступление Соловьева с концепцией

сохранения русской религиозно-культурной традиции и примирения ее с традицией католицизма вызвало широкий резонанс в кругах гуманитариев.

Общину русских католиков в Санкт-Петербурге возглавила Наталья Сергеевна Ушакова, родственница Петра Аркадьевича Столыпина. Община в Москве группировалась вокруг семьи Абрикосовых, Владимира и Анны. Владимир Владимирович Абрикосов закончил историко-филологический факультет Московского университета, учился в Оксфорде, женился на своей кузине Анне Абрикосовой. Анна, рано оставшаяся сиротой, воспитывалась в доме у богатых родственников, получила образование в Гартонском колледже при Кембриджском университете. В течение пяти лет после свадьбы молодожены путешествовали, приняли католичество, а по возвращении в Россию в 1913 г. решили стать терциариями [*Мать Мария Екатерина Сиенская… 2018*].

В 1917 г. Владимир Абрикосов принял участие в Соборе Российской греко-католической церкви и был рукоположен в священство. Квартира супругов Абрикосовых стала местом общения русских греко-католиков, клубом по интересам, локусом для проведения публичных аудиенций и в будущем – домом «абрикосовской общины» московских католиков восточного обряда. Со стороны православного духовенства патриарх Тихон публично объявил о своем сочувствии идее примирении православной и католической церквей, благословил проведение открытых собраний с чтением лекций.

Владимир Владимирович Абрикосов стал не просто священником византийского обряда – митрополит Андрей Шептицкий назначил его настоятелем московской приходской общины греко-католиков и руководителем московских доминиканцев [*Парфентьев, 2004, с. 26–43*].

Публичные диспуты представителей православной и католической церквей с широким участием московской интеллигенции, регулярно проводившиеся вплоть до 1922 г. в квартире Абрикосовых, привлекли внимание властей, Владимир Абрикосов был подвергнут кратковременному аресту и 17 апреля 1922 г. покинул Россию на «философском пароходе». В России осталась его супруга Анна.

Генеральный викарий ордена доминиканцев в 1923 г. дал официальное признание московской общине «монашествующих в миру», назначив настоятельницей Анну (в монашестве – Екатерину) Абрикосову. Социальное служение терциариев не сводится к помощи обездоленным; особенностью «абрикосовской общины» был ее состав. Примеру Владимира Абрикосова, обучавшегося на историко-филологическом факультете, последовали многочисленные студентки. Терциарки занимались просветительской деятельностью, преподавали в школах и университетах, работали в библиотеках.

В эмиграции Владимир Абрикосов активно контактировал с русскими эмигрантами, организовал в Риме комитет русских католиков, однако его

деятельность в Риме привела к конфликту с советником Конгрегации восточных церквей Мишелем д'Эрбиньи. Владимир Владимирович Абрикосов переезжает на постоянное место жительства в Париж, отходит от контактов с русскими эмигрантами и последние годы своей жизни (до 1966 г.) проводит в уединении, умирает в почтенном возрасте 85 лет [*Священник Владимир Абрикосов 2002*].

Осенью 1923 г. члены «абрикосовской общины» были арестованы. Процесс по делу продолжался почти год. Екатерина Абрикосова и сестры-доминиканки обвинялись в создании монархической организации, в связях с Ватиканом, им вменялась в вину передача за границу материалов, порочащих Советскую власть. Первый процесс по делу русских католиков завершился вынесением приговора: Анна (Екатерина) Абрикосова и ее коллеги были приговорены к достаточно большим (от 5 до 10 лет) срокам заключения. Вторая волна арестов прокатилась в январе-июле 1927 г. Остававшиеся на свободе терциарки и прихожане греко-католической общины в Москве были арестованы, осуждены и получили по 3–5 лет лагерей.

Биографические сведения о терциарках – «монахинях в миру» московской абрикосовской общины приведены в книге Ирины Осиповой «Возлюбив Бога и следуя за Ним…», написанной по материалам следственных дел 1923–1949 гг., аккумулированных в фонде «Мемориала» [*Осипова, 1999*]. Остановимся на некоторых из них.

Шарова Маргарита Сергеевна окончила исторический факультет Московского университета в 1943 г., поступила в аспирантуру. В феврале 1944 г. осуждена на 5 лет ссылки, этапирована в Красноярск. После освобождения в 1948 г. выехала в г. Ярославль, где работала в университете на кафедре всеобщей литературы. Работала в школе, преподавала французский язык. После окончания Московского педагогического института иностранных языков им. Мориса Тореза перешла на работу в Библиотеку иностранной литературы, служила главным библиографом и по-прежнему занималась с детьми.

Студентка Московского университета Нора Рубашова (в монашестве – Екатерина Сиенская) арестовывалась неоднократно. Впервые – в 1931 г. по групповому делу, этапирована в Сиблаг, освобождена через 5 лет. В 1948 г. арестована вторично, снова по групповому делу «русских католиков». Приговор был еще более суровым – 15 лет лагерей с отбыванием наказания в Воркутлаге, с 1954 г. – в Карлаге. После освобождения вернулась в Москву и до самой смерти трудилась в Государственной публичной исторической библиотеке.

Выпускница того же Московского университета Вера Хмелева (в монашестве – Мария Роза Лимская), арестована в 1923 г., сослана в село Мужи Тобольского округа.

Эйсмонт Софья (в монашестве – Филомена) Владиславовна, студентка Московской консерватории. В общину монахинь-доминиканок вступила в 1923 г., уже после отъезда Владимира Абрикосова. Восьмого марта 1924 г. арестована и уже через два месяца приговорена к трем годам ссылки с отбыванием наказания в Обдорске Тобольского округа Уральской области (ныне – Салехард в составе Ямало-Ненецкого национального округа). Давала частные уроки музыки. В 1933 г. вновь арестована, приговорена к восьми годам исправительно-трудовых лагерей и отправлена в Бамлаг; с 1938 г. – в Воркутлаге. В 1948 г. арестована в третий раз по групповому делу русских католиков, осуждена на 10 лет лагерей, наказание отбывала в Тайшетлаге, затем в Ангарлаге. После освобождения выслана в Казахстан. Умерла в 1993 г.

Галина Фадеевна Енткевич (монашеское имя – Роза Сердца Марии), выпускница Высших женских курсов по специальности «педагогика». Ее биография проста и лаконична. Жила в Москве, работала учительницей в школе. Арестована в 1923 г., выслана в Иркутск. В 1929 г. осуждена вновь и этапирована в с. Колпашево Нарымского края (сегодня – север Томской области). После окончания срока ссылки в 1936 г. устроилась на работу в г. Малоярославец. Зная тяжести ссыльной жизни, осенью 1942 г. она по собственной воле поехала в Семипалатинскую область поддержать отбывавшую там наказание и серьезно заболевшую сестру-терциарку Стефанию Городец. Стефания выжила, а Галина Енткевич – умерла. Даже в этих сложных условиях Роза Сердца Марии преподавала, в Семипалатинске ее знали как эрудированную и заботливую школьную учительницу.

Наконец, сама Анна (Екатерина) Абрикосова. После принятия мужем, Владимиром Абрикосовым, священнического сана 19 февраля 1921 г. стала игуменьей женской общины сестер Третьего ордена Святого Доминика. По ее собственным письмам и мемуарам сестер-терциарок [*Осипова, 1999, с. 276–292*], она тяжело переживала отъезд мужа, но социальное служение оказалось для нее важнее личного счастья. Арестована в 1923 г., и сразу получила максимальный срок – 10 лет. Отбывала наказание в Екатеринбургском, Тобольском и Ярославском политизоляторах. В 1933 г. арестована вновь. Скончалась от онкологического заболевания 23 июля 1936 г. в Бутырской тюрьме. Ее состояние и информация о заболевании не были секретом ни для монахинь-терциарок, всячески старавшихся ее помочь, ни для мужа, проживавшего в Риме [*Парфентьев, 2004*].

Внимания исследователей заслуживает особенная модель гендерного поведения терциарок: занимаясь педагогической деятельностью, они с заботой относились к ученикам и коллегам-мужчинам, ставшим жертвами политической репрессивной машины, но предъявляли жесточайшие требования к самим себе и друг другу. Современники отмечали психологическую потребность терциарок «отдавать тепло».

Образ жизни «монахов в миру» не отличается кардинальным образом от образа жизни обычных преподавателей, школьных учителей, библиотекарей. Иван Лупандин, вспоминая о Норе Николаевне Рубашовой, замечает, что она любила театр, «…очень увлекалась актером Михаилом Чеховым и ходила на все его спектакли во МХАТе» [*Вспоминает Иван Лупандин… 2004, с. 142*]. Квартира Рубашовой была местом встреч московских интеллектуалов, здесь бывали Арсений Тарковский и Александр Солженицын [*Вспоминает Иван Лупандин… 2004, с. 145–146*].

Душевная мягкость и заботливость проявлялись у сестер «абрикосовской общины» в аскетической форме. Философ Иван Владимирович Лупандин вспоминает о Норе Николаевне Рубашовой такими словами: «…не было в ней интеллигентной какой-то мягкости, тонкости, может быть, чуточку ей не хватало. По-видимому, такие качества не способствуют выживанию в тех условиях, в которых она жила. Очевидно, нельзя ожидать, чтобы люди, прошедшие лагеря, были мягкими, кроткими, чувствительными, – такие люди там погибали или сходили с ума» [*Вспоминает Иван Лупандин… 2004, с. 140*].

Монашеский устав подразумевает общежитие, а потому особенностью коммуникаций среди терциарок «Абрикосовской общины» было стремление не оставлять друг друга в трудных жизненных ситуациях: освободившись из мест лишения свободы, терциарки ехали к своим сестрам, еще не отбывшим наказание, чтобы разделить их судьбу.

Заслуживает внимания еще одна, противоположная гендерная сценарная модель. Внук знаменитого историка Сергея Михайловича Соловьева и его полный тезка, племянник философа и поэта Владимира Соловьева, провозгласившего идею примирения восточного и западного христианства [*Соловьев, 1969*], троюродный брат Александра Блока, выпускник историко-филологического факультета того же Московского университета, Сергей Соловьев в 1911 г. пережил нервное расстройство из-за неразделенной любви к актрисе Софье Гиацинтовой, предпринимал попытку суицида [*Сергей Михайлович Соловьев… 2018*]. В следующем году Соловьев влюблен, женится на Татьяне Алексеевне Тургеневой, путешествует с супругой по Италии. Следующие два года (1913–1915) посвящены обучению в православной Духовной академии Сергиева Посада. 21 ноября 1915 г. Сергей Соловьев становится дьяконом, а уже 2 февраля 1916 г. – священником православной церкви. Быстро разочаровавшись в православии, разводится с женой, родившей ему трех дочерей, Соловьев переходит в католичество. Мучимый сомнениями, возвращается в православие. Снова совершает переход в католицизм. В ноябре 1923 г., как раз в период массовых арестов терциарок, Сергей Соловьев возглавляет московскую общину русских католиков. В тот период, когда монахини-мирянки абрикосовской общины отправляются по этапу, Соловьев служит в католическом храме Непороч-

ного Зачатия на Малой Грузинской в Москве, а в ноябре 1926 г. становится вице-экзархом католиков восточного обряда в России, преподает историю античной литературы в Брюсовском литературно-художественном институте (1920–1924) и Московском университете (1924–1927) [*Сергей Михайлович Соловьев… 2018*]. Арестован в ночь с 15 на 16 февраля 1931 г. Не выдержав психологического давления, выдал всех членов общины. Осужден на 10 лет высылки в Казахстан, однако в силу сильного душевного волнения, переросшего в психическое расстройство, отправлен не в лагерь, а в психическую лечебницу на станции Столбовая под Москвой. Находился там 10 лет. С началом войны, в 1941 г., лечебница была эвакуирована в Казань, где Сергей Соловьев и умер. Могила его затерялась.

Священник Владимир Никифоров, настоятель еще одной московской общины греко-католического обряда, по воспоминаниям Норы Рубашовой, «испугался и перестал ее приглашать из соображений конспирации», на следствии всех выдал и в результате был освобожден. «Нора Николаевна ничего, кроме презрения, к нему не испытывала. Особенно ее насмешил рассказ отца Владимира о качестве санитарии в тюрьме» [*Вспоминает Иван Лупандин… 2004, с. 147*]. Как видим, гендерные модели в практиках общественного служения оказались разными. Не делая широких обобщений и не распространяя выводы на всех священников и сестер-терциарок, подвергнув анализу широкий массив мемуарной литературы, мы пришли к следующим наблюдениям.

После краткосрочного ареста Владимир Абрикосов навсегда покинул Россию, а Анна Ивановна (Екатерина Абрикосова) осталась в Москве, фактически став настоятельницей женской доминиканской общины Третьего ордена (мирян). Сергей Соловьев и Владимир Никифоров, не заботясь о судьбах тех, чьи имена назвали, избежали преследования. Терциарки, не считаясь с личными желаниями и невзирая на состояние здоровья, занимались просветительской деятельностью, оказывали помощь друг другу и окружающим в сложных жизненных ситуациях.

Общественное мнение, о чем свидетельствуют труды исследователей русского католичества, не осуждает Соловьева и Абрикосова за их поведенческие стратегии. Жертвенная модель женского поведения никого не только не удивляет, но и воспринимается как нечто естественное и, более того, ожидаемое.

Литература и источники

Вспоминает Иван Лупандин // Из истории гонений Католической Церкви: Новомученики и исповедники Российские перед лицом богоборческой власти. 2004 С. 140–153 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cathol.memo.ru/VOSP/lup_i.pdf (дата обращения: 23.08.2019).

Мать Мария Екатерина Сиенская // Товарищество А. И. Абрикосова сыновей. Возрожденные традиции качества жизни. 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://abrikosov-sons.ru/mat_mariya_ekaterina_s (дата обращения: 20.08.2019).

Осипова И. И. «Возлюбив Бога и следуя за Ним …». М.: Серебряные нити, 1999. 360 с.

Парфентьев П. А. Мать Екатерина (А. И. Абрикосова). М.: Керигма, 2004. 339 с.

Священник Владимир Абрикосов // Религиозные деятели русского Зарубежья. 2002 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zarubezhje.narod.ru/av/a_068.htm (дата обращения: 20.08.2019).

Сергей Михайлович Соловьев. Биография // Императорский Московский университет: Мемуары. 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://newserv.srcc.msu.ru/MIU_XIX/sm2soloviov02.html (дата обращения: 21.05.2019).

Соловьев В. С. Россия и Вселенская Церковь // Богочеловеческая история: библиотека Якова Кротова: Собр. соч. Брюссель, 1969. Т XI. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://yakov.works/library/18_s/solovyov/11_143.html (дата обращения: 21.05.2019).

А. В. Фролова
alexnauka2017@gmail.com
Институт этнологии и антропологии РАН
(Москва)

A. V. Frolova
Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow)

«УХОДЯЩАЯ НАТУРА»: ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ФОТОХУДОЖНИКА З. З. ВИНОГРАДОВА (ИЗ КОЛЛЕКЦИИ 1928–1933 ГГ. ФОТОАРХИВА ИЭА РАН)*

Статья основана на уникальных материалах выдающегося российского фотографа Захара Захаровича Виноградова (1882–1963 гг.) – основоположника советской научно-географической фотографии. В 1928–1933 гг. он проводил экспедиции по изучению труда и быта жителей малых городов Московской и Костромской губерний, кустарных промыслов и игрушечного дела в г. Сергиев Посад, с. Павлово. С началом процессов индустриализации и коллективизации в СССР кустарный способ производства был объявлен «высшей степенью угнетения трудящихся» и перестал существовать практически во всех сферах советской экономики.

В своих фотопортретах Виноградов сумел отразить всю мощь происходивших в стране трансформаций. Фотохудожник поймал миг «уходящей натуры», когда человек из традиционного общества, кустарной России, меняется под натиском нового мира, и показал нам этот процесс в серии прекрасных женских фотопортретов. Сложные психологические образы пожилых «кустарок», целеустремленные лица молодых комсомолок передают нам многогранную мозаику жизни нэповской провинциальной России.

Ключевые слова: женщины, фотография, трансформации, провинциальная Россия.

«THE DEPARTING NATURE»: FEMALE IMAGES IN THE WORK OF THE PHOTOGRAPHER Z. Z. VINOGRADOV (FROM THE COLLECTION OF THE 1928–1933 PHOTO ARCHIVE OF THE IEA RAS)

The Article is based on the unique materials of the outstanding Russian photographer Zakhar Zakharovich Vinogradov (1882–1963) – the founder of the Soviet scientific and

---

* Статья публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН № 0177-2019-0001 «Народы России в современном мире. Этнокультурное и этнодемографическое развитие. Россия XX–XXI вв.: сохранение и развитие традиций».

При написании статьи автор использовал материалы ОПИ ГИМ Фонда Захара Захаровича Виноградова (ф. 514. Инв. 103992, Арх. 5216), а также уникальные снимки фотографа из архива ИЭА РАН.

geographical photography. In 1928–1933 he conducted expeditions to study the work and life of the inhabitants of the small towns of Moscow and Kostroma provinces, Handicrafts and toy business in Sergiev Posad, Pavlovo. With the beginning of industrialization and collectivization in the USSR, the artisanal mode of production was declared the «highest degree of oppression of workers» and re-began to exist in almost all spheres of the Soviet economy.

In his photo portraits Vinogradov managed to reflect the full power of the transformations that took place in the country. The photographer caught the moment of «outgoing nature» when a person from a traditional society, artisanal Russia, is changing under the onslaught of the new world and showed us this process in a series of beautiful female photo portraits. Complex psychological images of elderly «bushes», purposeful faces of young Komsomol members give us a multifaceted mosaic of life of NEP provincial Russia.

Keywords: women, photography, transformation, provincial Russia.

Захар Захарович Виноградов (1882–1963 гг.) – фотограф-географ, основоположник советской научно-географической фотографии, крупный мастер художественного портрета и фотопейзажа. Он стоял у истоков фотографии, или, как ее тогда называли, светописи, в России [*Фролова, 2017, с. 12–13*]. Судьба З. З. Виноградова была связана с глобальными событиями XX в.: Первая мировая война, Октябрьская революция, гражданская война, строительство социализма, Великая Отечественная война, восстановление страны. Он был настоящим человеком XX столетия и сумел отразить в своих работах всю мощь происходивших трансформаций, с присущим ему документализмом, создавая настоящую панораму жизни в фотографиях.

Для Захара Виноградова фотография была лишь техническим способом выражения увиденного: настоящим творцом, создававшим столь чарующие картины, был его глубокий внутренний мир. Важными слагаемыми в достижении художественных достоинств снимка мастер считал чуткость фотографа ко всему тому, что происходило вокруг него, и ощущение гармонии между формами снимаемого объекта, его освещением и основным замыслом. «Для меня как фотохудожника, – вспоминал З. З. Виноградов, – неиссякаемым источником прекрасного служила всемогущая спутница моей жизни – великая Природа. Не раз она встречала меня то холодом, то горячими песками, пугала и грозила… и я понял, что перед судом истории песня о красоте природы будет звучать в унисон песне о человеке» [*Виноградов, 1960, с. 40–41*].

Виноградов был уверен в огромных возможностях фотографии как одной из областей искусства и нового средства изучения природы страны, жизни и быта ее народа, и главное, в ее просветительских задачах. В России начала XX в. самой крупной организацией, объединившей более тысячи фотографов, профессионалов и любителей, было Русское фотографиче-

ское общество (РФО). С 1906 г. Захар Виноградов стал действительным членом РФО и принимал самое активное участие в его деятельности, постоянно пополняя фонды собственными конкурсными работами и выполненными в экспедициях художественными сериями – вплоть до 1930 г., когда эта организация была расформирована.

В 1928–1933 гг. он проводил фотоэкспедиции по изучению труда и быта жителей малых городов Московской и Костромской губерний, кустарных промыслов и игрушечного дела в г. Сергиев Посад, с. Павлово. В эти годы в молодом советском государстве активизировались процессы индустриализации и коллективизации, кустарный способ производства был объявлен «высшей степенью угнетения трудящихся» и перестал существовать практически во всех сферах советской экономики. Конечно, фотограф выполнял определенный государственный и политический заказ, ему нужно было так представить в фотографиях образ кустаря, чтобы показать ремесленное кустарное производство в самом неприглядном виде, как отстающий буржуазный элемент. Однако мастер создал удивительно правдивую панораму жизни провинциальной советской России, серии фотопортретов, пейзажей. В 1929 г. в Советской России официально были запрещены церковные праздники [*Фролова, 2010, с. 82–83*], но простые люди продолжали отмечать их. Захар Виноградов детально фотографировал, как проходил праздничный ярмарочный Иванов день в небольшом Костромском городе Судиславле: многолюдное гулянье, карусели, базар, торговля. Его снимки наполнены ощущением полноты жизни, радостными светлыми лицами горожан. В своих фотопортретах Виноградов сумел отразить не только мощь происходивших в стране трансформаций, фотохудожник поймал тот миг «уходящей натуры», когда человек из традиционного общества, кустарной России, менялся под натиском нового мира. Особенно это проявилось в его серии прекрасных женских фотопортретов. Сложные психологические образы пожилых «кустарок», целеустремленные лица молодых комсомолок передают нам ветер перемен в многогранной мозаике жизни нэповской провинциальной России.

Надо отметить, что фотограф всегда с большим вниманием относился к положению женщины в России и создал много работ на эту тему. Он часто показывал тематическую подборку фотографий «Женская доля в русском быту» и подбирал под нее музыкальное сопровождение. Он был романтиком и мечтателем, искал новые направления и экспериментировал. В эти годы он уже новаторски совмещал аудио- и визуальный ряд: для «Лопарей» он рекомендовал «Колыбельную» Э. Грига, для «Моря» – вторую прелюдию С. В. Рахманинова, «Дорогу» смотрели и слушали под «Тройку» П. И. Чайковского, для цикла «Полдень» – романс «Жаворонок» М. И. Глинки [*ОПИ ГИМ, 10, с. 30–32*].

В своей работе З. З. Виноградов отдельно выделял фотопортрет, для него был очень важен духовный облик человека: «Портретное искусство – искусство специальное, требующее и специального оборудования, и специального изучения. Изучая окружающую человека обстановку, которая явилась результатом его творческой деятельности, вполне законно задаться вопросом – каков же сам человек, создавший все это вокруг себя. Фотографу надлежит на этот вопрос дать образный ответ» [*ОПИ ГИМ, 24, с. 191*].

Главным фактором для удачной «фотосессии» З. З. Виноградов считал постановку света: «Освещение является основным фактором при съемке портрета. Надо так осветить объект, если можно управлять светом, или так посадить его по отношению к падающему свету, чтобы эти характерные черты стали ясны. Огромный опыт, наблюдательность и интуиция фотографа позволяли ему решать задачи на высоком профессиональном уровне, и ему легко удавалось создать сложный этнографический портрет. Вот как он писал об этом: «Человеку, как представителю того или другого народного типа, свойственны некоторые внешние черты. Это будут нос, постановка глаз, губы, лоб, скулы, прическа и пр. Выявить их и составляет основную задачу, этому помогает соответствующее освещение модели и фона. Не менее важна и требует еще большей чуткости от фотографа вторая задача: понять и передать то выражение лица человека, ту постановку головы, положение корпуса, рук и т. д., которые характеризуют его индивидуальность и выражают его духовный облик» [*ОПИ ГИМ, 24, с. 192*].

Его удивительное восприятие цвета, полутонов, настоящее чутье художника и определило его неповторимый почерк в работе. Виноградов сам хорошо рисовал, особенно ему удавались графические зарисовки в карандаше. «Значительное преобладание темных тонов придает снимку сумрачность, тяжесть; эти тяжелые тона и подходят к мрачным или величественным сюжетам – ландшафт с нависшими тучами перед бурей, портреты стариков ... Значительное же преобладание светлых тонов сообщает снимку легкость, нежность, воздушность. В таких легких тонах целесообразно оформлять юное, нежное и радостное – легкий утренний туман, нежные детские головки. Но все это не следует считать обязательным правилом. Здесь лучший судья – творческая чуткость человека.

При съемке все черты человеческого лица как будто остаются те же, но чуть заметная складка на щеке, у рта или глаз, чуть больший подъем или поворот головы – и покой сменяется энергией, покорность – уверенностью и гордостью, раздумье – мягкой улыбкой» [*ОПИ ГИМ, 24, с. 119*].

Захар Захарович Виноградов всегда с большой теплотой относился к людям. Он считал это основой в своей работе. «Тактичность и находчивость фотографа, способного завязать интересный для фотографируемого разговор, поможет увидеть, а затем и выявить характерные черты и соз-

дать типичный портрет без утомления самого объекта. Самочувствие снимаемого имеет большое значение. Надо создать такую обстановку при съемке, чтобы человек чувствовал себя непринужденно. Лучше всего, чтобы он совершенно не думал о съемке, а углубился бы в свои мысли и смотрел бы куда-нибудь вдаль. Следует также предупредить позирующего, что во время съемки моргать глазами совсем не вредит качеству портрета – это избавит его глаза от ненужного утомления и неестественного выражения». По воспоминаниям фотографа, снимок выходил наиболее удачным, когда участники не знали или не обращали внимание на то, что их снимали [*ОПИ ГИМ, 24, с. 192*].

Огромную важность для З. З. Виноградова представлял сам процесс поиска объектов, предметов фотографирования. «Объекты съемки следует искать, но очень часто фотограф наталкивается на них случайно. Благоприятные условия съемки могут и неожиданно появляться и так же быстро исчезать – в особенности при подходящем освещении. Поэтому надо быть всегда готовым к быстрой съемке. От фотографа требуется большая оперативность, наблюдательность и острая восприимчивость» [*ОПИ ГИМ, 24, с. 209*].

Все эти необходимые задачи выполнены в рассматриваемых женских образах: выражение лица, ракурс, поза женщин, удачно выбранное место в их домах или на работе. Одним снимком фотохудожник показал весь груз прошедшей тяжелой жизни и сильный характер героини. «Кустарка» из села Павлово, женщина за работой из деревни Хамьяново или продавщица горшков на базаре из Судиславля – эти образы останавливают взгляд зрителя на себе, заставляют вглядываться и раскрывают нам свои истории.

Групповые женские портреты погружают нас в колорит сложного переходного периода первых пятилеток в провинции. На фотографии «В час отдыха – в вечерний час. ул. Луначарского, бывшая Петровская улица д. № 8», несколько девушек и женщин среднего и пожилого возраста расположились у крыльца дома. Молодежь уже в новой одежде: кофточки, короткие юбки, все без головных уборов, с модными короткими стрижками, пожилые женщины в платках, в традиционной одежде. У женщин и разные позы. Такие же контрастные детали заметны и в других снимках фотохудожника: «Мать и дочь в деревне Поповка», «Группа детей и девиц у домика с орнаментикой в д. Поповка». В них ярко проявляется переплетение нового и старого, которое подчеркнуто и в цветовой гамме, девушки в светлой одежде, старшее поколение в темной. Также несколькими деталями Виноградов показывает неизбежный уход традиции, смену времен. Так, на снимке «Девочка несет воду на коромысле», с. Павлово, сентябрь 1929 г., сфотографирована героиня на улице с коромыслом – традиционным русским приспособлением для переноски воды в ведрах, но одета она в очень короткую юбочку выше колена, на ногах полусапожки на шнуров-

ке. Девушка очень естественна и спокойна в этом наряде, ни тени смущения на ее лице.

Интересен тот факт, что все названия к своим работам фотограф придумывал сам, часто писал полный почтовый адрес героев, чтобы потом выслать им снимки, настолько трепетно относился к людям. По этим названиям можно было понять и его личные симпатии. Своих любимиц Виноградов фотографировал много раз и в разных ракурсах, и обязательно придумывал названия и указывал имя. Фотография «Нюра (Анна). За прялкой в Судиславле». Девушка в традиционном костюме, в набивном сарафане с белоснежной рубахой, с закатанными по локоть рукавами, в платке, завязанном под подбородком, держит в руках кудель. Мастер откровенно любуется красавицей, ее обаятельной улыбкой, искорками в глазах. Еще одна фотография Нюры, где она изображена в профиль, у окна, и также за прялкой. Нежные спокойные и одухотворенные образы с легкой ноткой грусти выдают ностальгические чувства автора по «уходящей натуре», по исчезающей «кустарной» России.

С этой точки зрения очень показателен другой снимок девушки из деревни Самойловка Московской губернии. Интересно отношение самого фотографа – он не написал имени девушки: работа называется «Дочка коваля Осипа Федоровича Ершова». Яркая иллюстрация образа нового времени. Девочка одета по-городскому, в платке, завязанном по-комсомольски, концами назад, и так, чтобы была видна модная стрижка, локоны волос завиты и уложены кокетливо на щеках. Одежда тоже не деревенская, курточка с отложным воротником. Виден шнурок от нательного крестика, и становится понятно, что девушка его прятала. Она выглядит напряженной, фигура немного наклонена вперед, на лице нет улыбки, она серьезна и не смотрит «в камеру», словно прервала свой бег, остановившись на мгновение, перед стремительным стартом в новую жизнь.

Захар Захарович Виноградов не просто любил жизнь, он восхищался каждым прожитым днем. Приведем слова, которые он написал своей юной родственнице из действующей армии в 1917 г. Именно в них заключается жизненная позиция мастера, выражена вся квинтэссенция его лучших качеств, – оптимизма, мудрости, опыта, доброты: «Как жизнь человека может быть интересна! Как может быть она прекрасна! Надо в жизни только найти свою звездочку путеводную, она путь и покажет; а на тот случай, когда небо тучками покроется, чтобы с дороги не сбиться – внутри себя огонек зажечь нужно и помнить – что какие бы тучи ни были, ветер все-таки их разгонит и солнце яркое снова засветит… и помни, что жизнь наша всегда в наших руках – какой захотим, чтобы она была – такой она и будет ...» [*ОПИ ГИМ, с. 61*].

Известный историк фотографии С. А. Морозов восхищался талантом З. З. Виноградова в безукоризненном подчас научном фотодокументе про-

явить талант поэта-лирика, его способностью увидеть мгновение, превращающее реальность в образ [*Морозов, 1958, с. 201*].

Уникальные фотоматериалы Захара Захаровича Виноградова предоставляют нам возможность увидеть настоящую панораму жизни страны, они отражают специфику образа жизни русских горожан, трансформации эпохи первых пятилеток. Его работы помогают закрыть большие лакуны в изучении повседневности России начала XX века и напоминают нам о талантливых многогранных людях, посвятивших свою жизнь служению Родине.

Литература и источники

Виноградов З. З. Неиссякаемый родник // Сов. фото. 1960. № 3. С. 40–41.

Морозов С. А. Советская художественная фотография. М.: Искусство, 1958.

Отдел письменных источников государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 514. ед. хр. 61, 24, 10.

Фролова А. В. Русский праздник. Традиции и инновации в праздниках Архангельского Севера XX – начала XXI века. М., 2010.

Фролова А. В. Центральная Россия в фотографиях З. З. Виноградова. М., 2017.

О. В. Шестак
ok_schestak@mail.ru
Исследователь, преподаватель-исследователь
по направлению «Культурология»,
консультант консалтинговой компании «Алтай-арт»
(Барнаул)

O. V. Shestak
Researcher, Teacher-researcher in the sphere of Culturology,
Consultant, Altai-Art Consulting Company
(Barnaul)

К ВОПРОСУ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ

В современном обществе идут активные социокультурные процессы, влияющие на формирование и восприятие образа женщины. Исторически сложившийся «стереотип» подвергается пристальному вниманию, исследованию, трансформации в индивидуальном и массовом сознании людей. Обилие разнородной и противоречивой информации, наглядных примеров ставит перед каждым человеком проблему формирования базовых элементов самообучения, развития и совершенствования в направлении желаемого социального (гендерного) опыта. Следовательно, осознание своего естества в процессе биологической и гендерной самоидентификации, а также сильных и слабых сторон отдельно взятой личности необходимо направить в сферу интересов не только ученых/педагогов, но и рядового члена общества. Значимым элементом, самомотивацией глубокого исследования и формирования индивидуальных гендерных установок может стать процесс профессионального становления. Познание истинной женской сути, грамотное использование внутреннего ресурса делает данный процесс увлекательным, эффективным и экологичным.

Ключевые слова: исследование, гендерные особенности, понятие «женщина», профессиональное становление.

ON GENDER-SPECIFIC RESEARCH IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL FORMATION OF A WOMAN

In modern society there are active sociocultural processes that affect the formation and perception of the image of women. Historically formed stereotype is the subject of close attention, research, transformation in the individual and mass consciousness of people. The abundance of diverse and contradictory information, clear examples poses to each person the problem of forming basic elements of self-study, development and improvement in the direction of the desired social (gender) experience. Consequently, the awareness of their nature in the process of biological and gender self-identification, as

well as the strengths and weaknesses of a particular person should be directed to the sphere of interests not only of scientists/teachers, but also of the ordinary citizen. The process of professional formation can be a significant element, self-motivation of deep research and forming of individual gender attitudes. Cognition of the true female essence, competent use of the internal resource makes this process fascinating, effective and ecological.

Keywords: research, gender features, concept of woman, professional formation.

Исследуя и раскрывая тему «Женщина в современном обществе», отметим актуализацию гендерных вопросов, диапазон которых охватывает как суть понятия «женщина», так и понятия «особенности женского мировосприятия, его сильные и слабые стороны»; «полоролевая идентификация»; «особенности реализации женщины в семье»; «женщина в общественной, культурной и политической жизни общества»; «роль женщины-профессионала в обществе». Активный интерес к данной проблеме значительного количества населения вызвал ответную реакцию как социокультурных и политических институтов, так и бизнес-структур. Заинтересованной публике предложены значительное число вариантов решения данных вопросов, ориентированных как на «индивидуальный подход», так и на «формирование массового сознания». Приведем некоторые примеры:

а) книги, отражающие различные эмоциональные и психологические потребности читательниц, – «Женщина третьего тысячелетия» [*Менегетти, 2001*], «Мысли, афоризмы и шутки выдающихся женщин» [*Душенко, Манчха, 2005*], «Путь жрицы, путь богини: Руководство по пробуждению божественной женственности» [*Роуз, 2007*], «Большая книга стервы. Полное собрание по стервологии» [*Шацкая, 2007*] и многие другие;

б) тренинги, мастер-классы, лекции, занятия, ориентированные на формирование индивидуального подхода по раскрытию женственности;

в) средства массовой информации, формирующие/реализующие массовый запрос – телешоу (например, «Девчата», Россия-1)[8], женские журналы, женские блоги (в том числе «Взгляд на мир глазами женщины» Ирины Яровиковой)[9];

г) мероприятия, направленные на социокультурное, политическое и экономическое становление женщины, например: международный научно-практический семинар «На пути к справедливому обществу: женщины в общественной жизни, науке, культуре (1919–2019), г. Новосибирск (15–16 октября 2019 г.); конференция Алтайского краевого отделения Общерос-

[8] Телешоу «Девчата» // Россия 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russia.tv/brand/show/brand_id/3964 (дата обращения: 01.07.2019)

[9] Взгляд на мир глазами женщины: Блог Ирины Яровиковой [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://krasa-blog.ru (дата обращения: 20.06.2019).

сийской общественно-государственной организации «Союз женщин России»[10], конференция для женщин-предпринимателей «Я могу! Бизнес. Успех. Лидерство»[11].

Каждый источник, направление освещает различные грани женщины, ее взаимодействия с миром. Между тем общество неоднократно заявляло о процессах феминизации, необходимости равноправия между мужчиной и женщиной. В научном плане интерес представляет проблема взаимосвязи качества жизни общества с процентным соотношением в нем лидеров/ведущих специалистов мужчин и женщин, а также способность женщины осознанно формировать свою позицию профессионала с использованием истинно женских качеств. Каково современное представление людей о женщине-профессионале? Какие ожидания преобладают в массовом сознании людей?

В рамках рассматриваемой темы отметим существование широкого общественного мнения о природе женщины и ее предназначения быть матерью, хозяйкой, хранительницей домашнего очага. В текущий период о профессионализме женщины, ее креативных способностях и деловых качествах идут активные рассуждения. В качестве «наглядного примера» дается ссылка как на исторические личности (например, женщины Древней Руси [*Пушкарева, 1989*]), так и на современных женщин [*Скляренко, Иовлева, Мац, 2003*]. Следовательно, возникает необходимость выявить представления широкого круга людей о «ключевых составляющих» – понятии «женщина», «профессиональное становление».

Известно, что в разные века, в разных культурах, традициях и религиях создавался образ женщины, передающий те или иные качества и свойства этого понятия. Так, в XX–XXI вв. семантическая инверсия уже имела место. Например, «Женщина – противоположное мужчине со способностью рожать детей» [*Ожегов, 1983, с. 171*]. «Женщина – лицо, противоположное по полу мужчине; Лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств» [*Словарь русского языка, 1981, с. 479*]. «Женщина – существо бесправное, придавленное» (Н. К. Крупская) [*Крупская, с. 20*]. «Женщина – это приглашение к счастью» (Ш. Бодлер) [*Борохов, 2002, с. 164*]. «Женщина может быть личностью или вещью. Она – личность,

---

[10] Конференция Алтайского краевого отделения Общероссийской общественно-государственной организации «Союз женщин России» // Информационный портал НКО Алтайского края [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://nko22.ru/news/sostoyalas-konferentsiya-altayskogo-kraevogo-otdeleniya-obshcherossiyskoy-obshchestvenno-gosudarstve/ (дата обращения: 28.07.2019)

[11] Конференция для женщин-предпринимателей «Я могу! Бизнес. Успех. Лидерство» // Сайт Бизнес Леди [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://businesslady-life.ru/kalejdoskop-sobytij/586-konferentsiya-dlya-zhenshchin-predprinimatelej-ya-mogu-biznes-uspekh-liderstvo (дата обращения: 05.08.2019)

если не испытывает зависимости от человека, которого любит, если она хозяйка своих суждений и планов, своего тела и мыслей. Она – вещь, если позволяет обращаться с собой как с вещью, быть может прекрасной и драгоценной, но не имеющей собственной воли, подчиняющейся желаниям и капризам хозяина, – нечто вроде приятного блюда, утоляющего голод» (А. Моруа) [*Борохов, 2002, с. 166*]. «Женщина – импровизация вечности в моменте пространства, ведущая к трансцендентному наслаждению» (А. Менегетти) [*Менегетти, 2001, с. 181*]. Следовательно, наука и искусство, философия и религия формируют в массовом сознании свое представление о понятии «женщина».

Вместе с тем возникает следующий вопрос: «Отождествляют ли окружающие нас люди декларированные выше определения со своей (иной) женской сутью?». В качестве иллюстрации приведем следующую информацию.

В декабре 2009 г. в рамках выставки картин профессиональных художников по теме: «Женщина – мифы и реальность» [*Ермолович, 2010*] нами был проведен опрос более 400 человек в возрасте 16–77 лет. Анкета содержала следующие вопросы:

1. Женщина. Кто это (раскройте суть понятия «женщина»)?
2. Женщина. Какая она?
3. Ваш идеал женщины среди близких (родственники, друзья, знакомые)?
4. Ваш идеал женщины среди представительниц искусства и шоу-бизнеса?
5. Ваш идеал женщины среди представительниц общественной и политической деятельности (район, город, край, Россия, на международном уровне)?

В анкетировании приняли участие 78,5 % женщин и 21,5 % мужчин, около 300 человек в замешательстве отказались. Ни один респондент не дал определения, раскрывающего хотя бы большую часть понятия «женщина». Упрощенное определение, близкое к толковому словарю, дали 7 % опрошенных («Женщина – противоположное мужчине, способная рожать детей»). Выделили женщин по половому признаку – 12 %, 45 % ответов можно объединить по аналогии «богиня, ангел, чудо, идеал, цветок»; «мать» – 7 % и 2 % – «тварь». Вместе с тем, «женские качества» выделили 100 % опрашиваемых, большая часть которых соответствовала литературному образу (не было ни одной ссылки на научные факты). На третий вопрос, в первой позиции был ответ «мать» – 47,5 %, «нет идеала» – 34 %. Четвертый вопрос выявил отсутствие идеалов («нет ответа») – 52 % респондентов. Более высокие показатели в отсутствии идеалов среди женщин по 5 вопросу, фактические показатели – 73,8 %. Таким образом, анализ результатов анкетирования позволяет сделать вывод о том, что ¾ опро-

шенных глубоко не задумывались о том, кто такая женщина, и лишь ¼ респондентов имеет упрощенное представление и собственные взгляды о сути женского феномена.

В настоящее время возрастает актуальность проведения более глубоких научных исследований по рассматриваемой проблеме. В стремлении восполнить информационный пробел в сознании окружающих о женщине-человеке, раскроем суть данного понятия, опираясь на семантику понятия «здоровье» по определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Наполняя трактовку ВОЗ новым содержанием, получим: «Женщина – это человек с наличием половых признаков, присущих женскому роду, а также с индивидуальными психологическими (психическими) особенностями, осознающая женские роли и реализующая себя в социуме как жена, мать, хозяйка, профессионал и др.». Опираясь на многоуровневость понятия «женщина», можно раскрыть некоторые аспекты этого определения, которые представлены в таблице.

Социальное	Мудрая адаптация в обществе	Партнер и помощница мужчинам	Воспитание, обучение, передача опыта социальным явлениям	Хозяйка собственной жизни	Творец
Психологическое/психическое	Формирование себя как личности	Партнер и помощник мужу	Воспитание, обучение, передача опыта своему ребенку	Хозяйка своего тела, чувств, развития и др.	Руководитель / мастер
Физическое	Физическое здоровье	На физическом уровне: быт, секс	На физическом уровне: родить, накормить, одеть, защитить	Быт	Исполнитель
Здоровье	**Женщина**	**Жена**	**Мать**	**Хозяйка**	**Профессионал**

Следует учесть, что приведенная нами классификация граней, составляющих понятие «женщина», достаточно условна, однако позволяет создать мозаику женских социотипов, часто встречающихся в жизни. Также можно говорить о том, что в зависимости от психологического возраста человек останавливается на том или ином уровне. Так, например, Томас А.

Харрис [*Харрис, 1993, с. 3*] выделил четыре этапа рождения каждого человека. Вначале клеточное рождение (зачатие), при котором закладывается генетическая составляющая. Затем идет физическое рождение (плод-ребенок) – переход из «внутреннего мира» во внешний мир. Следующий этап характеризует психологическое рождение (осознание себя отдельной личностью). Четвертый этап – социальное рождение, при котором человек становится членом общества. Дополнительно отметим, что накопленный социальный опыт в процессе последующей индивидуальной адаптации может быть реализован индивидом как в разных ролях (жена, мать и т. д.), так и ограничен одной «ипостасью».

Попробуем отразить вышесказанное в разделе «женщина-профессионал».

«Женщина-профессионал» – это гармоничное сочетание физического, психологического, социального уровней, которое дает «состояние» (со-Сто-Я-ние), позволяющее реализовать «знаю, хочу, могу, взаимодействую», что обеспечивает максимальный результат в создавшихся условиях. Отсутствие или «западание» одной из составляющих снижает коэффициент полезного действия, соответственно и результат труда. Важное условие: «знаю» свою истинную женскую суть и свои сильные/слабые женские качества; «хочу» раскрыть свои биологические/психологические/социальные возможности женщины; «могу» мудро и грамотно использовать свой потенциал; «взаимодействую» экологично.

1. *Исполнитель.* Женщины, проявляющие себя на этом уровне как профессионалы, зачастую имеют репродуктивный подход к решению поставленных задач. Они могут быть честными, ответственными, пунктуальными, однако зачастую безинициативны и пассивны. При наличии *психического* здоровья такая женщина чаще всего «растеряна»: она не знает своих желаний, стремлений, не осознает потребности своего физического тела, пассивно взаимодействует с социумом. Рассматривая ситуацию по вертикали, можно говорить о том, что при *психологическом* здоровье женщина осознанно занимает позицию исполнителя без ущерба для профессионализма. При этом она четко осознает потребности своего тела, личности и социальные ожидания окружающих. В своей жизни она может на 100 % реализоваться в другой роли (матери, жены), опираясь на свои интересы и интересы ее родных.

2. *Мастер-руководитель.* Данный социотип можно условно разделить на два подуровня: мастер и руководитель. Осознав себя, свои сильные и слабые стороны, изучив возможности и особенности своего физического тела, женщина становится хозяйкой себя (своего тела, своих чувств и эмоций, а таже своих целей и желаний). Приобретя психологическое здоровье, женщина начинает показывать красоту своего внутреннего мира окружающим через свое мастерство. Для женщины в этот момент важен

сам факт умения выразить себя через свою деятельность. Видя внутреннюю красоту этой женщины-профессионала, окружающие начинают тянуться к ней, стараться понять ее и то состояние, которое она дает. У них возникает ощущение ценности ее как профессионала и человека. И здесь мы подходим ко второму подуровню – руководитель. Умение выразить и передать красоту своего внутреннего мира не одно и то же с умением организовать окружающее пространство. Понятие «Руководитель» состоит из двух слов «рука» и «водить», то есть рукой водить (=передвигать) или, другими словами, организовывать пространство. Соответственно, такая женщина должна понимать не только свое тело, чувства, эмоции и мысли, но и уметь управлять ими. В нужном месте, в нужное время и в нужном качестве принять мудрое решение и реализовать его. В данном случае можно говорить о состоянии «Ты признаешь себя и окружающий мир». Окружающие/подчиненные с большой благодарностью и уважением относятся к таким женщинам-профессионалам, так как они видят в них возможность быть признанными и понятыми.

3. *Женщина-творец* «рождается» в тот момент, когда «мир признает ее». Она получает великолепную способность творить. Мудрость, чистота, любовь, гармония становятся неотъемлемой частью женщины. Одно только ее присутствие наполняет людей и окружающее пространство радостью, уютом, гармонией и покоем. В такие минуты случаются чудеса, и человеческие души раскрываются навстречу «солнечному свету», мудрости и пониманию. О таких женщинах говорили [*Борохов, 2002*]: «Женщина царствует, но не управляет» (Д. Жирарден); «Царство женщины – это царство нежности, тонкости и терпимости» (Ж.-Ж. Руссо); «Женщина – самое могущественное в мире существо, и от нее зависит направлять мужчину туда, куда его хочет повести Господь Бог» (Г. Ибсен); «Женщина – это приглашение к счастью» (Ш. Бодлер).

Исходя из всего вышесказанного можно увидеть, что женщина, познав себя, способна качественно выполнять различные соцально-профессиональные роли. Внутренняя сила и воля таких женщин в большинстве своем носит созидательный характер. Взаимодействие с мужчинами-профессионалами выстраивается по принципу сотворчества.

Таким образом, отмечаемый процесс феминизации общества может носить положительный характер. Научные исследования, по данной тематике, необходимо популяризировать на доступном для большинства людей уровне, что в конечном итоге помогает женщине глубже осознать себя, свою ценность, познать особенности женского мировосприятия и реализоваться в обществе как женщина, жена, мать, хозяйка, профессионал.

Литература и источники

Борохов Э. Энциклопедия афоризмов: В мире мудрых мыслей. М.: Изд-во АСТ, 2002. 665 с.

Душенко К. В., Манчха Г. П. Мысли, афоризмы и шутки выдающихся женщин. 6-е изд., перераб. М.: Эксмо, 2005. 640 с.

Ермолович О. В. Роль женщины-профессионала в обществе // Проблемы социально-гуманитарного образования на современном этапе модернизации российской школы: Материалы IV Всеросс. науч.-практ. конф. (2 нояб. 2010 г.). Барнаул: АлтГПА, 2010. С. 89–95.

Крупская Н. К. Избранные педагогические произведения / Академия пед. наук РСФСР; сост. Н. А. Константинов, Н. А. Зиневич. М.; Л., 1948. 360 с.

Менегетти А. Женщина третьего тысячелетия / пер. с итальянского Славянской ассоциации Онтопсихологии. М.: ННБФ «Онтопсихология», 2001. 256 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. д-ра филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. 14-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1983. 816 с.

Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.

Роуз Шэрон. Путь жрицы, путь богини: Руководство по пробуждению божественной женственности / пер. с англ. М.: София, 2007. 352 с.

Скляренко В. М., Иовлева Т. В., Мац В. А. 100 знаменитых женщин. Харьков: Фолио, 2003. 510 с.

Словарь русского языка / Академия наук СССР; Институт русского языка; ред. А. П. Евгеньева, Г. А. Разумникова. М.: Русс. яз., 1981. Т. 1.

Харрис Т. А. Я о'кей – вы о'кей / пер. с англ.; Фонд ментального здоровья. Красноярск, 1993. 288 с.

Шацкая Е. Большая книга стервы. Полное собрание по стервологии. М.: АСТ, 2007. 140 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ардальянова Анна Юрьевна, кандидат социологических наук, департамент социальных наук, *Дальневосточный федеральный университет, Владивосток*

Анжиганова Лариса Викторовна, доктор философских наук, профессор, *Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, профессор кафедры философии и культурологии, Абакан*

Бадмацыренова Елизавета Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент, *Бурятский государственный университет, Улан-Удэ*

Беляев Владислав Петрович, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и культурологии, *Уральский государственный горный университет, Екатеринбург*

Винокурова Анна Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, департамент социальных наук, *Дальневосточный федеральный университет, Владивосток*

Галкина Елена Петровна, кандидат социологических наук, доцент кафедра психологии и педагогики факультета гуманитарных наук и социальных технологий, *Ульяновский государственный университет, Ульяновск*

Горбунова Екатерина Викторовна, врач-психиатр, независимый исследователь, *Новосибирск*

Гафурова Зинаида Рузвиновна, кандидат философских наук, доцент, кафедра социальных наук и технологий *Московского национального исследовательского технологического университета стали и сплавов МИСИС, Москва*

Джумантаева Тамара Александровна, кандидат культурологии, доцент, директор научно-исследовательского и просветительного учреждения культуры *«Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник», Полоцк, Республика Беларусь*

Дегальцева Екатерина Александровна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, *Бийский технологический институт Алтайского государственного технологического университета, Бийск*

Запорожченко Галина Михайловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник *Института истории СО РАН, Новосибирск*

Ерохина Елена Анатольевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник *Института философии и права Сибирского отделения РАН, профессор Новосибирского государственного университета экономики и управления,*

Кадничанская Марина Ивановна, кандидат социологических наук, доцент, кафедра психологии и педагогики факультета гуманитарных наук и социальных технологий, *Ульяновский государственный университет, Ульяновск*

Кузина Ирина Геннадьевна, кандидат исторических наук, профессор, *Дальневосточный федеральный университет, Владивосток*

Лисевич Нина Григорьевна, главный архивист отдела гуманитарных междисциплинарных исследований *ФИЦ Коми научный центр Уральского отделения РАН, Сыктывкар*

Мархинин Василий Васильевич, кандидат философских наук, доцент, кафедра политико-правовых дисциплин, *Сургутский государственный университет, Сургут*

Миронова Наталья Петровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела гуманитарных междисциплинарных исследований *ФИЦ Коми научный центр Уральского отделения РАН, Сыктывкар*

Намруева Людмила Васильевна, кандидат социологических наук, доцент, *Калмыцкий научный центр РАН, Элиста*

Недзелюк Татьяна Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, *Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Новосибирск*

Орлова Надежда Александровна, кандидат социологических наук, департамент социальных наук, *Дальневосточный федеральный университет, Владивосток*

Фролова Александра Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел русского народа, *Институт этнологии и антропологии РАН, Москва*

Шестак Оксана Валерьевна, консультант, *Консалтинговая компания «Алтай-арт», Барнаул*

Научное издание

**НА ПУТИ К СПРАВЕДЛИВОМУ ОБЩЕСТВУ:
ЖЕНЩИНЫ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, НАУКЕ, КУЛЬТУРЕ
(1919–2019)**

Сборник научных статей
по итогам Международного научно-практического семинара
(Новосибирск, 15–16 октября 2019 г.)

Редактор С. В. Исакова
Обложка Е. В. Неклюдовой

Институт философии и права СО РАН
630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.

Подписано в печать 8.10.2019 г.
Формат 60x84/16. Уч.-изд. л. 9,6. Усл. печ. л. 8,9.
Тираж 100 экз. Заказ № 234
Издательско-полиграфический центр НГУ
630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2